

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА**

2022 Том 19 № 1

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-1

<http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>

Научный журнал
Издается с 2003 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61178 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ:

АКТИВНОСТЬ, ИДЕНТИЧНОСТЬ, БЕЗОПАСНОСТЬ

- Emelyanova T.P., Drobysheva T.V., Vikentieva E.N., Tarasov S.V.** Activity of Muscovites in the urban environment: the role of the responsibility factor (Активность москвичей в городской среде: роль фактора ответственности) 7
- Шамионов Р.М., Суздальцев Н.В.** Соотношение приверженности молодежи к социальной активности в интернете и физическом пространстве 21
- Mikhailova O.B., Gutvajn N.** Growing infantilism in modern adolescents and young people: symptoms and causes (Прогрессирующий инфантилизм у современных подростков и молодежи: симптомы и причины) 39
- Сачкова М.Е., Волков Р.С.** Особенности групповой идентичности и ее взаимосвязь с уровнем спортивных достижений у подростков и юниоров, занимающихся боксом 54
- Тылец В.Г., Краснянская Т.М.** Личностные смыслы безопасности в сознании профессиональных франкофонов 71

ЛИЧНОСТЬ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

- Григорьев Д.С.** Когнитивно-мотивационные основы аккультурационных ожиданий: применение модели групповой позиции этнических групп 86
- Ткаченко Н.В., Хухлаев О.Е.** Осознанность в межкультурной коммуникации: опыт качественного анализа 110
- Muzychenko Iu., Apollonova I., Evans D.** Is silence golden? Chronic stress and psychophysiological indicators' changes over time in international students: a pilot study (Молчание золото? Хронический стресс и динамика психофизиологических показателей у иностранных студентов: пилотное исследование) 128

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ЛИЧНОСТИ

- Эбзеева Ю.Н.** Грантовая поддержка как фактор развития научных исследований в российских университетах 146
- Бехтер А.А., Филатова О.А.** Адаптация шкалы Р. Шварцера «Проактивные аттитюды»: валидизация и психометрическая проверка на выборке российской молодежи 158

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Куриленко Виктория Борисовна, доктор педагогических наук, заведующая кафедрой русского языка Медицинского института РУДН, Москва, Россия

Почетный редактор

Григоренко Елена Леонидовна, доктор психологических наук, Ph.D., выдающийся профессор департамента психологии Хьюстонского университета, профессор-исследователь департамента педиатрии, молекулярной генетики и генетики человека Бейлорского медицинского колледжа, Хьюстон, США; профессор Центра детских исследований Йельского университета, старший научный сотрудник лаборатории Хаскинс, Йель, США

Ответственный секретарь

Новикова Ирина Александровна, кандидат психологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой социальной и дифференциальной психологии РУДН, член-корреспондент МАНПО, Москва, Россия

Члены редакционной коллегии

Барбот Баптисте, Ph.D., профессор Института психологических исследований Лувенского католического университета, Лувен-ла-Нев, Бельгия

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры клинической и юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва, Россия

Джарвин Линда, Ph.D., профессор психологии Парижского колледжа искусств, Париж, Франция

Кючуков Христо, доктор педагогических наук, Ph.D., профессор Университета Силезии в Катовице, Катовице, Польша

Нью Вилльям, Ph.D., профессор, профессор и глава департамента образования и исследований молодежи Колледжа Белойта, Белойт, США

Оздорска-Мазур Ева, Ph.D. in Education, профессор, профессор факультета этнологии и образовательных наук Университета Силезии в Катовице, Катовице, Польша

Раицкая Лилия Климентовна, доктор педагогических наук, кандидат экономических наук, советник ректора МГИМО МИД России, профессор кафедры педагогики и психологии МГИМО МИД России, Москва, Россия

Рич Грант, Ph.D., профессор психологии, психотерапевт, Джуно, Аляска, США

Стошич Лазар, Ph.D., профессор Колледжа академических исследований «Досидеж», Белград, Сербия

Такушьян Гарольд, Ph.D., профессор психологии и руководитель программы по организационной психологии Университета Фордхэм, Нью-Йорк, США

Тарноу Юджин, Ph.D., научный сотрудник «Авалон Бизнес Систем», Фэйр Лоун, Нью-Джерси, США

Хархурин Анатолий Владимирович, Ph.D., доцент департамента психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Шейнов Виктор Павлович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогического мастерства Республиканского института высшей школы, Минск, Беларусь

Редактор Ю.А. Заикина

Редактор англоязычных текстов Ю.Н. Бирюкова

Компьютерная верстка Ю.А. Заикиной

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 778-38-07 (доб. 12-67); e-mail: psyj@rudn.ru

Подписано в печать 24.03.2022. Выход в свет 31.03.2022. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 15,75. Тираж 500 экз. Заказ № 18. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов»

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

2022 VOLUME 19 NUMBER 1

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-1

<http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>

Founded in 2003

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

CONTENTS

PERSONALITY IN MODERN SOCIETY: ACTIVITY, IDENTITY, SAFETY

- Tatyana P. Emelyanova, Tatyana V. Drobysheva, Eva N. Vikentieva, Semyon V. Tarasov.** Activity of Muscovites in the Urban Environment: The Role of the Responsibility Factor 7
- Rail M. Shamionov, Nikita V. Suzdaltsev.** The Ratio Commitment to Social Activity on the Internet and Physical Space among Young People 21
- Olga B. Mikhailova, Nikoleta Gutvajn.** Growing Infantilism in Modern Adolescents and Young People: Symptoms and Causes 39
- Marianna E. Sachkova, Roman S. Volkov.** Features of Group Identity and Its Relationship with the Level of Sports Achievements among Adolescents and Juniors Who Practice Boxing 54
- Valery G. Tylets, Tatyana M. Krasnianskaya.** Personal Meanings of Safety in the Minds of Professional Francophones 71

PERSONALITY IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

- Dmitry Grigoryev.** Cognitive and Motivational Foundations Underlying Acculturation Expectations: Applications of Ethnic Group Position Model 86
- Natalya V. Tkachenko, Oleg E. Khukhlaev.** Mindfulness in Intercultural Communication: A Qualitative Analysis Experience 110
- Iuliia Muzychenko, Irina Apollonova, David Evans.** Is Silence Golden? Chronic Stress and Psychophysiological Indicators' Changes over Time in International Students: A Pilot Study 128

CURRENT TRENDS IN PERSONALITY RESEARCH

- Yulia N. Ebzeeva.** Grant Support as a Research Development Factor in Russian Universities 146
- Anna A. Bekhter, Olesya A. Filatova.** Adaptation of R. Schwarzer's Proactive Attitudes Scale: Validation and Psychometric Testing on a Sample of Russian Youth 158

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Viktoriya B. Kurilenko, D.Sc. in Education, Head of Department of Russian Language at the Institute of Medicine, *Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia*

Honorary Editor

Elena L. Grigorenko, Ph.D. in Psychology, D.Sc. in Psychology, Hugh Roy and Lillie Cranz Cullen Distinguished Professor, Department of Psychology, *University of Houston, Houston, USA*, Research Certified Adjunct Professor, Departments of Pediatrics and Molecular and Human Genetics, *Baylor College of Medicine, Houston, USA*, Adjunct Professor of Child Study Center and Senior Scientist of Haskins Laboratories, *Yale University, Yale, USA*

Assistant to the Editor-in-Chief

Irina A. Novikova, Ph.D. in Psychology (Candidate of Psychological Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Social and Differential Psychology Chair, *Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia*

Members of the Editorial Board

Baptiste Barbot, Ph.D. in Psychology, Professor of Psychological Sciences Research Institute, *University of Louvain, Louvain-la-Neuve, Belgium*

Inna B. Bovina, D.Sc. in Psychology (Doctor of Psychological Sciences), Professor of Department of Clinical and Legal Psychology, *Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia*

Linda Jarvin, Ph.D. in Psychology, Dean of Paris College of Art, *Paris College of Art, Paris, France*

Anatoliy V. Kharkhurin, Ph.D. in Psychology, Associate Professor of School of Psychology, *HSE University, Moscow, Russia*

Hristo Kyuchukov, Ph.D. in Education, Professor of Intercultural Education, *Silesian University in Katowice, Poland*

William S. New, Ph.D. in Education and Psychology, Professor and Chair, Department of Education and Youth Studies, *Beloit College, Beloit, USA*

Ewa Ogrodzka-Mazur, Ph.D. in Education, Prof. hab., Professor of Institute of Education, Faculty of Ethnology and Educational Science, *University of Silesia in Katowice, Poland*

Lilia K. Raitskaya, D.Sc. in Education, Ph.D. in Economics, Rector's Adviser and Professor of Department of Pedagogy and Psychology, *Moscow State Institute of International Relations at the Ministry for Foreign Relations of the Russian Federation (MGIMO University), Moscow, Russia*

Grant J. Rich, Ph.D. in Psychology, Fellow, American Psychological Association, *Juneau, Alaska, USA*

Harold Takooshian, Ph.D. in Psychology, Professor of Psychology & Urban Studies at Fordham University, Director of the Fordham Program in Organizational Leadership, Past-President and Representative to APA Council, *Fordham University, New York, USA*

Eugen Tarnow, Ph.D. in Physics, researcher, *Avalon Business Systems, Inc., Fair Lawn, NJ, USA*

Viktor P. Sheinov, D.Sc. in Sociology (Doctor of Sociological Sciences), Professor, Professor of the Psychology and Pedagogical Mastery Chair, *Republican Institute of Higher Education, Minsk, Belarus*

Lazar Stosic, Ph.D. in Computer Science, Professor, *College of Academic Studies "Dositej", Belgrade, Serbia*

Copy Editor *Iu.A. Zaikina*
English Texts' Editor *Yu.N. Biryukova*
Layout Designer *Iu.A. Zaikina*

Address of the editorial office:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of Psychology and Pedagogics:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 778-38-07 (ext. 12-67); e-mail: psyj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

О ЖУРНАЛЕ

Ежеквартальный научно-практический рецензируемый журнал по проблемам психологии, педагогики и образования «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика» издается Российским университетом дружбы народов с 2003 г. Редколлегия журнала строго придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Цель журнала – публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых по актуальным проблемам современной психологии и педагогики в виде научных статей, научных обзоров, исторических справок, посвященных деятелям российской и зарубежной науки, научно-информационных сообщений.

Журнал адресован научным работникам, исследователям, преподавателям в сфере психологии и педагогики, практическим психологам, педагогам и учителям, а также аспирантам и студентам, обучающимся по психолого-педагогическим и смежным специальностям.

Статьи публикуются на русском и английском языках.

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика» включен в обновленный Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата наук и доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки);

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки);

5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки);

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки);

5.3.2. Психофизиология (психологические науки);

5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки);

5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки);

19.00.04. Медицинская психология (психологические науки);

19.00.05. Социальная психология (психологические науки);

19.00.13. Психология развития, акмеология (психологические науки).

С 2017 г. журнал включен для индексации в базу данных PsycINFO (Американская психологическая ассоциация): <http://www.apa.org/pubs/databases/psycinfo/coverage.aspx>, с 2020 г. – в базу RSCI на платформе WoS, а также индексируется в РИНЦ (ядро РИНЦ), DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions и др.

Функционирует электронный сайт журнала на Портале научных журналов РУДН: <http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>, который содержит полные сведения о журнале, редакционной политике и этике, требованиях к подготовке и публикации статей, полнотекстовые выпуски журнала с 2008 г. и другую информацию.

В базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на платформе Научной электронной библиотеки (НЭБ) представлены полнотекстовые версии статей с 2003 г.: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=25721>

По всем вопросам, связанным с публикацией статей в журнале, можно связаться с редколлекцией по электронному адресу: psyj@rudn.ru

ABOUT OUR JOURNAL

“RUDN Journal of Psychology and Pedagogics” is a quarterly scientific peer-reviewed journal on the current problems of psychology, pedagogy and education. The journal has been issued since 2003. Until December 2016 the Journal was titled “Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogics”.

The founder and publisher of the Journal is Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University). Editorial Board strictly adheres to the international standards of publication ethics of the COPE: <http://publicationethics.org>

The purpose of the Journal is publishing the results of the fundamental and applied scientific research of the Russian and international scientists on the current trends of psychology and education in the form of the scientific articles, scientific survey materials, scientific reports, reviews, historical background information devoted to the prominent figures of the Russian and international science. The articles are published in Russian and English.

The Journal is addressed to scientists, researchers, teachers in the field of psychology and pedagogy, practical psychologists, educators and teachers, as well as graduate and undergraduate students.

Since 2017 the Journal has been officially accepted for coverage in PsycINFO (American Psychological Association): <http://www.apa.org/pubs/databases/psycinfo/coverage.aspx>

The Journal is also indexed in RSCI (WoS), Russian Index of Science Citation (Core Collection), DOAJ, Google Scholar, Ulrich’s Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions.

The main thematic rubrics of the Journal are:

- Theoretical, Methodological and Polemic Problems of Modern Psychology and Pedagogy;
- Current Problems of Personality Psychology;
- Contemporary Social Psychological Research;
- Cross-Cultural and Ethnopsychological Research;
- Current Trends of Modern Health Psychology and Psychophysiology;
- Theoretical and Methodological Problems of Modern Education;
- Psychological and Pedagogical Research of Higher and Secondary Education;
- Cross-National Scientific Cooperation;
- International Conferences on Psychology and Education.

Rubrics are constantly updated and reflect the current trends in the development of modern psychology and education.

The Journal website operates on the Portal of RUDN University scientific journals: <http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>. The website contains full information about the Journal, editorial policy and ethics, requirements for the preparation and publication of the articles, etc., as well as full-text issues of the Journal since 2008.

The database of the Russian Science Citation Index on the platform of the Scientific Electronic Library provides full-text versions of the Journal articles published since 2003: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=25721>

For all matters relating to the publication of articles in the Journal you can contact with the Editorial Board by e-mail: psyj@rudn.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-1-7-20

UDC 159.9:316.45

Research article

Activity of Muscovites in the Urban Environment: The Role of the Responsibility Factor

Tatyana P. Emelyanova¹, Tatyana V. Drobysheva¹,
Eva N. Vikentieva², Semyon V. Tarasov¹

¹Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences,
13 Yaroslavskaya St, bldg 1, Moscow, 129366, Russian Federation

²Finance University under the Government of the Russian Federation,
49 Leningradskii Prospekt, Moscow, 125993, Russian Federation

 t_emelyanova@inbox.ru

Abstract. The article examines the role of responsibility of residents of a metropolis as a resource for their social activity aimed at ensuring the well-being of the urban environment. This problem is investigated by the authors on the example of Moscow residents. The study involved Muscovites (N = 359) aged 18–75 living in different administrative districts of the city. The following methods were used: questionnaires composed by the authors to identify the type of responsibility of the citizens and their readiness for active participation in the life of the city; value orientation technique by E.B. Fantalova; and set of questions about socio-demographic characteristics of the respondents. The first stage consisted in (1) dividing the respondents into three groups according to different levels of responsibility; (2) determining the direction of responsibility in these groups; (3) identifying the relationship between value orientations and indicators of responsibility; and (4) describing the readiness of the respondents with different levels of responsibility to take an active part in the life of their city. At the second stage, based on the data of regression analysis, the authors show the role of responsibility as a predictor of the activity of the respondents to improve living conditions in their city. It is found that the levels of responsibility for what is happening in their city in the three groups of the respondents differ mainly in the severity of their internal/external judgments or their pessimistic/optimistic moods regarding belief in their own strengths, willingness of other people to support initiatives, and positive/negative expectations of changes in urban life, subject to the active participation of all citizens in any transformations or events. Based on the results of the age analysis of the sample, it is concluded that young people are poorly represented in the group with a high level of responsibility. Prospects for further research are also outlined.

Key words: social psychology, urban residents, levels of responsibility, internal type of responsibility, external type of responsibility, value orientations, readiness for vigorous activity

Acknowledgements and Funding. The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-013-00461 “Value-affective Component of the Viability of Different Groups of Citizens Living in a ‘Crisis City’ or a Metropolis.”

© Emelyanova T.P., Drobysheva T.V., Vikentieva E.N., Tarasov S.V., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Introduction

Researchers in urban psychology interpret urban life mainly as a source of discomfort and problems for urban residents. In this vein, research is underway to identify the socio-psychological problems in everyday life of urban residents, their mental states, due to the peculiarities of living in a large city (Solovey, Kovaleva, 2017). Descriptions are given of such phenomena as refusal to interact with “familiar strangers”, noted by St. Milgram as a form of adaptation to urban “overload”; problems of “underground life” in the city subway; anonymity, indifference, dispassionateness of an urban resident in relation to others, Ph. Zimbardo’s conclusions about social anonymity and depersonalization of people in big cities as provocations of asocial behavior, M. Heidmets’ observations about the loss of traditional neighborly relations and many other problematic phenomena that manifest themselves in a big city (see a detailed analysis of these phenomena: Drobysheva, Zhuravlev, 2016). The main emphasis in modern domestic research on the psychology of urban residents “is placed on differences in the content, structure, factors and mechanisms of mental representations of the city in the everyday consciousness of representatives of different social groups living in it” (Drobysheva, Zhuravlev, 2016. P. 307).

What calls attention to itself is the increased interest of researchers in the positive aspects of urban life. Thus, for example, discussions are held on the factors of the friendliness of the urban environment as well as the organizational, cultural and educational potential of the city, including: providing citizens with the opportunity to participate in public life; introducing innovative technologies into urban life; holding events aimed at supporting and popularizing education (Lebedeva, Filipova, 2019). As part of the study of the urban mentality, T.V. Semenova creates, on the basis of applied developments, a “socio-psychological portrait” of the city, including urban social norms, urban humor, urban traditions, and the historical time of the city (Semenova, 2020). The historical and psychological perspective of studying the image of the city is characteristic of French works (Jodelet, 1982; Haas, 2004). A number of foreign authors consider urban life from the point of view of positive psychology (e.g., Mayo, 1979; Stokols et al., 2009); studies are carried out on the activity of citizens in the fields of sports, dog breeding, inclusion (Carnemolla et al., 2021); analyses are made of the advantages of urban life, the balance of its usefulness and costs (D’Acci, 2021). It is shown how in the industrial city of Velenje in Slovenia its industrial development has formed a specific cultural environment, which accumulates latent knowledge, attitudes, values and traditions associated with solidarity, mutual respect, multiculturalism, camaraderie, equality, and diligence (Kozina et al., 2021).

Despite a significant number of works devoted to various aspects of the psychology of urban residents, the problem of their social activity and manifestations of their need for self-realization as actors practically remains unaddressed. The topics of social participation in improvement at the local level, the possibility of dialogue with local authorities and influence on city policy are rarely raised in the framework of social psychology. One cannot but agree with D.M. Loguntsova that “the city... is facing the problem of deepening ties with the population, activating the latter as a real subject of the city and providing opportunities

for optimal self-realization of a city dweller in the city” (Loguntsova, 2008). The author shows that there is a contradiction “between the need for self-realization, constantly reproduced in the acmeological development of a person in ontogeny, and the degree, nature and level of manifestation of its subjectivity, as well as between the significance of the possibility of self-realization and the level of manifestation of a city dweller as an actual subject of the city” (Loguntsova, 2008. P. 3). Thus, it is stated that at present a person exists in the city to a greater extent as a consumer of urban goods but not as a subject of the city.

The results of an acmeological analysis (Loguntsova, 2006; Zolotukhin, 2004, etc.) suggest the need to develop approaches to revealing the psychological mechanisms and factors of social activity/inactivity of urban residents. What determines the subjectivity of the metropolitans in relation to their city? To investigate this problem, it is necessary to conduct a comprehensive analysis, which would include historical background, consideration of the traditions of urban management, a sociological and political studies of the current level and nature of interaction between the government and the population of the city. In turn, the socio-psychological approach will make it possible to discover the value orientations typical of urban residents, the characteristics of urban identity, the degree of responsibility for what is happening in the city and the willingness to make any efforts for the good of the city. Another topical issue is the understanding of what are the characteristics of social groups and generations in their perception of themselves as urban residents. In this complex of factors, one of the most important is the phenomenon of responsibility as a promising one for studying psychological resources that provide a productive and proactive beginning in the life of large social groups of urban residents. Based on the similarity principle applied by E.V. Shorokhova, “mental phenomena in large groups can be divided into areas of the psyche. Just as these areas are in general psychology, we can talk about cognitive, need-motivational, affective and regulative-volitional areas. All mental processes in these areas in the psychology of large groups acquire their own specific features” (Shorokhova, 2020. P. 258), it should be assumed that the phenomenon of responsibility can also be considered as an attribute of a social group. The sense of responsibility shared by urban residents motivates them to be active and exacting in regard to their living conditions. The responsible attitude of big-city dwellers to their city is a resource for their self-realization, since it is precisely this that ensures the quality of their self-consciousness as responsible citizens, and, consequently, the ability to meaningfully and actively live and develop in the conditions of the metropolis.

In Russian psychological science, the concept of responsibility was developed mainly as a property of an individual subject (Dementiy, 2001; Muzdybaev, 2010; Sorokin, 2018, etc.). Social responsibility is interpreted by Muzdybaev as the inclination of individuals to adhere to social norms, fulfill role-related duties and their readiness to give an account for their actions (Muzdybaev, 2010. P. 25). He introduces the concepts of ‘external’ and ‘internal’ responsibility, emphasizing its social nature, since first of all, people “feel responsible for the problems of their environment, because they internalize the values of their environment, are responsible for their implementation” (Muzdybaev, 2010. P. 43). Muzdybaev,

highlighting the levels of responsibility, considers its high level as a stable personality trait, and its low level as a state that characterizes the responsible attitude of the subject in certain situations.

Responsibility can also be considered as an attribute of a collective subject – a small group or large social groups, for example, young people from different countries when the social perceptions of Russian and French students are compared (Pachtchenko-de Preville, Drozda-Senkowska, 2013), or as responsibility for the well-being of younger generations, i.e., ‘generativity phenomenon’ (Milfont, Sibley, 2011; Nestik et al., 2019; Emelyanova, Belykh, 2020; and others).

Responsibility as an attribute of a collective subject is interpreted by analogy with the traditionally studied phenomena related to the field of psychology of a collective subject. Like the phenomena of ‘collective memory’, ‘social representations’, ‘collective experiences’, social responsibility in the case of a collective subject is considered as a quality shared by members of the group, their inherent quality.

In our study, we solved the problems of identifying the levels of responsibility of city dwellers for the well-being of their city and the subsequent analysis of its type (taking over or transferring it to others), as well as identifying the role of responsibility as a predictor of their active position to improve living conditions in the city. A high level of responsibility for what is happening in the city suggests that city dwellers perceive the problems of their city as relevant to themselves. Value orientations in this case perform a motivating function, because responsibility is always manifested in a situation that is significant for the subject.

The *purpose* of our work was to study the responsibility of the residents of the metropolis as a resource for their self-realization as active citizens.

The *research objectives* were as follows: (1) to identify and analyze the types of responsibility in groups of the respondents with different levels of responsibility; (2) to find connections between value orientations and indicators of responsibility in different groups of the respondents; (3) to describe the willingness of the respondents with different levels of responsibility to take an active part in the life of their city; and (4) to analyze the role of responsibility as a predictor of the activity of the citizens to improve living conditions in the city.

Methods

Participants. The study involved residents of Moscow (N = 359) living in different administrative districts of the city, aged from 18 to 75 years (18–35 years – 44%, 36–60 years – 29%, 61–75 years – 27%), males 48.2% and females 51.8%. Their marital status was as follows: married 49%, unmarried 35%, common-law partners 16%. Most of the respondents had higher education (67%), the rest had secondary and specialized secondary education. Almost half of the sample (49.5%) were employed, students made up 15.5%, some combined study and work (6%), the rest (29%) did not work. The distribution by time of residence in the metropolis was as follows: born in Moscow 48%, living for more than 20 years 19%, living from 5 to 20 years 18%, and living less than 5 years 15%.

The following *techniques* were used: two questionnaires composed by the authors to identify the type of responsibility of the citizens and their readiness for

active participation in the life of their city; value orientation technique by E.B. Fantalova; and sets of questions that reveal the socio-demographic characteristics of the respondents.

The questionnaire “Responsibility of Urban Residents” (developed by T.V. Drobysheva) was based on an analysis of the statements of Muscovites of different ages, users of the Yandex.Raion resource. In a frequency content analysis, ten judgments were selected from all the judgments, reflecting different manifestations of responsibility, the degree of agreement with which was subsequently assessed by the respondents on a 5-point Likert scale. The overall test score was calculated as the sum of the scores for all the items. In the process of psychometric testing, it was found that all the items significantly correlated with the overall test score ($p < 0.001$), except for the item “in my opinion, ‘an active city dweller, is an office worker who has nothing to do’”. After its removal, the reliability-consistency of the items was re-checked ($\alpha = 0.775$; avg. = 33.18; standard deviation = 6.13; min = 9; max = 45), all items are direct and interconnected (Spearman’s test, $p < 0.05$).

In order to identify the readiness of the city dwellers to actively participate in the life of the city, *a short author’s questionnaire* (developed by S.V. Tarasov) also based on the material of the Yandex.Raion resource (see Drobysheva, 2020). It included attitudes indicating the degree of readiness of the city dwellers to take an active part in the life of their city, for example: “I am ready to do work that requires physical effort from me (wash the floor on my stair landing, take away the garbage from the entrance”; “I am ready to participate in municipal activities (create an initiative group, etc.)”, “I am ready to take part in online discussions on the problems of the city”, etc. The degree of agreement with the judgments was assessed by the respondents using the Likert scale. In the initial analysis of the data, it was found that all the judgments were significantly related to each other (Spearman’s test, $p < 0.05$), the reliability-consistency of items was checked ($\alpha = 0.7$). The questionnaire also included questions of a socio-demographic nature: the age and gender of the respondents, the administrative district of residence, etc.

The data were processed using the SPSS 20.0 statistical software package.

Results

The first stage of the work consisted in identifying the degree of agreement with judgments expressing various aspects of the responsible attitude of the big-city dwellers towards their city (Table).

An analysis of the judgments most highly rated by the respondents shows that, worrying about what is happening in the city, the majority of the respondents place responsibility on the city and municipal authorities and other citizens. They do not really believe that their own actions can change life in the city. However, a third of the sample is ready to take action for the benefit of the city, provided that the predicted result will positively affect the quality of city life. Only a small part of the respondents are aware of their responsibility for everything that happens not only in their home or microdistrict but also in the city as a whole.

In the study, the respondents were divided into subgroups depending on the level of responsibility. The calculation was carried out according to the average

values of the total test score and standard deviation (average = 33.18; standard deviation = 6.13). The subsequent frequency analysis showed that 25% of the respondents (Group 1) had a high level of responsibility, 57% had an average level of responsibility (Group 2), and 18% had a low level of responsibility (Group 3). No differences were found in the groups by gender, education, marital status, employment, time and place of residence (Kruskal – Wallis H -test at $p < 0.05$). Age differences were found among the groups according to the Kruskal – Wallis H -test (Chi-square = 6.38; $p = 0.041$). In Groups 2 and 3, the age distribution is relatively even: in Group 2, the median = 36.5; in Group 3, the median = 39.5; in the group with a high level of responsibility there is a shift towards older age: the median = 50. At the same time, the distribution parameters (interquartile range) in all the three groups were identical (32–35).

Table

**Results of descriptive statistics
according to the questionnaire “Responsibility of Urban Residents”**

Judgments	M (σ)	Percentage
1. I believe that my actions to improve living conditions in my city have an impact on what is happening	2.91 (1.24)	11
2. If I try to make life in the city better, then my example will encourage my neighbours and friends to do something for this too	3.09 (1.26)	13.4
3. The main reason for the negative effects of life in a big city (noise, dirt, bad ecology, aggression of people, etc.) are the actions of the citizens themselves	3.58 (1.24)	29
4. I am ready to comply with the rules aimed at improving the quality of life in my city, even if I do not really like it	3.94 (1.08)	36.5
5. I feel moral responsibility for what happens in my city, my neighbourhood, or the entrance of the house where I live	3.45 (1.21)	23
6. City officials more than anyone else are responsible for the well-being of residents	4.19 (1.0)	51
7. If everyone does something to improve the city, microdistrict or their yard, then life in the metropolis will be more comfortable	4.07 (1.06)	45
8. If everyone attends their own business, then there will be fewer problems in the city	3.75 (1.19)	33
9. I am very worried when I see dirt and debris in my yard or entrance lobby. Municipal authorities should be responsible for the cleanliness of streets and adjacent territories	4.22 (0.91)	48.5

Note: M is the average; σ is the mean standard deviation; percentage is the proportion of the respondents who gave the answer “absolutely agree”.

The comparative analysis according to the Kruskal – Wallis H -test and the median test ($p < 0.05$) showed that judgment scores in the three groups differed significantly. The only exception is the transfer of responsibility for what is happening to representatives of the city authorities: in this case, there was a consistency of answers throughout the sample.

Based on the average values in each of the groups, a ranking structure of the responsibility of city dwellers was built (Figure). Additionally, a network analysis of the structure of responsibility was carried out using a correlation analysis between the most pronounced judgments (they occupy Ranks 1, 2, 3 in each group) and others.

The results show that the respondents with a high level of responsibility (Group 1) are confident that “if every citizen does something, then life in the me-

metropolis will become more comfortable” (Rank 1), while emphasizing their readiness to control their behaviour in the city (“I am ready to follow the rules...” (Rank 2). However, while worrying about the disorder in their microdistrict, the respondents still transfer part of the responsibility to the municipality (“I am very worried... but the responsibility should be borne by the authorities”) (Rank 3). These three judgments are positively related to each other ($p < 0.05$). Correlation analysis of connections (according to Spearman, $p < 0.05$) between the most pronounced and other judgments showed that the basis of such an understanding of a responsible attitude is the internal type of responsibility of the respondents (“I feel moral responsibility for what is happening in my city...”). It is positively associated with all the three high-ranking judgments: “if everyone does something... then life in the metropolis will be more comfortable” ($r = 0.262$; $p = 0.013$); “I am ready to follow the rules...” ($r = 0.32$; $p = 0.002$); “I am very worried.., but the municipal government must be held responsible...”; ($r = 23$; $p = 0.032$). At the same time, the responsibility shared by the respondents for comfort in the city is reinforced by the belief that their actions still have an impact on what is happening in the metropolis ($r = 0.214$; $p = 0.004$). Such an understanding of responsibility can be explained by its links with the system of value orientations of the respondents. In particular, it was found that a responsible attitude to the city in Group 1 is associated with orientations towards the values of active life ($r = 0.22$; $p = 0.041$), aesthetic values ($r = 0.24$; $p = 0.026$), values of cognition ($r = 0.21$; $p = 0.004$). Taking into account that Group 1 consists of older people than the other two, it can be assumed that their internal type of responsibility is probably associated with the desire to continue an active lifestyle, helping not only their families but also the urban community.

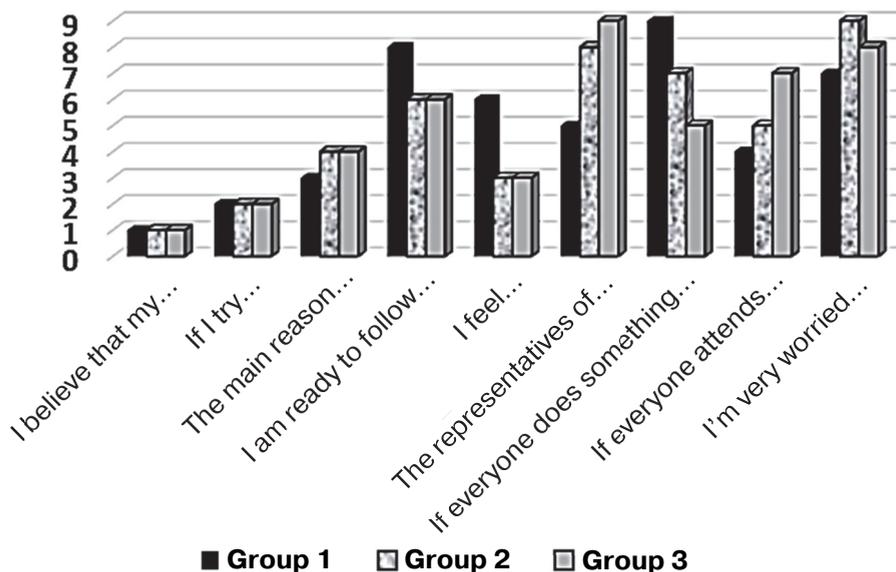

Figure. Rank structure of responsibility of the citizens (inverse scale: Rank 9-1, Rank 8-2, etc.)

In *Group 2* (mean level), in the rank structure of responsibility, the most highly rated judgments were: “I am very worried when I see dirt and debris... the

municipal government should be responsible...” (Rank 1), “representatives of the city authorities more than anyone are responsible...” (Rank 2), “if everyone does something, ... then life in the city will be more comfortable” (Rank 3). Moreover, the relationship between the first and second of the above judgments ($r = 0.28$; $p = 0.000$) testifies to the semantic load of the position taken: “I’m worried, but... the authorities bear responsibility.” We find additional support for this assumption by analyzing the connection between the judgment that city officials should be held responsible with other judgments, such as: “I believe that my actions... influence what is happening” ($r = -0.164$; $p = 0.019$) and “if I try to make life in the city better, my example will encourage my neighbours and friends to do something about it” ($r = -0.223$; $p = 0.001$). As can be seen, the lower the degree of agreement with judgments of the internal type, the higher the agreement that the city government bears responsibility more than others. This variant of a responsible attitude to the city is determined in Group 2 by personal (“love”, $r = 0.14$, $p = 0.042$; “happy family life”, $r = 0.14$, $p = 0.049$) and social (“active life”, $r = 0.26$, $p = 0.000$; “self-confidence”, $r = 0.14$, $p = 0.046$) values of the respondents’ lives.

In *Group 3 (with low indicators of responsibility for the well-being of the city)*, the tendency to transfer responsibility to others is more pronounced than in the previous one. Namely: “representatives of the city authorities are more than anyone else responsible for the well-being of residents” (Rank 1), “I’m worried, but the municipal government should be responsible...” (Rank 2), “if everyone attends their own business, there will be fewer problems in the city” (Rank 3). The connection of the judgment that city authorities are responsible for life in the city with other judgments about responsibility confirms the categorical position of the respondents. In particular, the more pronounced the transfer of responsibility to the authorities, the lower the assessment of judgments: “I believe that my actions to improve living conditions in my city have an impact on what is happening” ($r = -0.41$; $p = 0.001$), “if I try to make life in the city better, then my example can encourage my neighbours and friends to do something about it too” ($r = -0.26$; $p = 0.039$); “I feel morally responsible for what is happening...” ($r = -0.25$; $p = 0.046$). That is, such citizens see a resource for a positive change in urban life not in their actions but in the actions of city and municipal authorities.

The frequency analysis of attitudes that determine the willingness of the respondents with different levels of responsibility to directly participate in the life of the city in order to improve the living conditions of citizens showed the following. The respondents with a high level of responsibility are ready to perform work requiring physical effort from them (60% Group 1); to participate in district hearings on employment issues (57%); to participate in municipal activities, e.g., on creating an initiative group (54%); to take part in online discussions (Yandex.Raion, etc.), online voting (“Active Citizen”, etc.) on city problems (83%); and to organize meetings of homeowners associations, residents of one entry section, etc. (30%).

The participants in the study with a mean level of responsibility limit their participation in city life to online voting, online discussions on city problems (69% in Group 2), willingness to do work that requires physical effort (38%) or take part in city hearings on improvement issues (33%). Finally, the respondents

with a low level of responsibility expressed their readiness to participate in the city life only remotely, i.e., through online voting, online discussions (35% in Group 3).

In order to identify the importance of responsibility as a predictor of the activity of city dwellers to improve living conditions in the city, a multiple regression analysis was performed. The results of the study showed ($CMC = 0.553$; $CMD = 0.306$; $F = 37.84$; $p = 0.000$) that a third of the distribution can be explained by the influence of the responsible attitude of the city dwellers towards the city. The final model included the following independent variables: “I believe that my actions to improve living conditions in my city have an impact on what is happening” ($\beta = 0.258$; $t = 4.84$; $p = 0.000$), “if everyone to do something for the improvement of the city, microdistrict, yard, then life in the metropolis will be more comfortable” ($\beta = 0.235$; $t = 4.054$; $p = 0.000$), “I feel moral responsibility for what is happening in my city, microdistrict or section of the house where I live” ($\beta = 0.139$; $t = 2.46$; $p = 0.016$).

Discussion

Solving the first task of the study – to identify and analyze the type of responsibility in groups of respondents with its different levels — the authors analyzed the data of the questionnaire “Responsibility of Urban Residents”, which showed that the majority of the respondents place responsibility on the city and municipal authorities, as well as on other citizens and practically do not believe that their own actions can change life in the city. According to the results of descriptive statistics, the respondents were divided into three groups, depending on the level of responsibility, which made it possible to identify its internal or external type. The results indicating that the expressed responsible attitude of the respondents towards the state of the city is based on internal responsibility determined by certain values (active life, aesthetic values), suggest the existence of a special type of social responsibility for the state of the city (solution to the second task). It is associated with the readiness of the citizens to actively solve city problems, participate in public hearings, and even keep order in their stairwell and house on their own. In contrast to the first type of social responsibility, two others emerged, the representatives of which showed mean and low levels of responsible attitude. These groups are characterized by predominantly delegating responsibility for the state of the city to external forces, i.e., other citizens and city authorities. They show their willingness to participate in the life of the city mainly remotely, i.e., through online voting and online discussions. Only an insignificant part of the representatives of Group 2 (the mean level of responsibility) is ready to participate in the improvement of their place of residence. The contradictory nature of such responsibility is determined by the correlation between the significance of personal and social values. However, we cannot say that the low level of responsibility of the citizens is equivalent to their irresponsibility. The peculiarity of such responsibility allows residents to be concerned about urban problems, but it is external in nature. Here we should agree with K. Muzdybaev (Muzdybaev, 2010), who believes that the responsibility of this category of people is situational. It can be assumed that this attitude towards their city and citizens is determined by

the current psychological state of this category of residents, their life circumstances and beliefs. It is possible that the external type of responsibility is the result of paternalistic attitudes (Belinskaya et al., 2004) or attitudes of city dwellers-consumers who are sure that the authorities are merely obliged to provide them with the necessary benefits.

Summarizing, we note the following. The responsibility of the respondents for what is happening in their city in the three groups differs mainly in the severity of their internal/external judgments or their pessimistic/optimistic attitudes towards belief in their own strengths, and positive or negative expectations of changes in urban life, subject to the active participation of all citizens in any transformations or events.

Thus, when solving the second and third tasks, we obtained results indicating the presence of an important set of qualities of citizens, which includes the following interrelated elements: responsibility of the internal type, value orientations of activity, knowledge and craving for beauty, as well as willingness to take a real and active part in the urban beautification. Thus, in the group with a high level of responsibility, the responsibility is conscious in nature, it is based on confidence in oneself as a subject of transformations in the urban environment. The driving factors for the responsible attitude of this category of city dwellers are their value orientations, which underlie the desire for their self-realization. Complementing the results of the correlation analysis, the data of the multiple regression analysis showed that the responsible attitude of citizens to city affairs is indeed a resource of their life position as active and energetic citizens.

Meanwhile, one cannot ignore the fact that most of the respondents place responsibility for the well-being of the capital on the city authorities and other citizens, i.e., demonstrate an external type of responsibility in relation to the state of their city. This result requires additional confirmation. So far, we can only assume that there are a number of explanations for this. It is commonly known that the urban identity of metropolitan residents is characterized by an opinion about the unconditional advantages of Moscow compared to other cities (Emelyanova, Tarasov, 2020), and this forms their image of a prosperous city, where all problems are solved without the participation of residents, and the already mentioned paternalistic attitudes “take effect”. In addition, the stressful nature of metropolitan life forces the residents to concentrate on momentary everyday problems (Martsinkovskaya, 2017), which overshadow their needs for self-actualization in a broader social context. However, we cannot disregard the peculiarities of modern communication between the Muscovites and city management, namely, virtual communication, which can play the role of “snorting steam.”

Conclusion

The socio-demographic analysis of the sample has shown that the subgroup of Muscovites with an internal type of responsibility mostly consists of retirement-age people. It is they who, in terms of an active and responsible attitude towards their city, turn out to be the most viable, having a subjective position, the ability to adapt and sustainably develop in a changing environment. The question arises, what are the prospects for self-actualization of metropolitan residents

in the future? In other words, is it possible to increase the subjective resources of Muscovites of the younger generations as active and responsible citizens? Further research is required to answer these questions. But it is obvious that, in practical terms, it is necessary to develop special city programs focused on the interests of young people, participating in which young Muscovites could feel themselves not as consumers of the capital's goods, but as active subjects of city life. In this regard, it is useful not only to carry out campaigns to inform citizens about the intentions of the authorities, but also to develop programs involving enthusiasts in an active and effective discussion and planning of innovations in the city (building, demolition, transformation of recreation areas, renovation), which would reduce the confrontation and complaints from disgruntled residents, but consolidated the population and city authorities.

References

- Belinskaya, E.P., Litvina, S.A., Muravyeva, O.I., Stefanenko, T.G., & Tihomandrickaya, O.A. (2004). Installation on paternalism and its interconnection with cultural and personal particularities. *Siberian Journal of Psychology*, (20), 63–70. (In Russ.)
- Carnemolla, Ph., Robinson, S., & Lay, K. (2021). Towards inclusive cities and social sustainability: A scoping review of initiatives to support the inclusion of people with intellectual disability in civic and social activities. *City, Culture and Society*, 25, 100378. <https://doi.org/10.1016/j.ccs.2021.100398>
- D'Acci, L.S. (2021). Preferring or needing cities? (Evolutionary) psychology, utility and life satisfaction of urban living. *City, Culture and Society*, 24, 100375. <https://doi.org/10.1016/j.ccs.2021.100375>
- Dementiy, L.I. (2001). *Otvetstvennost': Tipologiya i lichnostnye osnovaniya*. Omsk: Dostoevsky Omsk State University. (In Russ.)
- Drobysheva, M.M. (2020). Differences in the communication resources of citizens of different Moscow districts (based on the material of the social service “Yandex.Local”). In A.L. Zhuravlev, M.A. Kholodnaya & P.A. Sabadosh (Eds.), *Sposobnosti i Mental'nye Resursy Cheloveka v Mire Global'nykh Peremen* (pp. 748–757). Moscow: Publishing House “Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.” (In Russ.) <https://doi.org/10.38098/proc.2020.59.34.001>
- Drobysheva, T.V., & Zhuravlev, A.L. (2016). The city as an object of research in the social psychology: To the historical background. *Institute of Psychology Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology*, 1(1), 196–213. (In Russ.)
- Emelyanova, T.P., & Belyh, T.V. (2020). Responsibility of youth towards older and future generations. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, (2), 34–45. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.18384/2310-7235-2020-2-34-45>
- Emelyanova, T.P., & Tarasov, S.V. (2020). Identification factors with the city among Muscovites of different ages. In A.L. Zhuravlev, M.A. Kholodnaya & P.A. Sabadosh (Eds.), *Sposobnosti i Mental'nye Resursy Cheloveka v Mire Global'nykh Peremen* (pp. 758–767). Moscow: Publishing House “Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.” (In Russ.) <https://doi.org/10.38098/proc.2020.59.34.001>
- Fantalova, E.B. (2021). *Diagnostika i psikhoterapiya vnutrennego konflikta*. Samara: Bakhrakh-M Publ. (In Russ.)
- Haas, V. (2004). Les cartes cognitives: Un outil pour étudier la ville sous ses dimensions socio-historiques et affectives. *Bulletin de Psychologie*, 57(6), 621–633.
- Jodelet, D. (1982). Les représentations socio-spatiales de la ville. In P.H. Derycke (Ed.), *Conceptions de l'Espace* (pp. 145–177). Paris: Université de Paris X-Nanterre.

- Kozina, J., Bole, D., & Tiran, J. (2021). Forgotten values of industrial city still alive: What can the creative city learn from its industrial counterpart? *City, Culture and Society*, 25, 100395. <https://doi.org/10.1016/j.ccs.2021.100395>
- Lebedeva, E.V., & Filipova, A.G. (2019). Urban environment friendliness in the perspective of a structural functionalism. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*, (2), 44–53. (In Russ.)
- Loguntsova, D.M. (2006). Problem situation of self-realization of a subject in the modern city society. *Mir Psihologii*, (2), 216–223. (In Russ.)
- Loguntsova, D.M. (2008). *Samorealizatsiya i sub'ektivnaya aktivnost' kak akmeologicheskie fenomeny organizatsii i samoorganizatsii gorodskogo sotsiuma*. Ph.D. in Psychology Thesis Abstract. Moscow: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. (In Russ.)
- Martsinkovskaya, T.D. (2017). Psychology of everyday life: An oxymoron or a new trend in psychology. *Psihologičeskie Issledovaniâ*, 10(56), 1. (In Russ.) <https://doi.org/10.54359/ps.v10i56.340>
- Mayo, J.M. (1979). Effects of street forms on suburban neighbouring behaviour. *Environment and Behaviour*, 11(3), 375–397. <https://doi.org/10.1177/0013916579113004>
- Milfont, T.L., & Sibley, C.G. (2011). Exploring the concept of environmental generativity. *International Journal of Hispanic Psychology*, 4, 21–30.
- Muzdybaev, K. (2010). *Psikhologiya otvetstvennosti*. Moscow: URSS Publ. (In Russ.)
- Nestik, T.A., Dmitrieva, U.A., Kuznetsova, O.E., Larina, G.N., & Nikolaev E.L. (2019). The responsibility of the individual to the previous and future generations: A theoretical and empirical study. *Voprosy Psihologii*, (3), 29–41. (In Russ.)
- Pachtchenko-de Preville, E., & Drozda-Senkowska, E. (2013). Social representations of responsibility in Russian and French youth: Cross-cultural analysis. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 34(2), 87–98. (In Russ.)
- Semenova, T.V. (2020). *Gorodskaya mental'nost': Sotsial'no-psikhologicheskoe issledovanie*. Samara: Porto-print. (In Russ.)
- Shorokhova, E.V. (2020). Teoreticheskie problemy issledovaniya bol'shikh sotsial'nykh grupp. In A.L. Zhuravlev (Ed.), *Sotsial'naya Psikhologiya* (pp. 252–266). Moscow: PER SE Publ. (In Russ.)
- Solovey, L.V., & Kovaleva, M.I. (2017). Social and psychological problems of urban space. *Historical and Social Educational Idea*, 9 (4), 147–152. (In Russ.) <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2017-9-4-2-147-152>
- Sorokin, A.I. (2018). Responsibility as a category of social psychology. *Strakhov Readings*, (26), 267–271. (In Russ.)
- Stokols, D., Misra, S., Runnerstrom, M.G., & Hipp, J.A. (2009). Psychology in an age of ecological crisis: From personal angst to collective action. *American Psychologist*, 64(3), 181–193. <https://doi.org/10.1037/a0014717>
- Zolotukhin, A.V. (2004). *Psikhologicheskie usloviya povysheniya sotsial'noi aktivnosti naseleniya na urovne mestnogo samoupravleniya*. Ph.D. in Psychology Thesis Abstract. Tambov: Derzhavin Tambov State University. (In Russ.)

Article history:

Received 22 October 2021

Revised 10 February 2022

Accepted 15 February 2022

For citation:

Emelyanova, T.P., Drobysheva, T.V., Vikentieva, E.N., & Tarasov, S.V. (2022). Activity of Muscovites in the urban environment: The role of the responsibility factor. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 19(1), 7–20. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-7-20>

Bio notes:

Tatyana P. Emelyanova, Dr.Sc. in Psychology, Professor, is Principal Researcher at the Laboratory of Social and Economic Psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0002-0458-7705, Scopus ID: 6508104219, ResearcherID: K-3655-2017, eLIBRARY SPIN-code: 4338-1645. E-mail: t_emelyanova@inbox.ru

Tatyana V. Drobysheva, Ph.D. in Psychology, is Principal Researcher at the Laboratory of Social and Economic Psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0002-9578-4463, Scopus ID: 27367799600, ResearcherID: G-5702-2017, eLIBRARY SPIN-code: 7982-8370, AuthorID: 314671. E-mail: tdrobysheva@mail.ru

Eva N. Vikentieva, Ph.D. in Psychology, Associate Professor, is Associate Professor of Psychology and Development of Human Capital Department, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0001-5531-1912, eLIBRARY SPIN-code: 1210-1467. E-mail: vikentieva@mail.ru

Semyon V. Tarasov, M.S. in Psychology, is Ph.D. Student, Laboratory of Social and Economic Psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0001-8790-7219, eLIBRARY SPIN-code: 9657-1476. E-mail: sementarasovas@gmail.com

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-1-7-20

Исследовательская статья

Активность москвичей в городской среде: роль фактора ответственности

**Т.П. Емельянова¹✉, Т.В. Дробышева¹ ID,
Е.Н. Викентьева² ID, С.В. Тарасов¹ ID**

¹Институт психологии Российской академии наук,
Российская Федерация, 129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Российская Федерация, 125993, Москва, Ленинградский пр-кт, д. 49

✉ t_emelyanova@inbox.ru

Аннотация. Изучается роль ответственности жителей мегаполиса как ресурса их социальной активности. Решается проблема выявления уровня и типа ответственности горожан за благополучие городской среды. В исследовании приняли участие жители Москвы (N = 359) в возрасте 18–75 лет, проживающие в разных административных округах города. Использовались авторские опросники, направленные на выявление типа ответственности горожан и их готовности к активному участию в жизни города, методика ценностных ориентаций Е.Б. Фанталовой, блок вопросов для определения социально-демографических характеристик респондентов. На первом этапе выделены три группы респондентов с разным уровнем ответственности, произведен анализ направленности ответственности в них, затем проанализированы связи между ценностными ориентациями и показателями ответственности в трех группах респондентов, а также описана готовность респондентов с разным уровнем ответственности принимать активное участие в жизни города. На втором этапе на основе данных регрессионного анализа

показана роль ответственности как предиктора активности горожан по улучшению условий жизни в городе. Обнаружено, что ответственность за происходящее в городе в трех группах респондентов с разным ее уровнем отличается в большей степени по выраженности суждений интернального или экстернального типа, пессимистичности/оптимистичности их настроения относительно веры в свои собственные силы, готовности других людей поддержать начинания, позитивных ожиданий изменений городской жизни при условии активного участия всех горожан в каких-либо преобразованиях, мероприятиях. По итогам возрастного анализа выборки сделан вывод о слабой представленности молодежи в группе с высоким уровнем ответственности. Намечены перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: социальная психология горожан, уровни ответственности, интернальный тип ответственности, экстернальный тип ответственности, ценностные ориентации, готовность к активной деятельности

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-013-00461 «Ценностно-аффективный компонент жизнеспособности разных групп горожан в условиях проживания в „кризисном городе“ и мегаполисе».

История статьи:

Поступила в редакцию 22 октября 2021 г.

Принята к печати 15 февраля 2022 г.

Для цитирования:

Емельянова Т.П., Дробышева Т.В., Викентьева Е.Н., Тарасов С.В. Активность москвичей в городской среде: роль фактора ответственности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19. № 1. С. 7–20. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-7-20>

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-1-21-38

УДК 159.9.07

Исследовательская статья

Соотношение приверженности молодежи к социальной активности в интернете и физическом пространстве

Р.М. Шамионов , Н.В. Суздальцев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского,
Российская Федерация, 410012, Саратов, ул. Астраханская, д. 83
 shamionov@mail.ru

Аннотация. Ввиду масштабных сдвигов в развитии цифровых технологий, с расширением возможностей и распространением интернет-среды активность все больше выводится из среды физической в интернет-среду. Одним из важнейших становится вопрос соотношения активности в двух средах и ее отражения в социальной идентичности молодежи. Цель исследования – анализ соотношения приверженности к социальной активности личности в интернет и физическом пространстве с учетом ее форм и глубины этнической, религиозной и гражданской идентичности. В исследовании приняли участие 199 человек в возрасте 17–24 лет (средний показатель $M = 20,02$; $SD = 2,7$). Для оценки приверженности к различным формам социальной активности в физической и интернет-среде модифицированы и разработаны авторские шкалы. Для выявления степени идентификации с институтом религии разработаны вопросы об отнесенности к конфессии и степени религиозности. Гражданская идентичность определена с использованием шкалы А.Н. Татарко. Определенность этнической идентичности выявлена с помощью методики А.Н. Татарко и Н.М. Лебедевой. Используются методы описательной статистики, корреляционный и регрессионный анализы. Установлено, что приверженность к гражданской, политической, дружеско-приятельской активности не зависит от их включенности в реальной или виртуальной среде. Досуговая активность в большей степени представлена в виртуальной среде. Определенность и позитивность этнической идентичности сопряжены с просоциальной и более приемлемыми для молодежи формами активности, а ее неопределенность – с протестными формами активности в обеих средах; гражданская идентичность связана с наиболее предпочтительной досуговой активностью в обеих средах, с волонтерской активностью и снижением протестной в реальной среде, политической в интернете и предпочтением активности в интернет-пространстве; приверженность к религии сопряжена с соответствующей активностью и вступает в противоречие с протестной, экологической и сетевой, характеризующей в основном свободное времяпрепровождение. Активность в физической среде является более сильным предиктором гражданской, этнической и религиозной идентичности, нежели в интернет-среде.

Ключевые слова: личность, социальная активность, физическая среда, интернет-среда, идентичность

© Шамионов Р.М., Суздальцев Н.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 18-18-00298.

Введение

Проблема приверженности к различным формам социальной активности в физической и виртуальной среде становится ведущей в современной социальной психологии личности и группы. С одной стороны, активность в физической среде часто представлена параллельной активностью в виртуальной среде, и происходят постоянные переходы и переносы активности из одной среды в другую (Заграничный, 2019). Наряду с позитивным использованием этих возможностей для работы, учебы и досуга, имеются и признаки переноса негативной активности, в том числе ее девиантных форм (Шаров, 2019а). С другой стороны, активность в виртуальной среде может сопровождаться ее снижением в физической среде, что тоже несет в себе риски, связанные со снижением продуктивности жизни и «виртуализацией» отношений и деятельности. Это в значительной степени актуализирует исследования, направленные на анализ не только характеристик активности и ее представленности в той или иной среде, но и факторов, условий и механизмов социальной активности и в той, и в другой средах с учетом ее предпочтительности в той или иной среде. Безусловно, важным моментом проявлений социальной активности является ее инициация самой личностью, то есть наличие определенной субъектной позиции. Более того, социальная активность помогает личности принимать участие в развитии общества и социальных групп, а также выступает инструментом самореализации личности (Григорьева, 2021).

Поскольку социальная активность предполагает не только участие в общественной жизни, но, прежде всего, реализацию инициативно-творческого отношения к сферам своей социальной жизнедеятельности, а также к самой себе как субъекту социального бытия (Шамяионов, 2019), становится очевидной ее влияние на личность. Также необходимо указать, что социальная активность личности является закономерным эффектом социализации. Данный факт предполагает направленность активности на изменение и преобразование социальных объектов. Результатом такого преобразования становится и изменение самой личности. При этом «носителем» социальной активности является не только личность, но и группа (Шамяионов, 2018). Иначе говоря, эффектами социальной активности являются изменения и в самой личности, и в группе, ее реализующей. В последнее десятилетие исследования социальной активности молодежи значительно усилились. Так, проведен анализ ценностно-смысловых факторов социальной активности (Арендчук, 2018), изучены жизненные перспективы в контексте социальной активности в юношеском возрасте (Савина, 2021), целый пласт исследований касается индивидуально-психологических, характерологических, волевых и мировоззренческих и прочих факторов проявлений социальной активности в виде ее форм и видов (Шамяионов и др., 2020).

Стоит отметить, что все большее значение в последнее время приобретает социальная активность личности в интернет-среде (Seigfried-Spellar, Lankford, 2018). Связано это в первую очередь с развитием технологий, которое позволяет немалую часть видов деятельности перенести в сферу интернет-пространства. Посредством использования сети Интернет современная молодежь может удовлетворить потребности в образовании, досуге, работе и даже проявить себя в общественно-политической сфере. Результаты ряда исследований последних лет свидетельствуют о значительном выводе в сеть Интернет гражданской активности во всем мире (Savrasova-V'un, 2018; Jost et al., 2018; Chan, Guo, 2013). Для обозначения активности в интернет-среде предлагается термин «погруженность в интернет-среду», понимаемый как готовность к использованию технических средств и информационных ресурсов интернета для решения задач различных видов деятельности и осуществлению интернет-коммуникации (Регуш и др., 2021).

Нельзя игнорировать и то влияние, которое оказала пандемическая ситуация на развитие интернет-активности в последнее время. По данным исследования ВЦИОМ, посвященном динамике активности интернет-пользователей в России в период пандемии коронавируса, за 2020 г. доля ежедневных пользователей интернета увеличилась на 3 п.п. и составила 72 %. Используют Сеть для совершения банковских переводов 80 % пользователей, 64 % – для получения государственных услуг, 42 % – для покупок товаров. Важно отметить: 13 % считает, что в случае исчезновения интернета их жизнь полностью изменится, а 42 % на этот же вопрос сообщают о существенном изменении жизни¹.

Соответственно, можно заметить, что и интерес к этой форме социальной активности у ученых-психологов также возрос. Изучается проблематика взаимосвязи личностных характеристик пользователей социальных сетей с их особенностями активности в сети Интернет (Рябикина, Богомолова, 2015), проведено сравнительное исследование девиантной активности в виртуальной и реальной средах у представителей молодежных субкультур (Шаров. Особенности..., 2019b) и пр.

Вместе с тем ряд исследований посвящен анализу факторов этнической и гражданской идентичности в проявлениях социальной активности. Необходимо понимать, что любая идентичность (этническая, религиозная или гражданская), которая заключается в принятии ценностных ориентаций группы, может оказывать влияние на социальную активность личности – прямо или опосредованно. Это связано с тем, что культура и ее проводник – социальная группа, к которой себя относит человек, могут влиять не только на саму необходимость проявления социальной активности, но и на возможность выбора отдельных ее форм. К примеру, различные религии несут в себе различный потенциал побуждения к разнообразным формам социальной активности. Одни предписывают покорность и жертвенность, другие – обретение статуса в группе и материальных благ, для третьих значимы скром-

¹ Жизнь онлайн: потребление, пользование, развлечение / ВЦИОМ. 2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhizn-onlain-potreblenie-polzovanie-razvlechenija> (дата обращения: 10.11.2021).

ность и созерцание. Вполне очевидны также и культурные различия в проявлениях социальной активности, обусловленные цивилизационными (запад – восток, север – юг, город – село и т. п.) факторами.

В последние годы возрос общественный запрос на анализ этнической, религиозной и гражданской идентичности молодежи в интернет-пространстве. Это связано с тем, что, наряду с формированием определенной интернет-идентичности (киберидентичности) (Федорова, 2020; Соболева, 2021), происходит перенос социальной идентичности в физическом пространстве в интернет-среду (Озерина, Тимофеева, 2019). Так, в нем широко представлены характеристики религиозной (Федорова, 2020), этнической (Мельникова и др., 2021), гражданской идентичности (Мельникова и др., 2021; Гигаури, 2021). Интернет-среда служит базой поддержки, особенно в силу какого-либо отрыва от реальной группы, – религиозной, этнической или гражданской (Мельникова и др., 2021; Соболева, 2021). Иначе говоря, на фоне новых видов социальной идентичности в интернет-среде происходит некоторая трансформация и традиционных (формирующихся в физической среде) видов идентичности. Исследователи отмечают, что их изучение находится только на начальной стадии, а перспективы связывают с анализом больших данных в интернет-пространстве, что уже проводится, например группой исследователей под руководством Л.М. Попова (Попов, Устин, 2021). Поскольку в само понятие «идентичность» вкладывается обретение человеком субъективного ощущения тождества и целостности своей личности как результат переживания и осознания своей принадлежности к определенной социальной группе (Сапожникова, 2005), важным становится установление не просто связи идентичности и социальной активности, а роли социальной активности в приверженности личности к определенной группе, в стремлении к членству в ней и активности в соответствии с ее установками. Поэтому настоящее исследование направлено на анализ соотношения активности в физической и интернет-среде с идентичностью молодежи.

Цель исследования – анализ соотношения приверженности к социальной активности личности в интернете и физическом пространстве с учетом ее форм и глубины этнической, религиозной и гражданской идентичности.

Задачи исследования:

- 1) изучить сходство и различия выраженности активности молодежи в физическом и интернет-пространствах;
- 2) установить связь между выраженностью категорий социальной идентичности и форм активности в физической среде и интернет-пространствах;
- 3) изучить роль приверженности к различным формам социальной активности в вариациях гражданской, религиозной и позитивной этнической идентичности.

Процедура и методы исследования

Участники исследования. В исследовании приняли участие 199 россиян в возрасте от 17 до 24 лет, средний возраст $M = 20,02$; $SD = 2,7$; этнический состав выборки: 73,9 % русских, 8 % отказались указывать этническую принадлежность, 18,1 % выборки составили представители разных народов

(татар, башкир, украинцев, поляков, немцев, мордвы, армян, азербайджанцев, «славян»); место жительства: село – 7,1 %, ПГТ – 7,1 %, малый город – 14,7 %, большой город (областной центр) – 57,9 %, мегаполис – 13,2 %. Выборка формировалась простым рандомизированным способом.

Методы исследования. Использовались модифицированные шкалы оценки социальной активности, ранее разработанные коллективом авторов (Шамионов и др., 2020). Модификация состояла в дифференциации форм социальной активности, осуществляемой в разных пространствах – в интернете и физической среде. В результаты выделены 14 шкал интернет-активности и 11 шкал активности в физической среде, причем 11 шкал в разных средах совпадают по наименованию. Все шкалы проверены на предмет распределения и соответствуют нормальному (показатели асимметрии и эксцесса всех шкал находятся в диапазоне $(-1; +1)$), кроме шкал протестной, политической, религиозной активности, по которым обнаружены положительные асимметрии и эксцесс > 1). Показана приемлемая внутренняя согласованность интегральных шкал активности (для активности в физической среде α Кронбаха = 0,71; для активности в виртуальной среде α Кронбаха = 0,74). Для определения выраженности религиозной идентичности использована разработанная шкала, используемая вместе с вопросом об отнесении себя к определенной конфессии. Было предложено оценить степень своей религиозности от «не верую» до «верую безоговорочно».

Для определения выраженности гражданской идентичности использована «Шкала гражданской идентичности» А.Н. Татарко (2015). Шкала содержит 4 пункта («Я скорее предпочту быть гражданином только России, а не какой-либо другой страны»; «Я сильно ощущаю свою принадлежность к России»; «Я горжусь тем, что являюсь гражданином России»; «Для меня очень важно чувствовать свою принадлежность к России»), каждый из которых оценивается от 1 до 5 баллов. Проверка на внутреннюю согласованность дала хороший результат, α Кронбаха = 0,85.

Также использовалась методика оценки позитивности и неопределенности этнической идентичности А.Н. Татарко и Н.М. Лебедевой (Татарко, Лебедева, 2011). Данная методика включает две шкалы, каждая из которых состоит из четырех вопросов. Первая шкала позволяет оценить эмоциональный компонент этнической идентичности (например: «Мне неприятно лишний раз вспоминать о своей национальности» (обратный вопрос)), точнее, валентность (эмоциональную окрашенность) этнической идентичности. Оценке подлежит степень позитивности этнической идентичности (α Кронбаха = 0,71). Вторая шкала позволяет оценить, насколько ясно респондент ощущает себя представителем своего народа (например: «Несмотря на то, что вокруг меня живет столько разных народов, я всегда ясно осознаю свои национальные корни»). Вопросы, составляющие данную шкалу, направлены на оценку степени неопределенности этнической идентичности респондента (α Кронбаха = 0,68).

Респонденты также указывали возраст и пол, место проживания.

Методы анализа данных. Для обработки первичных данных использован статистический программный комплекс PS IMAGO PRO в составе: IBM

SPSS Statistics Base; IBM SPSS Amos; компоненты PS IMAGO PRO по бессрочной лицензии (Authorized User License), поставщик Predictive Solutions².

Все использованные в исследовании шкалы проверены на внутреннюю согласованность с помощью α Кронбаха. Социально-демографические данные изучались с помощью описательной статистики (отраженной в средних значениях, стандартных отклонениях и процентах). Далее средние значения в парах форм активности в физической и интернет-среде сравнивались по критерию Стьюдента. Все предыдущие показатели соответствуют требованиям, предъявляемым к использованию этого критерия. Далее проведен корреляционный анализ приверженности к различным формам активности в двух средах и показателей идентичности.

Поскольку в процессе реализации социальной активности происходит включение в социальные группы, взаимодействие с другими, а сама активность понимается как сфера социализации (Шамяонов, 2012), различные ее формы могут иметь определенный потенциал для формирования социальной идентичности молодежи. Поэтому на следующем этапе мы провели процедуру регрессионного анализа для выявления роли разных форм активности в вариациях видов идентичности (предикторов идентичности). Фиксировались коэффициент β , критерий Стьюдента, его значимость, приращение R^2 , показатели критерия Фишера и общий показатель R^2 .

Результаты исследования

Гипотеза 1. Имеются различия выраженности показателей приверженности к различным формам активности в физическом и интернет-пространстве.

Для верификации гипотезы обратимся к данным, отражающим средние показатели выраженности приверженности молодежи к различным формам социальной активности в двух средах и к стандартным отклонениям (табл. 1).

Как видно из табл. 1, наиболее предпочтительными формами активности в интернет-пространстве являются досуговая, дружеская, образовательная, поисковая и сетевая формы, за каждой из которых закреплены конкретные действия. Наименее предпочтительными являются религиозная, протестная, общественная, волонтерская формы. Духовная и экономическая формы активности занимают промежуточную позицию.

Сравнение показателей различных форм активности в целом и в интернет-пространстве позволяет установить их различия по уровню выраженности. Более высокие показатели активности в интернет-пространстве характерны для досуговой и экологической активности. Показатели приверженности к гражданской, политической и дружеской активности свидетельствуют в пользу отсутствия различий средних величин. Наконец, значительно ниже показатели приверженности к духовной, протестной, религиозной, образовательной, экономической и волонтерской формам активности в интернет-пространстве.

² Predictive Solutions: официальный сайт. URL: <http://www.predictivesolutions.ru>

Таблица 1 / Table 1

Показатели активности в интернете и физическом пространстве /
Indicators of activity in the Internet and physical space

Формы активности/ Activity forms	Интернет / Internet		Физическая / Physical		Критерий Стьюдента / Student's t-test	
	M	SD	M	SD	t	p
<i>Духовная активность</i> (просмотр и изучение различных духовных практик, медитаций, прослушивание мантр и др.) / <i>Spiritual activities</i> (viewing and studying various spiritual practices, meditations, listening to mantras, etc.)	1,99	1,12	3,59	0,92	19,39	0,00
<i>Досуговая активность</i> (просмотр фильмов в сети Интернет, сетевые (онлайн) игры и др.) / <i>Leisure activities</i> (watching movies on the Internet, network (online) games, etc.)	4,06	0,89	3,73	0,87	-5,54	0,00
<i>Гражданская активность</i> (распространение идей, направленных на развитие отдельных сфер гражданского общества и др.) / <i>Civic activities</i> (dissemination of ideas aimed at the development of certain areas of civil society, etc.)	1,72	1,08	1,80	0,95	0,96	0,34
<i>Политическая активность</i> (обсуждение социально-политической обстановки на специализированных форумах и др.) / <i>Political activities</i> (discussion of the socio-political situation at specialized forums, etc.)	1,55	0,98	1,50	0,86	-1,06	0,29
<i>Протестная активность</i> (размещение протестных комментариев в обсуждениях, распространение оппозиционных и протестных идей в Сети, размещение призывов к протестным акциям и митингам и др.) / <i>Protest activities</i> (posting protest comments in discussions, disseminating opposition and protest ideas online, posting calls for protest actions and rallies, etc.)	1,25	0,73	1,50	0,84	5,21	0,00
<i>Религиозная активность</i> (просмотры религиозных сайтов, участие в религиозных онлайн-сообществах, поиск религиозной литературы и фильмов, участие в обсуждениях на религиозных форумах и др.) / <i>Religious activities</i> (browsing religious websites, participating in religious online communities, searching for religious literature and films, participating in discussions on religious forums, etc.)	1,15	0,49	1,40	0,76	5,08	0,00
<i>Дружеская активность</i> (знакомство в интернет-сети, общение с друзьями, обмен развлекательным контентом и др.) / <i>Friendly activities</i> (acquaintance on the Internet, chatting with friends, sharing entertainment content, etc.)	3,66	1,16	3,61	1,08	-1,11	0,27
<i>Экологическая активность</i> (распространение идей экологической безопасности в Сети и др.) / <i>Environmental activities</i> (dissemination of ideas of environmental safety in the network, etc.)	1,81	0,97	2,42	1,07	-2,88	0,00
<i>Образовательная активность</i> (обучение на онлайн-платформах, поиск образовательной и научной литературы в Сети и др.) / <i>Educational activities</i> (learning on online platforms, searching for educational and scientific literature on the Web, etc.)	3,50	1,07	4,01	0,87	33,50	0,00
<i>Экономическая активность</i> (использование личных кабинетов в банках, поиск работы, поиск и размещение объявлений купли продажи, работа в интернете с целью получения дохода и др.) / <i>Economic activities</i> (use of personal accounts in banks, job search, search and placement of purchase and sale advertisements, work on the Internet in order to generate income, etc.)	2,59	1,25	2,98	1,10	3,43	0,00

Окончание табл. 1 / Table 1, ending

Формы активности / Activity forms	Интернет / Internet		Физическая / Physical		Критерий Стьюдента / Student's t-test	
	M	SD	M	SD	t	p
<i>Волонтерская активность</i> (ведение групп и сообществ на добровольной основе, распространение материалов волонтерских организаций и др.) / <i>Volunteer activities</i> (leading groups and communities on a voluntary basis, distributing materials of volunteer organizations, etc.)	1,61	0,98	2,37	1,21	10,05	0,00
<i>Интернет-поисковая активность</i> (поиск информации с целью знакомств с новостями, поиск информации об исторических событиях, информация для уточнения понятий и терминов в учебных целях, поиск учебной литературы, поиск информации для подготовки к учебным занятиями и др.) / <i>Internet search activities</i> (search for information in order to know the news, search for information about historical events, information to clarify concepts and terms for educational purposes, search for educational literature, search for information to prepare for training sessions, etc.)	4,01	1,08	–	–	–	–
<i>Интернет-сетевая активность</i> (участие в сетевых сообществах, сетевое общение, поиск контактов и др.) / <i>Internet network activities</i> (participation in online communities, network communication, search for contacts, etc.)	3,15	1,15	–	–	–	–
<i>Интернет-общественная активность</i> (распространение и создание идей в политической сфере, в сфере развития гражданского общества, демократических свобод и прав человека и др.) / <i>Internet social activity</i> (dissemination and creation of ideas in the political sphere, in the development of civil society, democratic freedoms and human rights, etc.)	1,48	0,85	–	–	–	–

Интегральные показатели приверженности к активности в реальной и интернет-среде значительно отличаются ($t = 7,68$; $p < 0,001$) в пользу реальной, хотя среднее значение показателя предпочтения среды активности составляет $M = 2,99$; $SD = 0,75$ (по шкале 1–5).

Гипотеза 2. Различные формы активности в реальной среде и интернет-пространстве связаны с категориями социальной идентичности.

Для проверки гипотезы 2, обратимся к данным, отражающим связи между приверженностью к различным формам активности и социальной идентичностью (табл. 2). Из табл. 2 видно, что выраженность позитивной этнической и гражданской идентичности связаны в физическом пространстве с дружеской, экологической и волонтерской активностью. Гражданская идентичность также связана с досуговой (положительно) и протестной (отрицательно) активностью. Неопределенная этническая идентичность связана с протестной (положительно) и экологической (отрицательно) активностью. Религиозная идентичность связана с религиозной (положительно) и с протестной (отрицательно) активностью.

Связи идентичности и активности в интернет-среде несколько отличны. Позитивная этническая идентичность отрицательно связана с протестной активностью и предпочтением активности в интернете (реальной). Неопределенная этническая активность связана с предпочтением политической,

протестной, интернет-общественной (положительно) и интернет-поисковой (отрицательно) активностью. Наконец, гражданская активность связана с приверженностью к досуговой, волонтерской (положительно), политической активности и предпочтением активности в интернет-пространстве (отрицательно). Приверженность к религии (выраженность религиозной идентичности) связана с протестной, экологической, сетевой активностью и предпочтением ее в интернет-пространстве (отрицательно) и религиозной активностью (положительно).

Таблица 2 / Table 2

Взаимосвязь выраженности характеристик социальной идентичности и приверженности к различным формам социальной активности / The relationship between the characteristics of social identity and commitment to various forms of social activity

Активность / Activity	Интернет-пространство / Internet space				Физическое пространство / Physical space			
	Идентичность / Identity							
	Позитивная / Positive	Неопределенная / Indefinite	Гражданская / Civil	Религиозная / Religious	Позитивная / Positive	Неопределенная / Indefinite	Гражданская / Civil	Религиозная / Religious
Духовная / Spiritual	-0,05	0,06	-0,04	0,03	0,02	0,03	0,06	-0,06
Досуговая / Leisure	0,14	-0,09	,164*	-0,07	0,07	-0,07	,202**	0,04
Гражданская / Civil	-0,03	0,07	-0,04	0,03	0,10	0,06	0,04	-0,05
Политическая / Political	-0,05	,148*	-,241**	-0,11	0,05	-0,04	-0,04	-0,12
Протестная / Protest	-,206**	,204**	-0,11	-,175*	-0,11	,215**	-,239**	-,179*
Религиозная / Religious	-0,07	0,00	0,01	,206**	-0,04	0,06	0,01	,414**
Дружеская / Friendly	0,06	-0,13	0,02	-0,08	,241**	-,160*	,174*	0,05
Экологическая / Environmental	-0,09	0,13	0,09	-,140*	,144*	-0,01	,269**	0,04
Образовательная / Educational	0,07	-0,13	0,02	-0,05	0,09	-0,08	0,02	0,08
Экономическая / Economic	-0,02	-0,05	0,06	0,10	0,12	-0,02	0,09	0,01
Волонтерская / Volunteer	0,07	0,03	,153*	0,05	,222**	0,00	,247**	0,06
Интернет-поисковая / Internet-search	0,07	-,208**	0,03	-0,13	-	-	-	-
Интернет-сетевая / Internet-network	-0,03	-0,05	-0,06	-,169*	-	-	-	-
Интернет-общественная / Internet-public	-0,07	,181*	-0,07	-0,09	-	-	-	-
Предпочтение интернета / Internet preference	-,187**	0,05	-,168*	-,319**	-	-	-	-

Примечание / Note: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

Гипотеза 3. Предикторами гражданской, религиозной и позитивной этнической идентичности являются просоциальные формы активности.

При проверке гипотезы 3 в результате регрессионного анализа с использованием пошагового метода установлены формы социальной активности в реальной (физической) и интернет-среде, являющиеся предикторами

видов социальной идентичности. В реальной среде предикторами гражданской идентичности являются экологическая ($\beta = 0,274$), досуговая ($\beta = 0,170$) и протестная ($\beta = -0,162$) формы [$R^2 = 0,13$; $F = 12,46$; $p < 0,001$]; позитивной этнической – волонтерская ($\beta = 0,222$) и дружеско-приятельская ($\beta = 0,130$) [$R^2 = 0,08$; $F = 11,76$; $p < 0,001$]; религиозной – религиозная ($\beta = 0,405$) и протестная ($\beta = -0,197$) [$R^2 = 0,20$; $F = 32,78$; $p < 0,001$] формы активности. В интернет-пространстве предикторами гражданской идентичности являются интернет-политическая ($\beta = -0,208$), интернет-досуговая ($\beta = 0,183$) и интернет-волонтерская ($\beta = 0,144$) [$R^2 = 0,07$; $F = 6,64$; $p < 0,001$] формы, позитивной этнической идентичности – интернет-протестная ($\beta = -0,171$) и волонтерская ($\beta = 0,154$) [$R^2 = 0,04$; $F = 5,16$; $p < 0,01$] формы, религиозной идентичности – интернет-религиозная ($\beta = 0,192$), интернет-протестная ($\beta = -0,148$) и интернет-досуговая ($\beta = -0,125$) [$R^2 = 0,07$; $F = 6,69$; $p < 0,001$] формы активности.

Обсуждение результатов

Молодежь характеризуется интенсивной и разнонаправленной активностью в различных сферах бытия. Сравнительный анализ социальной активности в реальной и виртуальной средах позволил установить сходство и различия показателей приверженности к определенным ее формам. Так, гражданская и политическая активность низко выражены в обеих средах, а дружеская активность достаточно сильно выражена и в той и в другой сферах. В интернет-пространстве более высокие показатели обнаруживает приверженность к досуговой активности, а приверженность к остальным формам более выражена в реальной среде. Следует отметить, что досуговая активность является одной из наиболее выраженных в молодежной среде (Кудинов, 2014), несмотря на, казалось бы, большое число событий, рассчитанных на молодежную аудиторию в рамках институциональных образований. Интегральные показатели приверженности к активности в реальной среде выше, чем в интернет-среде. При этом лишь образовательная и духовная формы активности обнаруживают сильные различия в пользу их реализации в реальной среде. Абсолютные показатели приверженности к различным формам активности дифференцированы по степени их привлекательности. Наименее выражены приверженность к гражданской, политической, протестной и религиозной активности как в реальной, так и в интернет-среде. Эти данные согласуются с рядом ранее проведенных исследований в России (Красильщиков, Осетров, 2017; Сохадзе, 2017; Шамионов и соавт., 2020). Однако исследователи также отмечают и возможность роста предпочтений этих форм (Шамионов и соавт., 2020). Досуговая, дружеско-приятельская, образовательная, интернет-поисковая и интернет-сетевая активность являются наиболее предпочитаемыми молодежью, что согласуется с ранее полученными результатами (Арендачук, 2018; Бочарова, 2019). По своей сути эти формы активности составляют два полюса – досуга и образования. Несмотря на, казалось бы, их различия и даже антагонизм (одно другому мешает, отбирая время), эти формы активности взаимосвязаны ($r = 0,158$; $p < 0,05$), что отражает основную занятость большинства участников исследования.

Обратимся к анализу корреляций между характеристиками социальной идентичности и формами социальной активности в реальной и виртуальной

средах. В соответствии с представленными выше результатами, выраженность гражданской, этнической и религиозной идентичности более тесно связана с активностью, реализуемой в интернет-пространстве. Это значит, что в интернет-пространстве реализация активности дает более весомую свободу выражения идентичности, нежели в физической среде. Очевидно, это связано с большей защищенностью интимного пространства идентичностей.

Из приведенных данных следует, что позитивная этническая идентичность сопряжена с приверженностью к дружеской, экологической и волонтерской активности (положительно) и с протестной активностью в интернет-среде – формами, относящимися к среднему уровню выраженности и предпочтением активности в интернете (реальной); неопределенная этническая идентичность – с протестной и экологической (противоположно) в реальной среде и предпочтением политической, протестной, интернет-общественной (положительно) и интернет-поисковой (отрицательно) активностью в виртуальной. Иначе говоря, определенность и позитивность этнической идентичности сопряжены с просоциальной и более приемлемыми для молодежи формами активности, а ее неопределенность – с протестными формами активности в обеих средах, отвержением экологических акций и использованием интернета для решения задач образования или дела. Эти данные согласуются с ранее полученными результатами прежних исследований (Донцов и др., 1997; Гусейнов и др., 2017). В частности, исследователями подчеркивается более высокий уровень экстремизма и интолерантности у лиц с неопределенной идентичностью.

Гражданская идентичность связана с наиболее предпочтительной досуговой активностью в обеих средах, волонтерской активностью и протестной в реальной среде, политической активностью и предпочтением активности в интернет-пространстве (отрицательно). Из этих данных следует, что досуговая активность молодежи, вопреки устоявшемуся мнению о ее поверхностности в отношении гражданственности, имеет определенный потенциал в отношении поддержки гражданских инициатив, гражданского участия. Кроме того, политическая и протестная активность молодежи связаны со слабостью гражданской идентичности. Очевидно, отношение к политическому устройству страны, восприятие его как требующего радикальной перестройки, противостояние несправедливым действиям на уровне местного самоуправления распространяется на страну в целом и отражается на гражданской идентичности. Эти данные согласуются с прежними исследованиями (Шамионов и соавт., 2020; Гусейнов и др., 2017), в которых установлены как связи протестной активности с гражданской идентичностью, так и личностные основания и эффекты протестного поведения.

Религиозная идентичность связана положительно с религиозной и отрицательно с протестной активностью в обеих средах и экологической, сетевой активностью и предпочтением ее в интернет-пространстве (отрицательно). Иначе говоря, приверженность к религии сопряжена с соответствующей активностью и вступает в противоречие с протестной, экологической и сетевой, характеризующей в основном свободное времяпрепровождение. Это также значит, что не религиозная активность (ибо отсутствуют связи между этими формами активности), а приверженность к религии находится в противоположной фазе с протестной активностью молодежи.

Социальная идентичность молодежи подвергается изменениям в связи с актуализацией социального самоопределения (Pan, 2019), и включение в различные формы активности может способствовать ее коррекции или становлению. В процессе нашего исследования мы протестировали гипотезу об эффектах приверженности к различным формам социальной активности на вариации гражданской, позитивной этнической и религиозной идентичности. В результате регрессионного анализа выяснилось, что активность в реальной среде является более сильным предиктором названных видов социальной идентичности, нежели в интернет-среде, хотя в среднем предпочтения молодежи находятся посередине шкалы активности в реальной – виртуальной среде. Эти данные можно объяснить исходя из того, что идентификация личности пока все же происходит в реальной среде, в процессе включения в деятельность реальных групп. Это же подтверждается и наличием отрицательной корреляционной связи между выраженностью идентификаций и предпочтением активности в интернет-среде (табл. 2).

Взаимосвязь категорий идентичности с формами активности свидетельствует о ее (идентичности) чувствительности к определенным формам активности. Таковыми являются для этнической идентичности дружеская, волонтерская, экологическая, протестная формы активности; для гражданской – досуговая, протестная, экологическая; для религиозной – религиозная и протестная. Заметим, что гражданская идентичность не связана с гражданской активностью. Очевидно, чувство принадлежности к стране, приемлемость проживания в ней вовсе не связываются в представлениях молодежи о таких формах гражданского участия, как отстаивание прав и свобод, выражение гражданской позиции и т. п., но сопряжены с готовностью к экологической и волонтерской активности.

Заключение

Социальная активность молодежи все более проникает в интернет-пространство, характеризуя параллельную физической реальности сферу. Поэтому необходимо выяснить, как соотносятся одноименные формы социальной активности в разных средах, отражается ли активность в разных средах на характеристиках социальной идентичности. В результате наших исследований можно сделать ряд выводов.

1. Существуют формы активности, в отношении приверженности к которым в реальной или виртуальной среде (гражданская, политическая, дружеско-приятельская) различий не имеется. Реализация досуговой активности более выражена в интернет-пространстве, нежели в физической среде, хотя по-прежнему значительна и в ней. Остальные формы активности более интенсивно реализуются в физической среде.

2. Гражданская, этническая и религиозная идентичности характеризуются тесными внутри (между видами идентичности) и межфункциональными (между идентичностью и формами активности) связями. Так, определенность и позитивность этнической идентичности сопряжены с просоциальной и более приемлемыми для молодежи формами активности, а ее неопределенность – с протестными формами активности в обеих средах, отвержением экологических акций и использованием интернета для решения задач об-

разования или дела; гражданская идентичность связана с наиболее предпочтительной досуговой активностью в обеих средах, волонтерской и снижением протестной в реальной среде, политической в интернете и предпочтения активности в интернет-пространстве; приверженность к религии сопряжена с соответствующей активностью и вступает в противоречие с протестной, экологической и сетевой, характеризующей в основном свободное времяпрепровождение.

3. Установлена значимая роль активности в вариациях видов социальной идентичности. Так, различными формами активности объясняется 13 % вариаций гражданской, 8 % вариаций религиозной и 7 % вариаций этнической идентичности. В результате регрессионного анализа установлено, что активность в реальной среде является более сильным предиктором названных видов социальной идентичности, нежели в интернет-среде.

Ограничением исследования является несбалансированность выборки. Большинство респондентов женского пола. В качестве ограничения следует также упомянуть и количество идентификационных категорий. Последующие исследования должны учесть наличие и таких категорий, которые характеризуют идентификацию личности с группами-антагонистами, например принадлежность к субкультурам, цивилизационной идентичностью (например, восток – запад, город – село) и пр. Еще одним ограничением является (естественная для современной России) левосторонняя асимметрия протестной, политической и религиозной активности. Поэтому к результатам регрессионного анализа следует относиться с осторожностью.

Список литературы

- Арендачук И.В.* Ценностно-смысловые характеристики социальной активности молодежи в зависимости от форм ее проявления // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18. № 4. С. 425–432. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-425-432>
- Бочарова Е.Е.* Типичные сферы проявления социальной активности современной молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 3. С. 359–376. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-359-376>
- Гигаури Д.И.* Выборы в Государственную Думу 2021: блоги, социальные сети и партийная идентичность в виртуальном пространстве // Социодинамика. 2021. № 11. С. 1–21. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.11.36962>
- Григорьева М.В.* Специфика форм социальной активности личности и групп в зависимости от социально-демографических характеристик и уровня образования // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 8(76). С. 48–52. <https://doi.org/10.24158/spp.2020.8.8>
- Гусейнов А.Ш., Рябикина З.И., Фоменко Г.Ю., Шиповская В.В.* Феномен протестной активности личности: субъектно-бытийная интерпретация // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 4. С. 78–96. <https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.4>
- Донцов А.И., Стефаненко Т.Г., Уталиева Ж.Т.* Язык как фактор этнической идентичности // Вопросы психологии. 1997. № 4. С. 75–86.
- Заграничный А.И.* Особенности проявления социальной активности молодежи в виртуальной и реальной средах // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 4 (60). С. 95–98. <https://doi.org/10.24158/spp.2019.4.16>
- Красильщиков В.В., Осетров М.А.* Анализ активности студентов в социальной сети // Высшее образование в России. 2017. № 2. С. 52–62.

- Кудинов С.С. Социальная активность как основа самореализации личности // Акмеология. 2014. № S1–2. С. 124–125.
- Мельникова Н.М., Кузнецова С.А., Чарина Е.В. Виртуальный мир как способ сохранения и формирования этнической идентичности в условиях миграции // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. 2021. № 4 (24). С. 118–125.
- Озерина А.А., Тимофеева Т.С. Возможности анализа репрезентаций городской идентичности в социальных сетях // Пензенский психологический вестник. 2019. № 2 (13). С. 58–67. <https://doi.org/10.17689/psy-2019.2.6>
- Попов Л.М., Устин П.Н. Когнитивно-поведенческая концепция и возможности ее реализации в жизненной активности студентов // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 1. С. 26–35. <https://doi.org/10.31857/S020595920013324-2>
- Регуш Л.А., Орлова А.В., Алексеева Е.В., Веретина О.Р., Пежемская Ю.С., Лактионова Е.Б. Феномен погруженности в интернет-среду: определение и диагностика // Сибирский психологический журнал. 2021. № 81. С. 107–125. <https://doi.org/10.17223/17267081/81/5>
- Рябикова З.И., Богомолова Е.И. Взаимосвязь личностных характеристик пользователей социальных сетей интернета с особенностями их активности в сети // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 109. С. 1041–1057.
- Савина И.С. Жизненные перспективы личности в контексте социальной активности в юношеском возрасте // Вестник науки и образования. 2021. № 7–1 (110). С. 95–100.
- Сапожникова Р.Б. Анализ понятия «идентичность»: теоретические и методологические основания // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. № 1 (45). С. 13–17.
- Соболева М.О. Особенности построения исследований виртуальной идентичности пользователей социальных сетей // Вестник РГГУ. Серия Психология. Педагогика. Образование. 2021. № 4. С. 14–23. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2021-4-14-23>
- Сохадзе К.Г. Социальная активность российской молодежи: масштабы сдерживания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2017. Т. 17. № 3. С. 348–363. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-3-348-363>
- Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы этнической и кросскультурной психологии. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. 238 с.
- Федорова М.В. Религиозная идентичность в современном цифровом мире // Социодинамика. 2020. № 6. С. 66–79. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.6.33085>
- Шамянов Р.М. Психологические характеристики социальной активности личности // Мир психологии. 2012. № 3 (71). С. 145–154.
- Шамянов Р.М. Социальная активность личности и группы: определение, структура и механизмы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 4. С. 379–394. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394>
- Шамянов Р.М. Социальная активность молодежи: системно-диахронический подход // Российский психологический журнал. 2019. Т. 16. № 1. С. 166–188. <https://doi.org/10.21702/rpj.2019.1.8>
- Шамянов Р.М., Григорьева М.В., Арндачук И.В., Бочарова Е.Е., Усова Н.В., Кленова М.А., Шаров А.А., Заграничный А.И. Психология социальной активности. М.: Перо, 2020. 200 с.
- Шаров А.А. Девиантная активность молодежи: особенности и механизм переноса из реальной среды в виртуальную // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. 2019. Т. 28. С. 103–109. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2019.28.103>
- Шаров А.А. Особенности девиантной активности в реальной и виртуальной средах у представителей молодежных субкультур // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2019. № 3 (169). С. 450–453.

- Chan M., Guo J. The role of political efficacy on the relationship between Facebook use and participatory behaviors: a comparative study of young American and Chinese adults // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2013. Vol. 16. No 6. Pp. 460–463. <https://doi.org/10.1089/cyber.2012.0468>
- Jost J.T., Barbera P., Bonneau R., Langer M., Metzger M., Nagler J., Sterling J., Tucker J.A. How social media facilitates political protest: information, motivation, and social networks // *Political Psychology*. 2018. Vol. 39. No S1. Pp. 85–118. <https://doi.org/10.1111/pops.12478>
- Pan S. Identity, civic engagement, and learning about citizenship: university students' experiences in Hong Kong // *Compare: A Journal of Comparative and International Education*. 2019. Vol. 51. No. 7. Pp. 945–964. <https://doi.org/10.1080/03057925.2019.1687286>
- Savrasova-V'un T. Social networks and their role in development of civic activity of the Ukrainian youth // *Communication Today*. 2017. Vol. 8. No 1. Pp. 104–113.
- Seigfried-Spellar K.C., Lankford C.M. Personality and online environment factors differ for posters, trolls, lurkers, and confessors on Yik Yak // *Personality and individual differences*. 2018. Vol. 124. Pp. 54–56. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.11.047>
- Sherman L.E., Greenfield P.M., Hernandez L.M., Dapretto M. Peer influence via Instagram: effects on brain and behavior in adolescence and young adulthood // *Child Development*. 2018. Vol. 89. No 1. Pp. 37–47. <https://doi.org/10.1111/cdev.12838>

История статьи:

Поступила в редакцию 24 ноября 2021 г.

Принята к печати 15 февраля 2022 г.

Для цитирования:

Шамионов Р.М., Суздальцев Н.В. Соотношение приверженности молодежи к социальной активности в интернете и физическом пространстве // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2022. Т. 19. № 1. С. 21–38. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-21-38>

Сведения об авторах:

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития, Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия). ORCID: 0000-0001-8358-597X, Scopus Author ID: 56528356700, Researcher ID: C-2869-2013. E-mail: shamionov@mail.ru

Суздальцев Никита Валерьевич, аспирант кафедры социальной психологии образования и развития, Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия). ORCID: 0000-0003-3419-2998. E-mail: nvgulkosaratov@gmail.com

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-1-21-38

Research article

The Ratio Commitment to Social Activity on the Internet and Physical Space among Young People

Rail M. Shamionov , Nikita V. Suzdaltsev

Saratov State University,
83 Astrakhanskaya St, Saratov, 410012, Russian Federation
 shamionov@mail.ru

Abstract. Due to large-scale shifts in the development of digital technologies, with the expansion of opportunities and the spread of the Internet environment, activity is increasingly being moved from the physical environment to the Internet environment. In this regard, one of

the most important problems is to identify the correlation of activity in the two environments and its reflection in the social identity of young people. The purpose of this study is to analyze the ratio of personal commitment to social activity in the Internet and physical space, taking into account its forms and the depth of ethnic, religious and civic identity. The study involved 199 people aged 17–24 years ($M = 20.02$; $SD = 2.7$). Commitment to various forms of social activity in the physical and Internet environment was assessed using scales developed and modified by the authors. Identification with the institution of religion was revealed with the help of specially designed questions about belonging to a confession and the degree of religiosity. Civic identity was determined according to the scale developed by A.N. Tatarko. The certainty of ethnic identity was estimated using the scales by A.N. Tatarko and N.M. Lebedeva. Descriptive statistics methods, correlation and regression analyzes were used for data processing. It was found that commitment to civil, political or friendly activities does not depend on their involvement in a real or virtual environment. Leisure activities are mostly represented in the virtual environment. The certainty and positivity of ethnic identity are associated with pro-social and more acceptable forms of activity for young people, but its uncertainty is associated with protest forms of activity in both environments; civic identity is associated with the most preferred leisure activity in both environments, with volunteer activity and reduced protest activity in the real environment, political activity on the Internet and preference for activity in the Internet space; commitment to religion is associated with corresponding activity and conflicts with the protest, environmental and network ones, which mainly characterize leisure time. Activity in the physical environment is a stronger predictor of civic, ethnic and religious identity than in the Internet environment.

Key words: personality, social activity, physical environment, Internet environment, identity

Acknowledgements and Funding. The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (RNF) within the framework of scientific project No. 18-18-00298.

References

- Arendachuk, I.V. (2018). Value-based meaningful characteristics of social activity of youth, depending on the forms of its manifestation. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 18(4), 425–432. (In Russ.) <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-425-432>
- Bocharova, E.E. (2019). Typical spheres of social activity manifestation in modern youth. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(3), 359–376. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-359-376>
- Chan, M., & Guo, J. (2013). The role of political efficacy on the relationship between Facebook use and participatory behaviors: A comparative study of young American and Chinese adults. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 16(6), 460–463. <https://doi.org/10.1089/cyber.2012.0468>
- Dontsov, A.I., Stefanenko, T.G., & Outaliev, Zh.T. (1997). Language as a factor of ethnic identity. *Voprosy Psichologii*, (4), 75–86. (In Russ.)
- Fedorova, M.V. (2020). Religious identity in the modern digital world. *Sotsiodinamika*, (6), 66–79. (In Russ.) <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.6.33085>
- Gigauri, D.I. (2021). 2021 State Duma elections: Blogs, social networks, and party identity in the virtual space. *Sotsiodinamika*, (11), 1–21. (In Russ.) <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.11.36962>
- Grigorieva, M.V. (2020). The specifics of social activity forms of an individual and groups depending on socio-demographic characteristics and level of education. *Obshchestvo: Sotsiologiya, Psikhologiya, Pedagogika*, (8), 48–52. (In Russ.) <https://doi.org/10.24158/spp.2020.8.8>

- Guseinov, A.Sh., Ryabikina, Z.I., Fomenko, G.Yu., & Shipovskaya, V.V. (2017). The phenomenon of protest activity: A subjective-existential interpretation. *Rossiiskii Psikhologicheskii Zhurnal*, 14(4), 78–96. (In Russ.) <https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.4>
- Jost, J.T., Barberá, P., Bonneau, R., Langer, M., Metzger, M., Nagler, J., Sterling, J., & Tucker, J.A. (2018). How social media facilitates political protest: Information, motivation, and social networks. *Political Psychology*, 39(S1), 85–118. <https://doi.org/10.1111/pops.12478>
- Krasilshchikov, V.V., & Osetrov, M.A. (2017). The analysis of students' activity in social network. *Vysshee Obrazovanie v Rossii*, (2), 52–62. (In Russ.)
- Kudinov, S.S. (2014). Social activity as basis of self-realization of the personality. *Acmeology*, (S1–2), 124–125. (In Russ.)
- Melnikova, N.M., Kuznetsova, S.A., & Charina, E.V. (2021). The virtual world as a way to preserve and form ethnic identity in the context of migration. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Pedagogics. Psychology. Philosophy Series*, (4), 118–125. (In Russ.)
- Ozerina, A.A., & Timofeeva, T.S. (2019). Possibilities for analyzing representations of urban identity in social networks. *Penza Psychological Newsletter*, (2), 58–67. (In Russ.) <https://doi.org/10.17689/psy-2019.2.6>
- Pan, S. (2019). Identity, civic engagement, and learning about citizenship: University students' experiences in Hong Kong. *Compare: A Journal of Comparative and International Education*, 51(7), 945–964. <https://doi.org/10.1080/03057925.2019.1687286>
- Popov, L.M., & Ustin, P.N. (2021). Cognitive-behavioral concept and possibilities of its implementation in students' life activity. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 42(1), 26–35. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S020595920013324-2>
- Regush, L.A., Orlova, A.V., Alekseeva, E.V., Veretina, O.R., Pezhemskaya, Y.S., & Laktionova, E.B. (2021). Phenomenon of the internet immersion: Definition and measurement. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, (81), 107–125. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/17267081/81/5>
- Ryabikina, Z.I., & Bogomolova, E.I. (2015). Interrelation personality characteristics of users of social networks in the internet with the features of their network activity. *Polythematic Online Scientific Journal of Kuban State Agrarian University*, (109), 1041–1057. (In Russ.)
- Sapozhnikova, R.B. (2005). Analiz ponyatiya "identichnost'": Teoreticheskie i metodologicheskie osnovaniya. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, (1), 13–17. (In Russ.)
- Savina, I.S. (2021). Life prospects of the individual in the context of social activity in adolescence. *Vestnik Nauki i Obrazovaniya*, (7–1), 95–100. (In Russ.)
- Savrasova-V'un, T. (2017). Social networks and their role in development of civic activity of the Ukrainian youth. *Communication Today*, 8(1), 104–113.
- Seigfried-Spellar, K.C., & Lankford, C.M. (2018). Personality and online environment factors differ for posters, trolls, lurkers, and confessors on Yik Yak. *Personality and Individual Differences*, 124, 54–56. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.11.047>
- Shamionov, R.M. (2018). Social activity of personality and groups: definition, structure and mechanisms. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 15(4), 379–394. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394>
- Shamionov, R.M. (2019). Social activity of youth: A systematic diachronic approach. *Rossiiskii Psikhologicheskii Zhurnal*, 16(1), 166–188. (In Russ.) <https://doi.org/10.21702/rpj.2019.1.8>
- Shamionov, R.M. Psychological characteristics of a personality's social activity. *The World of Psychology*, (3), 145–154. (In Russ.)
- Shamionov, R.M., Grigorieva, M.V., Arendachuk, I.V., Bocharova, E.E., Usova, N.V., Kleonova, M.A., Sharov, A.A., & Zagranichnyi, A.I. (2020). *Psikhologiya sotsial'noi aktivnosti molodezhi*. Moscow: Pero Publ. (In Russ.)
- Sharov, A.A. (2019a). Deviant behavior of young people: Some aspects and mechanism of transfer from real to virtual settings. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Psychology*, 28, 103–109. (In Russ.) <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2019.28.103>
- Sharov, A.A. (2019b). Features of deviant activity in real and virtual environments among representatives of youth subcultures. *Uchenye Zapiski Universiteta imeni P.F. Lesgafta*, (3), 450–453. (In Russ.)

- Sherman, L.E., Greenfield, P.M., Hernandez, L.M., & Dapretto, M. (2018). Peer influence via Instagram: Effects on brain and behavior in adolescence and young adulthood. *Child Development*, 89(1), 37–47. <https://doi.org/10.1111/cdev.12838>
- Soboleva, M.O. (2021). Features of the construction of research on virtual identity of users of social networks. *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Psychology. Pedagogics. Education*, (4), 14–23. (In Russ.) <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2021-4-14-23>
- Sokhadze, K.G. (2017). Social activity of the Russian youth: The scope and restraining factors. *RUDN Journal of Sociology*, 17(3), 348–363. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-3-348-363>
- Tatarko, A.N., & Lebedeva, N.M. (2011). *Metody etnicheskoi i krosskul'turnoi psikhologii*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)
- Zagranichny, A.I. (2019). The aspects of the social involvement of the youth in virtual and real environments. *Obshchestvo: Sotsiologiya, Psikhologiya, Pedagogika*, (4), 95–98. (In Russ.) <https://doi.org/10.24158/spp.2019.4.16>

Article history:

Received 24 November 2021

Revised 3 February 2022

Accepted 15 February 2022

For citation:

Shamionov, R.M., & Suzdaltsev, N.V. (2022). The ratio commitment to social activity on the internet and physical space among young people. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 19(1), 21–38. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-21-38>

Bio notes:

Rail M. Shamionov, Doctor of Sciences (Psychology), Professor, is Head of the Department of Social Psychology of Education and Development, Saratov State University (Saratov, Russia). ORCID: 0000-0001-8358-597X, Scopus Author ID: 56528356700, Researcher ID: C-2869-2013. E-mail: shamionov@mail.ru

Nikita V. Suzdaltsev is Postgraduate Student, Department of Social Psychology of Education and Development, Saratov State University (Saratov, Russia). ORCID: 0000-0003-3419-2998. E-mail: nvgulkosaratov@gmail.com

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-1-39-53

UDC 159.99

Review article

Growing Infantilism in Modern Adolescents and Young People: Symptoms and Causes

Olga B. Mikhailova¹, Nikoleta Gutvajn²

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

²Institute for Educational Research,
11/III Dobrinjska St, Belgrade, Republic of Serbia

✉ olga00241@yandex.ru

Abstract. In the 21st century, in the era of growing infantilism, one of the important tasks of modern psychology and pedagogy is to solve the problem of educating and developing the responsibility of adolescents and young people. There are various hypotheses about the emergence of infantilism and irresponsibility and their manifestations in childhood and adulthood. The strength of society is the strength of individuals who make it up; therefore, in modern science it is important to identify the causes of social infantilism and introduce technologies for its prevention and correction. On the basis of a theoretical analysis, the authors consider the dominant symptoms of infantilism (irresponsibility, mental discomfort, loneliness, sexual behavior disorders, narcissism and gender chauvinism) as well as their manifestations in different age periods. According to the authors, the main reasons for the development of infantilism in adolescents and young people are as follows: (1) the lack of collective education and the low influence of teachers, psychologists and the educational environment as a whole on the personality development; (2) the pronounced style of pedagogy of freedom, provoking the development of egoism; (3) the delegation of responsibility for education exclusively to the family in the absence of psychological and pedagogical support for family relations; (4) the deformed model of family relations against the background of falling birth rates, shifting gender roles and family values. To prevent and correct infantilism among adolescents and young people, specialists in the field of modern education need to carry out systematic diagnostic work with families and pay close attention to the introduction of practical technologies for the prevention of irresponsible behavior among younger schoolchildren and adolescents. In addition, it is necessary to introduce psychological and pedagogical education of the younger generation on the issues of personal self-development, self-education and self-fulfilment.

Key words: infantilism, symptoms of infantilism, formation of responsibility, adolescents, young people, hikikomori, kidult

Acknowledgements and Funding. The research was funded by the Ministry of Education, Science and Technological Development of the Republic of Serbia (Contract No. 451-03-68/2022-14/200018).

© Mikhailova O.B., Gutvajn N., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Introduction

The young generation of any country is the main reserve for the development of the state. It is no coincidence that the strength of society is made up of the strength of its individuals. Therefore, modern education, which is experiencing the collapse of the traditional system before the 'tsunami' of the upcoming digitalization, is faced with the acute question of how to preserve the viable resources of future human capital. Traditionally, the markers of a mature personality are responsibility, independence, freedom (including economic), social activity, moral reliability, adequacy (formed personal self-identification with society), professional and personal self-development and self-fulfilment. Accordingly, the characteristics of an immature personality are: irresponsibility, lack of independence, economic dependence, social passivity, marginality, immorality, creative stagnation, professional and personal degradation.

The problems of psychological maturity and infantilism have long been of concern to society. Legends and fairy tales from different peoples of the world describe important character traits of a mature person. The complex ecological, political and socio-economic environment that has surrounded man for thousands of years, the struggle for survival in a confrontation with nature, the large family and the embodiment of universal human values in popular culture contributed to the development of maturity and independence of young generations.

The infantilism of young people began to develop rapidly in the 20th century, especially in its second half. This was undoubtedly influenced by the technological progress and transformations of the institution of the family, family values and socio-psychological roles of men and women in family relations. According to a number of authors (Mikhailova et al., 2015; Kudinov et al., 2017), at present, the main reasons for the development of infantilism in adolescence and youth are as follows:

- 1) the lack of collective education and the low influence of teachers, psychologists and the educational environment as a whole on the personality development;
- 2) the pronounced style of pedagogy of freedom, provoking the development of egoism;
- 3) the delegation of responsibility for education exclusively to the family in the absence of psychological and pedagogical support for family relations; and
- 4) the deformed model of family relations against the background of falling birth rates, shifting gender roles and family values.

Literature overview and analysis of theories

A.P. Chekhov was probably the first to brilliantly describe female infantilism: in his story *The Grasshopper* (1891/2004) the writer highlighted the main personality features of infantilism in the female image and showed the fatal consequences of the union between a hyper-responsible husband with an infantile wife. The author illustrated for the first time that infantilism is terrible not only for its parasitism but also for the desire to psychologically harm close people who demonstrate personal maturity and responsibility. The global problem raised by A.P. Chekhov is that infantile persons will not only live economically at the expense of their donors but also hate them for their successes and ambitions; they will use the donors, humiliating them, enjoying systematic psychological violence

(Chekhov, 1891/2004). One of the topical issues in the study of personality development is the question of how and when infantilism is formed.

It is generally accepted that personality development is influenced by three global factors, namely: heredity, environment and upbringing. Numerous experiments that nature has conducted on humans prove that children can perfectly adapt to the environment of animals, but the longer they stay in it, the faster they lose the ability for personal development. Therefore, it is the environment that is the leading factor influencing the features and qualities of future generations. The translator of the environment is culture. Everything that is not nature, everything human-created in a broad sense, is culture.

In her work *Configurations of Culture in North America* (1932), the American researcher Ruth Benedict identifies culture and personality. She argues that culture is the personality of society (Benedict, 1974). Margaret Mead, comparing the adolescence of American and Samoan girls, concluded that puberty in traditional cultures is conflict-free (Mead, 2004). R. Benedict noted with concern that it was difficult for a teenager living in the 30s of the 20th century to approach the world of adults (Benedict, 2006).

At the end of the 20th century, a new term appeared in popular psychology, i.e., '*Peter Pan syndrome*.' This syndrome does not denote a mental disorder: it is rather a metaphor used to describe socially immature adults. The term came into use after the publication of Dr. Dan Kiley's book *The Peter Pan Syndrome: Men Who Have Never Grown Up* in 1983. This book became an international bestseller and sparked a wave of publications in popular psychology. Dr. Kiley came up with the Peter Pan syndrome after noticing that, like the famous character in the J.M. Barrie play, many of the troubled teenage boys whom he treated had problems growing up and accepting adult responsibilities. These problems continued into their adulthood.

Dan Kiley draws attention to the fact that the study of the fairy tale about Peter Pan reveals not only an instructive allegory but also a rather sad picture to the psychologist. Neither parents nor other loving close people realize that many children are steadily following Peter Pan's path. Thousands, maybe hundreds of thousands of young people are afraid of adulthood and this fear doesn't let them leave their childhood. Some of them eventually overcome their fears, but many remain in the ranks of so-called 'lost children' (Kiley, 1983). If A.P. Chekhov draws a portrait of female infantilism and irresponsibility in his story *The Grasshopper*, then James Barry, and after him Dr. Dan Kiley, skillfully reveals the typical features of infantilism in its male representation. At the end of the 20th century, the problem of the development of infantilism in society became quite obvious.

In the late 90s of the last century, the problem of infantilism among young people continued to develop due to the growing trend of public hedonism (Pupavac, 2000; Schulenberg, Zarrett, 2006; Tanner et al., 2007; Hayward, 2013).

In the 19th century, a new type of description of the state of infantilism appeared in the Japanese version, i.e., the *hikikomori* phenomenon. The term became widespread after the publication in 1998 of the Japanese psychiatrist Saito Tamaki's book *Hikikomori: Endless Teenage Years* (Saito, 2013). *Hikikomori* are young people who deliberately isolate themselves from others striving for complete

social isolation (they may choose not to leave their home for years). At the same time, *hikikomori*'s decisions are not associated with mental pathologies. They neither study nor work, being dependent on their parents. A *hikikomori* in the most general sense is 'a person without values'. Such young people are often completely immersed in virtual reality. The term itself, along with the abbreviated Americanized name '*hikki*', refers to people who are found not only in Japan. However, it is already obvious that in popular and scientific literature they are called exactly this way, in the Japanese manner (Hayakawa et al., 2018).

In Japanese, *hikikomori* is a designation for those who voluntarily stay in solitude: they are drawn inside (into themselves, to a shelter, to a specific place in a house or apartment), but not outside, not towards other people, even the closest ones. Society scares the *hikikomori*, they become reclusive and voluntarily refuse to fulfill the society expectations, such as helping their elders, studying or working for a living. At the same time, they are not mentally retarded and do not have mental illnesses that prevent communication. It is believed that most *hikki* experience discomfort and stress from their own weakness and low resilience, they are oppressed by the inability to return to the Confucian lifestyle, traditional for the Japanese family. Being unable to bring the image of the 'self' and the 'ideal self' closer together, they are ready to "admit being defeated without even entering a fight" (Bowker, 2016).

The *hikikomori* phenomenon has cultural and historical roots in Japan. Historically, loneliness for the Japanese is a manifestation of asceticism and self-knowledge. Therefore, interest in the ancient cult of *hikki* hermits has been renewed in Japan since the 70s of the last century. There are books, 'anime' cartoons and programs about *hikikomori*. Special groups are involved in helping hermit people. However, the socially determined reasons for the appearance of *hikikomori* lie in the traditional way of Japanese society, in a system of strict rules and standards that every Japanese citizen must comply with. A prestigious education is a secure future for a Japanese, so parents often require their children to have good grades on tests in secondary and high school (in junior school, they have no grades). School classes (they last up to 4 p.m.) are supplemented by daytime classes in sports sections, lasting up to 6 p.m. (if a child does not show significant achievements in sports, It will be a disgrace to his/her family) and classes at an additional education school (Nagornova, 2018).

For younger generations, living with parents is recognized as a risk factor for the *hikikomori* pattern development, which hinders normal psychosocial development, in particular the development of independence and can also lead to the emergence of psychological addictions. Refusal to communicate even with the closest people in most cases indicates the lack of feelings of attachment, low self-esteem and self-doubt, insufficiently developed communication skills, which acts as an obstacle in interactions both with peers and older people. Of course, the *hikikomori* phenomenon can be considered as one of the manifestations of the Peter Pan syndrome.

According to Russian authors A.E. Voiskounsky and G.U. Soldatova, it is digital technologies that contribute to the transformation of Japanese *hikikomori* escapism into a truly international, global phenomenon. As already noted, many

non-Japanese are willing to display the *hikki* worldview and behavior. For example, a recent empirical paper has examined the differences between American and Australian *hikikomori* who play computer games and show psychological dependence on computer games (Voiskounsky, Soldatova 2019). Many experts suggest that *hikikomori* are prone to developing the Internet addiction disorder (IAD).

The availability of digital technologies has significantly transformed the life of the international *hikikomori* community – traditional socialization, which they mostly neglected, has been replaced by a more acceptable digital socialization for them, which allows them to become even more social in the new ‘digital sociality’ than in the pre-digital era. Hikikomori hermits now have the opportunity to watch movies (including their favourite anime cartoons), play computer games (including online multiplayer games that require coordinated actions of large groups of players), find each other in social networks (presumably closed) and communicate, exchanging impressions and experiences. Nevertheless, they rigidly build borders and minimize contacts. The lifestyle they adopted has become widely known to the younger generation thanks to the Internet, so there is a certain fashion among young people for this style and for the use of the term ‘*hikikomori*’ as a self-name.

A similar phenomenon of modern society is represented by *kidults*: this word was first used by the British scientist Andrew Calcutt in his book *Arrested Development: Pop Culture and the Erosion of Adulthood* (Calcutt, 2016). The term began to designate middle-aged people who quite successfully fulfil their professional potential but retain the symbolic attributes of childhood.

We find another psychological portrait of the manifestation of infantilism among today’s youth in the description of the ‘*kidult*’ phenomenon. According to experts, a *kidult* as a phenomenon does not have a specific progenitor; the word is formed from two English words, i.e., ‘*kid*’ and ‘*adult*’ (Karpov, 2020). Despite the fact that many experts explaining this phenomenon refer to appearance, the essence of the *kidult* origin is attributed rather to the problems of psychiatry and pathologies of human social interactions.

Kidults are not recluses: they can be quite successful in everyday life, easily start a family and find a well-paid job. The question lies in the motivation of their actions: people with the arrested development do not see priorities in career growth or expansion of their own social networks, all these are only means of ensuring the need to maintain the ‘childhood’ stage. Many researchers pay special attention to appearance, as *kidults* retain behavioral patterns characteristic of adolescents, which is also expressed in clothing. Bright colors, prints and contrast distinguish *kidults* from the general mass of people (Gibson, Hamilton, 2013; Aline, 2014; Temnova, Tezina, 2018; Karpov, 2020).

It is worth noting that the listed criteria are not only distinctive features of people with the arrested development, modern reality tends to deviate from both behavioral standards and appearance. When analyzing the *kidult* phenomenon, a more correct name is often used, namely ‘*the delayed maturation syndrome*’. The problematic questions remain: when will such a person grow up? and will it happen at all? Let us now try to analyze the features of infantilism in modern adolescents and young adults in their development.

Current studies of infantilism in Russian and Western science

Today, in view of the relevance of the problem of infantilism among young people, there are diverse Russian and international studies underway. This problem is considered in the humanities, including pedagogy, psychology, psychiatry, and sociology.

Modern Russian researchers state the growth of infantilism among adolescents and young people (Demidenko, 2018; Pakhomova, 2021).

Russian areas of research on infantilism in most cases are associated with the personal maturity. A.A. Seregina developed a methodology for diagnosing the severity of infantilism, *the questionnaire: Level of Infantilism* (Seregina, 2006). Based on the compiled model and structure of infantilism, the author has developed a correctional program, the essence of which corresponds to the main elements of the structural-dynamic model of infantilism.

The determining factors of infantilism, according to N.D. Apraksina, are deviations from social and cultural standards and personal disorganization of students as well as unfavourable conditions that disrupt the process of learning and professional development (Apraksina, 2008).

A.V. Utenkov considers the problem of educational and professional infantilism. He associates this phenomenon with a negative attitude towards accepted formal norms and values, colleagues who achieve success in their activities, and active-aggressive behavioural models (Utenkov, 2012). Ye.V. Sabelnikova identified the characteristic signs of adult infantilism in modern conditions. As one of the most important determinants of infantilism, these authors singled out the increasing intensity of information flows and socio-economic changes as well as, in general, the features of the cultural and historical environment (Sabelnikova, Khmeleva, 2016).

A.V. Miklyaeva singled out the main categories of personal infantilism, including: regulatory infantilism (difficulties in regulating behaviour); moral infantilism (distorted value orientations, a small share of personal responsibility, the desire to assert itself at the expense of others); reflexive infantilism (unhealthy self-esteem). According to the results of the study, the importance of the construct ‘personal maturity – personal infantilism’ in maintaining a positive social identity was noted (Miklyaeva, 2019). However, although this study highlights aspects of infantilism, it neither presents specific personal characteristics of infantilism, nor analyzes how the modern digital society affects the development of infantilism, nor presents developed programs for diagnosing, preventing and correcting infantilism among young people. The author of the study states that “the limitations of the socio-psychological approach to the study of personal infantilism are associated, first of all, with the lack of research tools that would make it possible to implement the principles of the socio-constructionist approach in empirical research” (Miklyaeva, 2019. P. 15).

In the latest Russian studies, the correlations of social intelligence, the phenomenon of infantilism and personal self-esteem are analyzed. Based on the results of the analysis of domestic studies, it can be concluded that the topic of infantilism is relevant, there are various theoretical models of the structure of infantilism, but a holistic system for diagnosing, preventing and correcting infantilism in

adolescents and young people has not been developed (Shtriker et al., 2021). It is important to note that today in Russian scientific and practical psychology there is an extremely small amount of methodological materials for diagnosing infantilism and there are practically no psychological and pedagogical programs aimed at preventing and correcting manifestations of infantilism in the educational space.

According to data published by the European Statistical Office (Eurostat), young people in Eastern and Southern Europe are more likely than other Europeans aged 18–34 to live with their parents. Most of them are in Croatia, Slovakia and Italy. But northern Europeans (young Danes, Finns and Swedes) tend to live independently (Smith et al., 2017).

The highest percentage of young people living with their parents in 2015 was in Croatia (70.1%). At the same time, the number of sons living with their parents (78%) is much higher than that of daughters (61%). Slovakia is slightly behind Croatia, where 69.6% of young people live with their parents, while Slovak girls stay with their parents more often than girls from Croatia.¹

Nancy McWilliams proposes to consider the infantile personality as retaining to a greater extent infantile forms of thinking. The attitude of irresponsibility does not decrease with age and the main defense mechanism, i.e., regression determines the strategy for overcoming life's difficulties (McWilliams, 2011; Gazzillo et al., 2015).

Psychologist Jeffrey Arnett, author of the theory of emerging adulthood, singled out a special age period from 18 to 25 years, when young people, being in a transitional demographic state (no longer teenagers but not yet adults), have only partial independence, since they usually live with parents. Before choosing a partner or profession, they can try different options several times while maintaining their inner comfort zone and a sense of security (Arnett, 2010).

An alarming symptom of infantilism is the lack of will to grow up. Analyzing the work of Dr. Dan Keely and many other researchers, it should be assumed that there are six main symptoms of infantilism that parents, educators and psychologists working with children should pay attention to: 1) irresponsible behaviour; 2) mental discomfort; 3) loneliness and hidden fears; 4) mixing of sex roles; 5) narcissism; and 6) gender chauvinism. According to Dr. Dan Kiley, all these symptoms develop gradually in the age period from 10 to 22–24 years (Kiley, 1983).

Irresponsible behaviour becomes habitual around the age of 10–11 years. This is the period when a teenager consciously begins to use irresponsible behaviour strategies. It should be noted that the facets of such behaviour are very diverse and depend on the temperament and character as well as the circumstances in which this strategy of behaviour manifests itself. There are at least four options of the irresponsible behaviour of adolescents that need to be corrected as early as possible.

The first type of behaviour is *'angelic'*. Teenagers skillfully use the emotions of innocence and self-pity. Demonstration of this kind of suffering and offended innocence, complaints about ill health and the severity of life are emotion-

¹ WritingBros. (2020, September 4). *Infantilism as Social Phenomenon and a Sign of Growing Immaturity*. Retrieved February 18, 2022, from <https://writingbros.com/essay-examples/infantilism-as-social-phenomenon-and-a-sign-of-growing-immaturity/>

al tools in the implementation of this behaviour strategy. The teenagers use parental love, care and guardianship to justify their behaviour.

The second type of behaviour, *'bully'* is an aggressive strategy of irresponsible behaviour implemented according to the principle 'attack is the best defense'. Knowing that few will be able to resist their rudeness and aggressiveness, the teenagers openly resist fulfilling their duties. They often resort to emotional blackmail and try to be the first to exert psychological violence. In fact, this behaviour hides self-doubt and low self-esteem.

'Deafblind' is the third strategy of irresponsible behaviour based on ignoring requests and demands and postponing chores. Typical phrases of this behaviour strategy can be, for example: "I forgot what you told me", "I didn't see your message", "I have no idea of how it happened", "I'll do it later". When this strategy is being implemented, parents are worried that the child has mental problems, but this is far from the case. It is just a convenient position to avoid responsibility.

And the fourth strategy of irresponsible behaviour can be called *'sweetie'*. Such teenagers are quite sociable and willingly offer their help to strangers, but in their own family they do nothing and do not help anyone. It is hard to be offended with them: it is not that they refuse to help, but they need to be reminded many times. Helping others is seen by them as compensation for inaction in one's own family. This strategy of behaviour is the most difficult to correct, since responsibility and care are periodically manifested, but they are not aimed at close people who really need help and care.

Thus, as early as at the age of 10, teenagers skillfully disguise their strategies of irresponsible behaviour and acquire the skills to use them consciously. Later on, other symptoms begin to develop, which we wrote about earlier. One symptom will complement another, thereby causing infantilism to develop more and more actively.

Let us single out the main topical questions that modern science must answer: (1) What most influences the development of infantilism?; (2) Can strategies of irresponsible behaviour be inherited?; (3) Why do hyper-responsible parents develop infantile children and vice versa, why do infantile and irresponsible parents develop responsible children?; and (4) What methods of correcting infantile behaviour are the most appropriate and how does the environment influence the development of infantilism?

Conclusion

The main task of modern researchers is to develop practical tools and introduce into the psychological and pedagogical process effective practical methods for diagnosing and correcting the manifestations of infantilism in adolescents and young people. The scale and complexity of this task is due to the steadily growing youth infantilism against the background of computerization and digitalization of modern society. The formation and development of a person engaged in creative activities for the benefit of society, but not passively playing in the mythological virtual world, is a global goal, towards the achievement of which scientific research in modern education should be directed.

In order to form individual stable psychological boundaries, responsibility and activity, it is necessary to have an effective system of communications be-

tween the individual, family and society. For the effective functioning of the education system as the main channel for the transmission of cultural meanings, an active, dialogic interaction of home education, the state education system and the real socio-cultural context must be ensured.

To prevent the development of infantilism in adolescents and young people, the following modern measures should be highlighted:

1) creating a pedagogical and social environment that will stimulate social activity and develop the social intelligence in adolescents and young people;

2) reviving in the educational process the methods of collective and labor education to form the independence and influence the development of an individual in a group of peers;

3) providing pedagogical and psychological assistance to the family (especially incomplete families) in diagnosing and preventing infantilism in the practice of family education;

4) creating conditions for real self-fulfilment of young people here and now in order to prevent their escape into mythological worlds (the world of virtual games, digital reconstructions of communication, drugs, illusions, artificially created subcultures);

5) forming aspiration for independence (including financial), first of all, developing self-confidence, capabilities and abilities;

6) supporting the culture of family relations at the level of the state and society, supporting large families, the decisive role and responsibility of the father as a regulator of legal family relations and the rules of upbringing in the family;

7) developing and implementing digital protection methods; counteracting Internet addiction in the educational process in order to popularize a creative (rather than playing) personality; and

8) introducing self-learning and self-developing subjects (primarily psychology) based on the principle of natural correspondence in order to develop the younger generations in unity with nature and forming responsibility for their lives and the lives of other people on Earth in the practice of teaching adolescents and young people.

References

- Aline, M. (2014). Re-evaluating the concept of adulthood and the framework of transition. *Journal of Youth Studies*, 17(3), 415–429. <https://doi.org/10.1080/13676261.2013.853872>
- Apraksina, N.D. (2008). *Preodolenie uchebno-professional'nogo infantilizma studentov v protsesse sotsiokul'turnogo razvitiya v vuze*. Ph.D. in Pedagogy Thesis abstract. Moscow: Moscow State University of Culture and Arts. (In Russ.)
- Arnett, J.J. (2010). Oh, grow up! Generational grumbling and the new life stage of emerging adulthood – commentary on Trzesniewski & Donnellan (2010). *Perspectives on Psychological Science*, 5(1), 89–92. <https://doi.org/10.1177/1745691609357016>
- Bakulina, A.S. (2015). Fenomen kidalt, ili "novykh vzroslykh" v sovremennom mire. In A.M. Tyutchenko & O.S. Fisenko (Eds.), *Aktual'nye Voprosy Sotsial'no-psikhologicheskikh Issledovaniy* (pp. 28–36). Moscow: Pero Publ. (In Russ.)
- Benedict, R. (1974). *The chrysanthemum and the sword: Patterns of Japanese culture*. New York, Scarborough: New American Library.
- Benedict, R. (2006). Psychological types in the culture of the Southwest. In L.A. Mostova (Ed.), *Antologiya issledovaniy kul'tury. Interpretatsii kul'tury* (pp. 271–284). Saint Petersburg: St Petersburg University. (In Russ.)

- Bowker, M.H. (2016). Hikikomori as disfigured desire: Indulgence, mystification, and victimization in the phenomenon of extreme social isolation in Japan. *Journal of Psycho-Social Studies*, 9(1), 20–52.
- Calcutt, A. (2016). *Arrested development: Pop culture and the erosion of adulthood*. London: Bloomsbury Academic. <http://dx.doi.org/10.5040/9781474287029>
- Chekhov, A.P. (1891/2004). *The Grasshopper*. Kessinger Publishing.
- Demidenko, A.S. (2018). Social infantilism of Russian youth: Specificity of scientific discourse. *Historical and Social-Educational Idea*, 10(3–1), 143–149. (In Russ.) <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2018-10-3/1-143-149>
- Gazzillo, F., Lingardi, V., Del Corno, F., Genova, F., Bornstein, R.F., Gordon, R.M., & McWilliams, N. (2015). Clinicians' emotional responses and Psychodynamic Diagnostic Manual adult personality disorders: A clinically relevant empirical investigation. *Psychotherapy*, 52(2), 238–246. <https://doi.org/10.1037/a0038799>
- Gibson, S., & Hamilton, L. (2013). Knowledge, autonomy and maturity: developmental and educational concerns as rhetorical resources in adolescents' discussions regarding the age of electoral majority in England. *Journal of Youth Studies*, 16(1), 34–53. <https://doi.org/10.1080/13676261.2012.693589>
- Hayakawa, K., Kato, T.A., Watabe, M., Teo, A.R., Horikawa, H., Kuwano, N., Shimokawa, N., Sato-Kasai, M., Kubo, H., Ohgidani, M., Sagata, N., Toda, H., Tateno, M., Shinfuku, N., Kishimoto, J., & Kanba, S. (2018). Blood biomarkers of hikikomori, a severe social withdrawal syndrome. *Scientific Reports*, 8(1):2884. <https://doi.org/10.1038/s41598-018-21260-w>
- Hayward, K. (2013). 'Life stage dissolution' in Anglo-American advertising and popular culture: Kidults, Lil' Britneys and middle youths. *The Sociological Review*, 61(3), 525–548. <https://doi.org/10.1111/1467-954X.12032>
- Karpov, V.A. (2020). Kidulting as social phenomenon. *The Interaction of Families with Other Social Institutions as an Opportunity to Overcome Socio-Cultural Threats in Russia: Conference Proceedings* (pp. 149–157). Saransk: V. Afanasiev Publ. (In Russ.)
- Kiley, D. (1983). *The Peter Pan syndrome: Men who have never grown up*. New York: Dodd, Mead.
- Kudinov, S.I., Kudinov, S.S., Kudinova, I.B., & Mikhailova, O.B. (2017). The role of persistence in students' self-realization. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*, 5(2), 19–25. <https://doi.org/10.5937/IJCRSEE1702019K>
- McWilliams, N. (2011). *Psychoanalytic diagnosis: Understanding personality structure in the clinical process*. New York: Guilford Press.
- Mead, M. (2004). *Male and female: A study of the sexes in a changing world*. Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russ.)
- Mikhailova, O.B., Kudinov, S.I., & Marin Jerez, K.G. (2015). Value-motivational characteristics of innovativeness as prospects for successful self-fulfillment. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 6(3S2), 105–112. <http://dx.doi.org/10.5901/mjss.2015.v6n3s2p105>
- Miklyaeva, A.V. (2019). Socio-psychological approach to the study of personal infantilism. *Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences*, (2), 147–157. (In Russ.) <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2019-095-02-147-157>
- Nagornova, A.Yu. (2018). Characteristics of Japanese youth values and hikikomori syndrome. *Social Competence*, 3(3), 84–88. (In Russ.)
- Pakhomova, E.A. (2021). Infantilism in the student youth environment as a psychological and pedagogical problem. *Human Capital*, (2), 234–242. (In Russ.) <https://doi.org/10.25629/HC.2021.02.23>
- Pupavac, V. (2000). From statehood to childhood: Regeneration and changing approaches to international order. In M. Pugh (Eds.), *Regeneration of War-Torn Societies* (pp. 134–153). London: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-1-349-62835-3_8
- Sabelnikova, Ye.V., & Khmeleva, N.L. (2016). Infantilism: Theoretical construct and operationalization. *The Education and Science Journal*, (3), 89–105. (In Russ.) <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2016-3-89-105>

- Saito, T. (2013). *Hikikomori: Adolescence without end*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Schulenberg, J.E., & Zarrett, N.R. (2006). Mental health during emerging adulthood: Continuity and discontinuity in courses, causes, and functions. In J.J. Arnett & J.L. Tanner (Eds.), *Emerging Adults in America: Coming of Age in the 21st Century* (pp. 135–172). Washington, DC: American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/11381-006>
- Seregina, A.A. (2006). *Sotsial'no-psikhologicheskie usloviya preodoleniya infantilizma u bez-rabotnoi molodezhi*. Ph.D. in Psychology Thesis abstract. Moscow: Russian State Social University. (In Russ.)
- Shtriker, Yu., Savosin, S., & Kostrigin, A. (2021). The relationship of social intelligence, emotional intelligence and alexithymia in youth. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series of "Cognition,"* (6), 102–108. (In Russ.) <https://doi.org/10.37882/2500-3682.2021.06.25>
- Smith, A.R., Bodell, L.P., Holm-Denoma, J., Joiner Jr, T.E., Gordon, K.H., Perez, M., & Keel, P.K. (2017). "I don't want to grow up, I'm a [Gen X, Y, Me] kid:" Increasing maturity fears across the decades. *International Journal of Behavioral Development, 41*(6), 655–662. <https://doi.org/10.1177/0165025416654302>
- Tanner, J.L., Reinherz, H.Z., Beardslee, W.R., Fitzmaurice, G.M., Leis, J.A., & Berger, S.R. (2007). Change in prevalence of psychiatric disorders from ages 21 to 30 in a community sample. *The Journal of Nervous and Mental Disease, 195*(4), 298–306. <https://doi.org/10.1097/01.nmd.0000261952.13887.6e>
- Temnova, L.V., & Tezina, E.I. (2018). Kidulting as a social phenomenon. *Theory and Practice of Social Development, (12)*, 30–34. (In Russ.) <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.12.4>
- Utenkov, A.V. (2012). *Psikhologicheskie determinanty infantilizma (na materiale studentov pedvuzov)*. Ph.D. in Psychology Thesis abstract. Moscow: Russian State University for the Humanities. (In Russ.)
- Voiskounsky, A.E., & Soldatova, G.U. (2019). Epidemic of loneliness in a digital society: Hikikomori as a cultural and psychological phenomenon. *Counseling Psychology and Psychotherapy, 27*(3), 22–43. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/cpp.2019270303>

Article history:

Received 12 October 2021

Revised 1 February 2022

Accepted 15 February 2022

For citation:

Mikhailova, O.B., & Gutvajn, N. (2022). Growing infantilism in modern adolescents and young people: Symptoms and causes. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics, 19*(1), 39–53. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-39-53>

Bio notes:

Olga B. Mikhailova, PhD in Pedagogy, is Associate Professor of the Psychology and Pedagogy Department, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russia), Member of the Association of Professors of Slavic Countries (Bulgaria) and Association for the Development of Science, Engineering and Education (Serbia). ORCID: 0000-0001-5046-1452. E-mail: mikhaylova-ob@rudn.ru

Nikoleta Gutvajn, PhD in Pedagogy, is Senior Research Associate, Director of the Institute for Educational Research (Belgrade, Serbia). ORCID: 0000-0002-5628-3455. E-mail: gutvajnnikoleta@gmail.com

Прогрессирующий инфантилизм у современных подростков и молодежи: симптомы и причины

О.Б. Михайлова¹ , Н. Гутвайн²

¹Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

²Институт педагогических исследований Республики Сербия
Республика Сербия, Белград, ул. Добриньска, д. 11/III

 olga00241@yandex.ru

Аннотация. В XXI веке в эпоху нарастающей инфантильности одной из важных задач современной психологии и педагогики является решение проблемы воспитания и развития ответственности подростков и молодежи. Существуют различные гипотезы по поводу возникновения инфантильности и безответственности и их проявлений в детстве и во взрослости. Сила общества – это сила личностей, его составляющих, поэтому в современной науке важно выявлять причины социального инфантилизма и внедрять технологии по его профилактике и коррекции. На основе теоретического анализа рассматриваются доминирующие симптомы развития инфантильности (безответственность, душевный дискомфорт, одиночество, нарушение сексуального поведения, нарциссизм и гендерный шовинизм) и их проявления в разные возрастные периоды. По мнению авторов, основными причинами развития инфантилизма в подростковой и молодежной среде являются: 1) отсутствие коллективного воспитания и низкое влияние педагогов, психологов и образовательной среды в целом на развитие личности; 2) ярко выраженный стиль педагогики свободы, провоцирующий развитие эгоизма; 3) делегирование ответственности за воспитание исключительно на семью при отсутствии психолого-педагогической поддержки семейных отношений; 4) деформация модели семейных отношений на фоне падения рождаемости, смещения гендерных ролей и семейных ценностей. Для профилактики и коррекции инфантилизма в среде подростков и молодежи специалистам в области современного образования необходимо проводить систематическую диагностическую работу с семьей и уделять пристальное внимание внедрению практических технологий профилактики безответственного поведения в среде младших школьников и подростков. Кроме того, необходимо внедрять психолого-педагогическое просвещение подрастающего поколения по вопросам саморазвития, самовоспитания и самореализации личности.

Ключевые слова: инфантилизм, симптомы инфантилизма, формирование ответственности, подростки, молодежь, хикикомори, кидалт

Благодарности и финансирование. Исследование финансировалось Министерством образования, науки и технологического развития Республики Сербия (договор № 451-03-68/2022-14/200018).

Список литературы

Апраксина Н.Д. Преодоление учебно-профессионального инфантилизма студентов в процессе социокультурного развития в вузе: автореферат дис. ... канд. пед. наук. М.: МГУКИ, 2008. 23 с.

- Бакулина А.С. Феномен кидалт, или «новых взрослых», в современном мире // Актуальные вопросы социально-психологических исследований: сб. науч. и учеб.-метод. ст. / ред.-сост. А.М. Тютченко, О.С. Фисенко. М.: Перо, 2015. С. 28–36.
- Бенедикт Р. Психологические типы в культурах Юго-Запада США // Антология исследований культуры. Интерпретации культуры / сост. Л.А. Мостова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 271–284.
- Войсунский А.Е., Солдатова Г.У. Эпидемия одиночества в цифровом обществе: хикикомори как культурно-психологический феномен // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3 (105). С. 22–43. <https://doi.org/10.17759/cpp.2019270303>
- Демиденко А.С. Социальная инфантильность российской молодежи: специфика научного дискурса // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 3–1. С. 143–149. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2018-10-3/1-143-149>
- Карпов В.А. Кидалтизм как социальный феномен // Взаимодействие семьи с другими социальными институтами как возможность преодоления социокультурных угроз в России : материалы Межрегион. науч.-практ. конф. (г. Саранск, 15 ноября 2019 г.) / под общ. ред. Л.И. Савинова. Саранск: Издатель ИП Афанасьев В.С., 2020. С. 149–157.
- Мид М. Мужское и женское. Исследование полового вопроса в меняющемся мире. М.: РОССПЭН, 2004. 412 с.
- Микляева А.В. Социально-психологический подход к исследованию личностного инфантилизма // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 2 (95). С. 147–157. <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2019-095-02-147-157>
- Нагорнова А.Ю. Характеристика ценностей японской молодежи и синдром хикикамори // Социальная компетентность. 2018. Т. 3. № 3(9). С. 84–88.
- Пахомова Е.А. Инфантилизм в студенческой молодежной среде как психолого-педагогическая проблема // Человеческий капитал. 2021. № 2 (146). С. 234–242. <https://doi.org/10.25629/НС.2021.02.23>
- Сабельникова Е.В., Хмелева Н.Л. Инфантилизм: теоретический конструкт и операционализация. Образование и наука. 2016. № 3 (132). С. 89–105. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2016-3-89-105>
- Серегина А.А. Социально-психологические условия преодоления инфантилизма у безработной молодежи: автореферат дис. ... канд. психол. наук. М.: РГСУ, 2006. 25 с.
- Темнова Л.В., Тезина Е.И. Кидалтинг как социальный феномен // Теория и практика общественного развития. 2018. № 12 (130). С. 30–34. <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.12.4>
- Утенков А.В. Психологические детерминанты инфантилизма (на материале студентов педвузов): автореферат дис. ... канд. психол. наук. М.: РГГУ, 2012. 27 с.
- Штрикер Ю.Д., Савосин С.В., Костригин А.А. Взаимосвязь социального интеллекта, эмоционального интеллекта и алекситимии у молодежи // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2021. № 6. С. 102–108. <https://doi.org/10.37882/2500-3682.2021.06.25>
- Aline M. Re-evaluating the concept of adulthood and the framework of transition // Journal of Youth Studies. 2014. Vol. 17. No. 3. Pp. 415–429. <https://doi.org/10.1080/13676261.2013.853872>
- Arnett J.J. Oh, grow up! Generational grumbling and the new life stage of emerging adulthood – commentary on Trzesniewski & Donnellan (2010) // Perspectives on Psychological Science. 2010. Vol. 5. No. 1. Pp. 89–92. <https://doi.org/10.1177/1745691609357016>
- Benedict R. The chrysanthemum and the sword: patterns of Japanese culture. New York, Scarborough: New American Library, 1974.
- Bowker M.H. Hikikomori as disfigured desire: Indulgence, mystification, and victimization in the phenomenon of extreme social isolation in Japan // Journal of Psycho-Social Studies. 2016. Vol. 9. No. 1. Pp. 20–52.

- Calcutt A. Arrested development: pop culture and the erosion of adulthood. London: Bloomsbury Academic, 2016. 262 p. <http://doi.org/10.5040/9781474287029>
- Chekhov A.P. The Grasshopper. Kessinger Publishing, 1891/2004. 48 p.
- Gazzillo F., Lingiardi V., Del Corno F., Genova F., Bornstein R.F., Gordon R.M., McWilliams N. Clinicians' emotional responses and Psychodynamic Diagnostic Manual adult personality disorders: a clinically relevant empirical investigation // *Psychotherapy*. 2015. Vol. 52. No. 2. Pp. 238–246. <https://doi.org/10.1037/a0038799>
- Gibson S., Hamilton L. Knowledge, autonomy and maturity: developmental and educational concerns as rhetorical resources in adolescents' discussions regarding the age of electoral majority in England // *Journal of Youth Studies*. 2013. Vol. 16. No. 1. Pp. 34–53. <https://doi.org/10.1080/13676261.2012.693589>
- Hayakawa K., Kato T.A., Watabe M., Teo A.R., Horikawa H., Kuwano N., Shimokawa N., Sato-Kasai M., Kubo H., Ohgidani M., Sagata N., Toda H., Tateno M., Shinfuku N., Kishimoto J., Kanba S. Blood biomarkers of hikikomori, a severe social withdrawal syndrome // *Scientific Reports*. 2018. Vol. 8. No. 1. 2884. <https://doi.org/10.1038/s41598-018-21260-w>
- Hayward K. 'Life stage dissolution' in Anglo-American advertising and popular culture: kidults, Lil' Britneys and middle youths // *The Sociological Review*. 2013. Vol. 61. No. 3. Pp. 525–548. <https://doi.org/10.1111/1467-954X.12032>
- Kiley D. The Peter Pan syndrome: men who have never grown up. New York: Dodd, Mead, 1983. 281 p.
- Kudinov S.I., Kudinov S.S., Kudinova I.B., Mikhailova O.B. The role of persistence in students' self-realization // *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*. 2017. Vol. 5. No. 2. Pp. 19–25. <https://doi.org/10.5937/IJCRSEE1702019K>
- McWilliams N. Psychoanalytic diagnosis: understanding personality structure in the clinical process. New York: Guilford Press, 2011. 426 p.
- Mikhailova O.B., Kudinov S.I., Marin Jerez K.G. Value-motivational characteristics of innovativeness as prospects for successful self-fulfillment // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Vol. 6. No. 3S2. Pp. 105–112. <http://dx.doi.org/10.5901/mjss.2015.v6n3s2p105>
- Pupavac V. From statehood to childhood: regeneration and changing approaches to international order // *Regeneration of War-Torn Societies* / ed. by M. Pugh. London: Palgrave Macmillan, 2000. Pp. 134–153. https://doi.org/10.1007/978-1-349-62835-3_8
- Saito T. Hikikomori: adolescence without end. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2013. 192 p.
- Schulenberg J.E., Zarrett N.R. Mental health during emerging adulthood: continuity and discontinuity in courses, causes, and functions // *Emerging Adults in America: Coming of Age in the 21st Century* / ed. by J.J. Arnett, J.L. Tanner. Washington, DC: American Psychological Association, 2006. Pp. 135–172. <https://doi.org/10.1037/11381-006>
- Smith A.R., Bodell L.P., Holm-Denoma J., Joiner Jr T.E., Gordon K.H., Perez M., Keel P.K. "I don't want to grow up, I'm a [Gen X, Y, Me] kid:" increasing maturity fears across the decades // *International Journal of Behavioral Development*. 2017. Vol. 41. No. 6. Pp. 655–662. <https://doi.org/10.1177/0165025416654302>
- Tanner J.L., Reinherz H.Z., Beardslee W.R., Fitzmaurice G.M., Leis J.A., Berger S.R. Change in prevalence of psychiatric disorders from ages 21 to 30 in a community sample // *The Journal of Nervous and Mental Disease*. 2007. Vol. 195. No. 4. Pp. 298–306. <https://doi.org/10.1097/01.nmd.0000261952.13887.6c>

История статьи:

Поступила в редакцию 12 октября 2021 г.

Принята к печати 15 февраля 2022 г.

Для цитирования:

Mikhailova O.B., Gutvajn N. Growing infantilism in modern adolescents and young people: symptoms and causes // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19. № 1. С. 39–53. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-39-53>

Сведения об авторах:

Михайлова Ольга Борисовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия), член Ассоциации профессоров славянских стран (Болгария) и Ассоциации развития науки, инженерии и образования (Сербия). ORCID: 0000-0001-5046-1452. E-mail: mikhaylova-ob@rudn.ru

Гутвайн Николетта, доктор педагогических наук, главный научный сотрудник, директор Института педагогических исследований Республики Сербия. ORCID: 0000-0002-5628-3455. E-mail: gutvajnnikoleta@gmail.com

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-1-54-70

УДК 316.6

Исследовательская статья

Особенности групповой идентичности и ее взаимосвязь с уровнем спортивных достижений у подростков и юниоров, занимающихся боксом

М.Е. Сачкова , Р.С. Волков

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Российская Федерация, 119571, Москва, пр-кт Вернадского, д. 82, стр. 1
 msachkova@mail.ru

Аннотация. Изучаются особенности групповой идентичности, а также выявляются взаимосвязи выраженности ее компонентов и уровня спортивных достижений у подростков и юниоров, занимающихся боксом. Представлены результаты эмпирического исследования, полученные на примере 360 спортсменов: 180 подростков и 180 юниоров, занимающихся боксом. Респонденты были разделены на четыре группы по полу и возрасту (15–16 лет и 17–18 лет) с равным количественным составом. В исследовании использовались опросник социальной (групповой) идентичности A.R. Graziani, M. Rubini, A. Palmonari, S. Costarelli, R.M. Calla в адаптации О.В. Васьковой и методика измерения результативности спортивной деятельности. Выявлены статистически значимые различия параметров групповой идентичности, соотнесенные с половыми и возрастными категориями респондентов. Обнаружены более высокие показатели групповой идентичности у девочек-подростков и юниоров в сравнении с мальчиками-подростками и юниорками. Возрастная динамика заключается в том, что у подростков юношей-боксеров компоненты идентичности возрастают, а у девочек и девушек-боксеров могут иметь тенденцию к снижению. Подтвердилась гипотеза о существовании взаимосвязи между показателями групповой идентичности и уровнем спортивных достижений у подростков и юниоров-боксеров, однако она не всегда носит только прямой и положительный характер. Представлены перспективы будущих исследований значения и роли социальной идентичности в области спортивных достижений.

Ключевые слова: групповая идентичность, параметры идентичности, спортивные достижения, подростки и юниоры, занимающиеся боксом, спортивная группа

Введение

Одной из наиболее актуальных практических задач, регулярно встающих перед специалистами в области спорта, является улучшение результатов деятельности спортсменов. Большая часть прикладываемых усилий в процессе их подготовки обычно направляется либо на развитие физических качеств,

либо на совершенствование тактико-технического мастерства, но при этом непроработанной остается психологическая подготовка атлетов. В связи с этим возникает вопрос, какие социально-психологические феномены могут оказывать влияние на спортивные достижения? Например, какую роль в становлении спортсмена может играть его социальная идентичность? Однако на данный момент дать однозначный ответ невозможно, так как такого рода исследований в сфере спорта проведено еще крайне мало. Отдельные научные работы были посвящены выявлению взаимосвязей идентичности и успешности выступления спортсменов (Сохликова и др., 2019), но практически все они, как правило, были проведены на участниках командных видов спорта (футбол, баскетбол и др.), а также на выборке взрослых спортсменов (Murphy, Sabiston, 2022). На наш взгляд, изучать проблемы, связанные с идентичностью, более целесообразно в подростковом и юношеском возрасте, ведь именно в данные периоды, согласно концепции психосоциального развития Э. Эриксона, происходит ее формирование и совершенствование (Эриксон, 2006). Кроме того, задачи становления идентичности эффективнее было бы также решать в рамках тех групп, где регулярно тренируются юные спортсмены, при этом, конечно, учитывая их половые и возрастные особенности.

Сама проблематика идентичности, ее составляющих, факторов и этапов развития является в психологии одной из самых разрабатываемых. Так, в исследованиях М. Sherif выявлены детерминанты изменения поведения у подростков по мере их включения в различные социальные сообщества, где главным фактором была названа групповая идентичность. При этом М. Sherif отмечал, что в проводимых им экспериментах групповая идентичность оказывала более существенное влияние на поведение подростков, чем их личностная идентичность (Sherif, 1956). Данный конструкт поставлен в центр концепции социальной идентичности Н. Tajfel и теории самокатегоризации J. Turner (Tajfel, Turner, 1985). Авторы рассматривали социальную идентичность не просто как следствие объединения людей в группы, а именно как основание для постоянного развития этих групп. Постулаты теории социальной идентичности и категоризации прошли широкую эмпирическую проверку в области социальной и организационной психологии, где было доказано, что эффективность деятельности группы увеличивается после манипуляций, направленных на активизацию чувства общей идентичности участников, другими словами, на усилении их чувства «Мы» в противовес «Они» (Turner, 2010). На основе сделанных выводов можно также предположить, что развитие чувства «Мы» у отдельного члена группы может повлиять и на его личные достижения, например повышение эффективности труда у сотрудника на работе, получение очередного разряда или звания у спортсмена, улучшение успеваемости у ребенка в школе и т. п.

Однако применение теории социальной идентичности и категоризации до относительно недавнего времени игнорировалось в области спорта высших достижений. Мы согласны с мнением M.W. Bruner, S.M. Balish (Bruner, Balish, 2017), которые считают, что идеи данного подхода могут значительно упростить решение целого ряда проблем в работе спортивных организаций. В западных исследованиях выделяют четыре направления в области спортивной психологии, которые опираются на теорию социальной иден-

тичности. Первое изучает детерминанты спортивного поведения, второе описывает процессы формирования и развития спортивной группы, третье применяется для оценки групповой эффективности, четвертое занимается проблемами формирования лидеров (Fransen et al., 2020; Rees et al., 2015). Так, в ряде работ обнаружено, что спортсмены, которые сильнее идентифицировали себя со своей командой, испытывали более высокую сплоченность в достижении целей (Slater et al., 2018), были более уверены в способностях своей команды, поэтому лучше и индивидуально выступали на соревнованиях (López-Gajardo et al., 2021). Недавнее исследование спортсменов-подростков, которое провел L.J. Martin с колл. (Martin, 2017), показало, что высокий уровень идентификации с командой связан с позитивной самооценкой, целеустремленностью и волевыми усилиями. В другом исследовании R. Murray с соавт. установили, что высокой уровень социальной идентичности подростков связан с позитивным развитием их личностных и социальных навыков, а также с кадровым отсевом в первые годы тренировок (Murray et al., 2020).

Что касается отечественных исследований, объясняющих поведение человека включенностью его в спортивную группу, следует констатировать, что их еще очень мало. Среди таких работ исследование В.Д. Байрамова и Э.А. Эльнурова (Байрамов, Эльнуров, 2016), в котором зафиксировано, что одним из важных факторов, меняющих поведение индивида, является процесс его идентификации с другими членами группы. В работе О.В. Гребенниковой (Гребенникова, 2013) установлено положительное влияние развития групповой идентичности на процессы социализации подростков в рамках спортивных групп. Е.В. Шапкина отмечает (Шапкина, 2008), что развитие групповой идентичности повышает не только спортивные результаты подростков, но и делает процесс их воспитания более продуктивным.

Важно заметить, что в последнее время все чаще встречаются исследования, в которых доказывается целесообразность анализа социальной идентичности в логике трехкомпонентной модели. Так Дж. Камерон протестировал одномерную модель социальной идентичности, двухмерную модель (когнитивные и эмоциональные аспекты) и трехфакторную модель (когнитивная центральность, внутригрупповые связи и внутригрупповое влияние) и обнаружил, что наиболее репрезентативны результаты, полученные в соответствии с последней моделью (Cameron, 2004). В нашей стране разработкой модели идентичности занимается группа исследователей под руководством А.В. Сидоренкова, рассматривающая в структуре организационной, групповой и персональной идентичности когнитивный, аффективный и поведенческие компоненты (Сидоренков и др., 2019).

Проведенный теоретико-методологический анализ работ, посвященных проблеме идентичности, показывает, что большинство исследований до настоящего времени проведено на контингенте учащихся школ и вузов. На наш взгляд, применение теории социальной идентичности и категоризации является достаточно перспективным и в решении задач, связанных с деятельностью спортивных организаций. Однако множество научных изысканий в области спорта проводятся на ограниченных выборках: либо только среди женского пола, либо только среди мужского, а возрастные различия зача-

стью вообще не учитываются исследователями. Так, в последнее время был выполнен ряд работ, где изучались спортсменки, занимающиеся боксом. Интерес к данной области обусловлен тем, что бокс стремительно набирает популярность среди девушек и уже несколько лет входит в программу Олимпийских игр. Группа канадских исследователей выявила, что на самочувствие и результаты спортсменок, занимающихся боксом, влияет степень их идентификации с командой (Schinke et al., 2019). М.В. Арансон с соавт. (Арансон и др., 2021) приходит к заключению, что часто у девушек-боксеров наблюдается рассогласование самоидентификации с поведением, что может отражаться и на их результативности. Однако данные выводы строятся только на теоретическом и, скорее, социологическом анализе проблемы. Несмотря на то, что в последние годы женский бокс в России интенсивно развивается, социально-психологических исследований в данной области практически нет, в том числе не раскрыты особенности идентичности девушек, занимающихся таким видом спорта, который традиционно воспринимается как маскулинный.

Итак, можно констатировать, что остаются открытыми такие проблемные вопросы, как наличие половых и возрастных различий в выраженности групповой идентичности и существование самой взаимосвязи идентичности и ее направленности с результативностью у спортсменов. При этом под *групповой идентичностью* мы понимаем особый вид социальной идентичности, характеризующий принадлежность индивида к определенной группе людей, на основании сделанного им сравнения с другими сообществами и принятыми ими ингрупповыми нормами, ценностями, правилами поведения. Несомненно, исследование, направленное на выявление специфических особенностей идентичности со своей группой у занимающихся индивидуальными видами спорта, отличается новизной, а также продиктовано необходимостью получения выверенных знаний о том, как вести психологическую подготовку не только юношей, но и девушек в традиционно «мужских» видах спорта.

В связи с этим *целями нашего исследования* стало определение выраженности компонентов групповой идентичности и выявление их взаимосвязи со спортивными достижениями у подростков и юниоров, вовлеченных в занятия боксом.

В работе выдвинуты следующие предположения:

1. Существуют возрастные различия в выраженности показателей групповой идентичности у подростков и юниоров, занимающихся боксом.
2. Существуют половые различия в выраженности показателей групповой идентичности у подростков и юниоров, занимающихся боксом.
3. Существует прямая взаимосвязь между показателями групповой идентичности и уровнем спортивных достижений у подростков и юниоров, занимающихся боксом.

Процедура и методы исследования

Организация исследования. Исследование проводилось в очном формате в период 2020–2021 гг. на четырех первенствах России по боксу на добровольной основе (в двух возрастных категориях отдельно среди спортсменов мужского и женского пола). Всего опрос прошли 397 человек, однако в ито-

говую эмпирическую выборку были включены данные только 360 участников (15 бланков были признаны недействительными по причине отсутствия части данных, 22 были исключены из анализа путем рандомизации для уравнивания количества респондентов по подгруппам).

Участники. В исследовании приняли участие 360 спортсменов, из них 180 старших подростков (в возрасте 15–16 лет) и 180 юниоров (в возрасте 17–18 лет). Разделение на возрастные категории произведено по критерию, официально принятому в спорте: все соревнования по боксу проводятся в данных категориях, по этому же принципу формируются учебно-тренировочные группы. Для дальнейшего анализа вся выборка была поделена на четыре группы по 90 человек по полу и возрасту: 1 группа – девочки-подростки, квалификация 1 разряд – КМС; 2 группа – мальчики-подростки, квалификация 1 разряд – КМС; 3 группа – юниорки, квалификация 1 разряд – КМС – МС; 4 группа – юниоры, квалификация 1 разряд – КМС – МС.

Методики. Для исследования групповой идентичности (ГИ) использовался опросник A.R. Graziani, M. Rubini, A. Palmonari, S. Costarelli, R.M. Calla, перевод, апробацию и адаптацию которого провела О.В. Васькова (Васькова, 2013).

Опросник включает в себя девять шкал (в скобках указан компонент, который измеряется каждой шкалой: К – когнитивный, Э – эмоциональный, П – поведенческий):

1. Ингрупповые связи (П) – показатель вовлеченности человека в структуру взаимодействия в группе.

2. Ингрупповые чувства (Э) – выражение респондентом эмоционального отношения к его пребыванию в группе.

3. Коллективная самооценка (Э) – степень удовлетворенности членства в группе.

4. Самопонимание (К) – роль членства в группе для конструирования собственного образа Я.

5. Нисходящее сравнение (К) – сравнение себя с одноклассниками в свою пользу.

6. Центральность (К) – значимость для Я-концепции членства в группе.

7. Сплоченность (Э) – оценивание индивидом эмоциональной сплоченности группы.

8. Межгрупповая конкуренция и сравнение (П) – выраженность конкуренции личности как члена ин-группы в сравнении с аут-группами.

9. Времяпрепровождение (П) – выраженность и степень благоприятности межличностных отношений и взаимодействий в группе.

Респондентам была дана следующая инструкция: «Прочитайте утверждения и оцените их истинность относительно Вашего отношения к спортивной группе, в которой вы занимаетесь боксом: от 1 до 7, где 1 – полностью не согласен, 7 – полностью согласен с утверждением, 4 – не знаю/все равно, остальные баллы выражают разную промежуточную меру вашего согласия или несогласия. По каждому пункту допускается выбор только одного числового значения».

Для определения уровня спортивных достижений (УСД) применялась методика измерения результативности спортивной деятельности. Индекс уровня спортивных достижений R i -го спортсмена рассчитывался по формуле $R_i = Z_i \times k_i$, где Z_i – показатель, соответствующий спортивному нормативу (1 разряд – 0,9 балла; КМС – 1 балл; МС – 2 балла); k_i – весовой коэффициент результативности, соответствующий занятому i -м спортсменом месту на последнем Первенстве или Кубке России (1 место: $k_i = 1,0$; 2 место: $k_i = 0,9$; и т. д.).

Статистический анализ. Вначале данные были проверены на нормальность распределения. При использовании критерия Колмогорова – Смирнова установлено, что распределение данных по большинству шкал ГИ отличаются от нормального ($p < 0,01$), поэтому далее сравнение компонентов ГИ проводилось с помощью непараметрического U -критерия Манна – Уитни, а определение взаимосвязи между компонентами ГИ и УСД проводилось посредством коэффициента ранговой корреляции r Спирмена, обработка данных осуществлялась в программе SPSS 22.0.

Результаты

Сравнение параметров ГИ по возрастным категориям. Сравнение параметров ГИ по возрасту выявило статистически значимые различия по пяти шкалам (табл. 1). Так, у юниоров более выраженными в сравнении с подростками оказались по эмоциональному компоненту «ингрупповые чувства» ($p < 0,01$), «коллективная самооценка» ($p < 0,001$) и по поведенческому компоненту «ингрупповые связи» и «времяпрепровождение» ($p < 0,001$). Лишь только по одной шкале когнитивного компонента «нисходящее сравнение» ($p < 0,01$) у подростков показатели оказались выше. Кроме того, общий уровень ГИ также повышается с возрастом ($p < 0,01$).

Таблица 1 / Table 1

Общие результаты сравнения параметров групповой идентичности по возрасту и полу / General results of comparison of group identity parameters by age and gender

Параметры групповой идентичности / Group identity parameters	Сравниваемые категории / Compared categories					
	Возраст / Age			Пол / Gender		
	Подростки / Adolescents, N = 180 Юниоры / Juniors, N = 180			Девочки / Girls, N = 180, Мальчики / Boys, N = 180		
	Me/SD	Me/SD	U	Me/SD	Me/SD	U
Ингрупповые связи / In-group ties	4,3/0,8	4,7/1,2	12411,0***	5,0/1,1	4,0/0,5	8623,0***
Ингрупповые чувства / In-group affect	6,0/1,1	6,4/1,1	13342,5**	6,2/1,2	6,2/0,8	15895,5
Коллективная самооценка / Collective self-esteem	5,5/1,1	6,0/0,9	10971,0***	6,0/1,2	5,8/0,8	15696,5
Самопонимание / Self-understanding	5,2/1,1	5,1/1,4	15992,0	5,3/1,3	5,0/1,6	14410,5
Нисходящее сравнение / Downward comparison	5,1/0,9	4,8/0,8	13471,0**	4,8/0,9	5,0/0,8	12417,5***
Центральность / Centrality	4,8/0,9	5,0/0,8	14773,5	4,8/1,0	5,0/0,7	14862,5
Сплоченность / Cohesion	5,2/1,3	6,2/1,2	14906,0	5,7/1,1	6,2/1,1	15312,5
Межгрупповая конкуренция и сравнение / Intergroup competition and comparison	4,8/1,4	4,9/1,4	15783,0	4,6/1,3	5,3/1,4	10794,5***
Времяпрепровождение / Amusement	5,2/1,2	6,0/1,3	12642,5***	5,6/1,1	5,8/1,2	15092,5
Общий уровень / General level	5,0/0,7	5,4/0,6	13009,5**	5,4/0,7	5,3/0,6	15808,5

Примечание / Note: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Более детальный сравнительный анализ *возрастных категорий* показал следующие результаты, представленные в табл. 2.

Таблица 2 / Table 2

Сравнение параметров групповой идентичности по возрасту (по 4 группам) / Comparison of group identity parameters by age (4 groups)

Параметры групповой идентичности / Group identity parameters	Группы / Groups					
	2. Мальчики-подростки / Male adolescents, N = 90	4. Юниоры / Male juniors, N = 90	U	1. Девочки-подростки / Female adolescents, N = 90	3. Юниорки / Female juniors, N = 90	U
	Me/SD	Me/SD		Me/SD	Me/SD	
Ингрупповые связи / In-group ties	4,2/0,8	4,0/0,7	3632,5	4,5/0,8	5,8/1,1	1529,00***
Ингрупповые чувства / In-group affect	5,6/0,7	6,6/0,8	3157,00**	6,0/1,4	6,3/0,8	3649,00
Коллективная самооценка / Collective self-esteem	6,2/0,9	5,8/0,7	2762,00***	5,3/1,0	6,6/0,9	811,00***
Самопонимание / Self-understanding	4,6/1,4	5,6/1,7	2744,00***	5,6/1,5	4,8/1,0	2314,00***
Нисходящее сравнение / Downward comparison	5,0/0,9	4,9/0,8	3692,00	5,1/0,9	4,4/0,8	2439,00***
Центральность / Centrality	4,8/0,8	5,0/0,5	2469,00***	5,2/1,0	4,8/0,9	3269,00**
Сплоченность / Cohesion	5,7/1,4	6,2/1,5	3097,50**	5,8/1,3	5,6/0,9	3667,00
Межгрупповая конкуренция и сравнение / Intergroup competition and comparison	4,7/1,5	5,8/0,8	1963,00***	4,9/1,2	4,3/1,2	2010,00***
Времяпрепровождение / Amusement	4,9/1,3	6,2/1,4	2356,00***	5,4/1,2	5,6/1,1	4010,00
Общий уровень / General level	4,8/0,6	5,6/0,6	5206,0***	5,4/0,8	5,3/0,7	4009,5

Примечание / Note: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

У юниоров (4 группа) статистически значимо выше, чем у мальчиков-подростков (2 группа) показатели групповой идентичности по шести шкалам: «ингрупповые чувства» ($p < 0,01$), «самопонимание» ($p < 0,001$), «центральность» ($p < 0,001$), «сплоченность» ($p < 0,01$), «межгрупповая конкуренция и сравнение» ($p < 0,001$), «времяпрепровождение» ($p < 0,01$). Лишь по одной шкале «коллективная самооценка» показатели у мальчиков-подростков оказались значимо выше, чем у юниоров ($p < 0,001$). Общий уровень ГИ у юниоров также значимо выше, чем у подростков-мальчиков ($p < 0,001$).

У юниорок (3 группа) статистически значимо выше показатели групповой идентичности, чем у девочек-подростков (1 группа) только по двум шкалам: «ингрупповые связи» ($p < 0,001$) и «коллективная самооценка» ($p < 0,001$). По шкалам «самопонимание» ($p < 0,001$), «нисходящее сравнение» ($p < 0,001$), «центральность» ($p < 0,01$) и «межгрупповая конкуренция» ($p < 0,01$) показатели оказались выше у спортсменок 15–16 лет. Общий уровень ГИ у юниорок и девочек-подростков не отличается.

Сравнение параметров ГИ спортсменов по полу. Сравнение параметров ГИ по полу показало статистически значимые различия по трем шкалам (см. табл. 1). Так, у мальчиков наиболее выраженными, чем у девочек, оказались параметры по когнитивному – «нисходящее сравнение» ($p < 0,001$) и поведенческому – «межгрупповая конкуренция и сравнение» ($p < 0,001$) компонентам. Таким образом, для боксеров мужского пола характерна более высокая конкуренция на межгрупповом и внутригрупповом уровне, чем для женского пола. В свою очередь у девочек оказались выше показатели по поведенческому компоненту «ингрупповые связи» ($p < 0,001$). По эмоциональному компоненту различия не были обнаружены, как и по общему уровню ГИ.

Дополнительный сравнительный анализ по полу (табл. 3) выявил у девочек (1 группа) выше показатели групповой идентичности, чем у мальчиков (2 группа) по пяти шкалам: «самопонимание» ($p < 0,001$), «центральность» ($p < 0,01$), «сплоченность» ($p < 0,01$), «межгрупповая конкуренция и сравнение» ($p < 0,05$), «времяпрепровождение» ($p < 0,001$). Только по шкале «коллективная самооценка» ($p < 0,01$) результаты мальчиков оказались ярче выраженными. Общий уровень ГИ у девочек-подростков статистически значимо выше, чем у мальчиков-подростков ($p < 0,05$).

Таблица 3 / Table 3

**Сравнения параметров групповой идентичности по полу (по 4 группам) /
Comparison of group identity parameters by gender (4 groups)**

Параметры групповой идентичности / Group identity parameters	Группы / Groups					
	1. Девочки-подростки / Female adolescents, N = 90	2. Мальчики-подростки / Male adolescents, N = 90	U	3. Юниорки / Female juniors, N = 90	4. Юниоры / Male juniors, N = 90	U
	Me/SD	Me/SD		Me/SD	Me/SD	
Ингрупповые связи / In-group ties	4,5/0,8	4,2/0,8	3409,00	5,8/1,1	4,0/0,7	977,50***
Ингрупповые чувства / In-group affect	6,0/1,4	5,6/0,7	3875,00	6,3/0,8	6,6/0,8	3581,5
Коллективная самооценка / Collective self-esteem	5,3/1,0	6,2/0,9	1664,00***	6,6/0,9	5,8/0,7	969,00***
Самопонимание / Self-understanding	5,6/1,5	4,6/1,4	2084,50***	4,8/1,0	5,6/1,7	3099,00**
Нисходящее сравнение / Downward comparison	5,1/0,9	5,0/0,9	4026,00	4,4/0,8	4,9/0,8	1899,00***
Центральность / Centrality	5,2/1,0	4,8/0,8	3310,00**	4,8/0,9	5,0/0,5	2625,00***
Сплоченность / Cohesion	5,8/1,3	5,7/1,4	3142,00**	5,6/0,9	6,2/1,5	3563,50
Межгрупповая конкуренция и сравнение / Intergroup competition and comparison	4,9/1,2	4,7/1,5	3344,00*	4,3/1,2	5,8/0,8	645,00***
Времяпрепровождение / Amusement	5,4/1,2	4,9/1,3	2763,50***	5,6/1,1	6,2/1,4	3269,00**
Общий уровень / General level	5,4/0,8	4,8/0,6	3280,0*	5,3/0,7	5,6/0,6	3228,5*

Примечание / Note: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

У юниорок (3 группа) выше показатели групповой идентичности, чем у юниоров (4 группа) по двум шкалам: «ингрупповые связи» ($p < 0,001$) и

«коллективная самооценка» ($p < 0,01$). По шкалам «самопонимание» ($p < 0,01$), «нисходящее сравнение» ($p < 0,001$), «центральность» ($p < 0,001$), «межгрупповая конкуренция» ($p < 0,01$) и «времяпрепровождение» ($p < 0,01$), показатели оказались выше у юниоров. Общий уровень идентичности статистически значимо выше у юниоров, чем у юниорок ($p < 0,05$).

Взаимосвязь показателей групповой идентичности и уровня спортивных достижений. Для определения взаимосвязи показателей ГИ и УСД использовался коэффициент ранговой корреляции r Спирмена (табл. 4).

Таблица 4 / Table 4

Коэффициенты корреляции параметров групповой идентичности и УСД / Spearman's correlations between the group identity parameters and LSA (level of sports achievements)

Параметры групповой идентичности / Group identity parameters	Уровень спортивных достижений / The level of sports achievements			
	Девочки-подростки / Girl-adolescents, N = 90	Юниорки / Female juniors, N = 90	Мальчики-подростки / Boy-adolescents, N = 90	Юниоры / Male juniors, N = 90
Ингрупповые связи / In-group ties	-0,15	0,17	0,30**	-0,42**
Ингрупповые чувства / In-group affect	0,09	0,12	-0,02	0,19
Коллективная самооценка / Collective self-esteem	0,45**	-0,03	0,12	0,30**
Самопонимание / Self-understanding	0,30**	0,04	-0,01	0,48**
Нисходящее сравнение / Downward comparison	0,54**	0,21*	-0,47**	0,33**
Центральность / Centrality	0,38**	0,06	-0,41**	0,13
Сплоченность / Cohesion	0,34**	0,11	0,20	0,23*
Межгрупповая конкуренция и сравнение / Intergroup competition and comparison	0,36**	0,19*	-0,26*	0,36**
Времяпрепровождение / Amusement	0,20	0,147	-0,05	0,39**
Общий уровень / General level	0,36**	0,17	-0,11	0,38**

Примечание / Note: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

В группе девочек-старших подростков были выявлены корреляции между показателями по 6 из 9 шкал групповой идентичности и уровнем спортивных достижений. При этом высокие коэффициенты корреляции обнаружены по двум шкалам: «нисходящее сравнение» ($r = 0,54$; $p < 0,01$) и «коллективная самооценка» ($r = 0,45$; $p < 0,01$). В группе юниорок выявлены корреляции между показателями ГИ и УСД только по двум шкалам, причем связи оказались не очень сильными: это «нисходящее сравнение» ($r = 0,21$; $p < 0,05$) и «межгрупповая конкуренция и сравнение» ($r = 0,19$; $p < 0,05$). В группе девочек-подростков коэффициенты корреляции свидетельствуют о наличии связи между показателями общего уровня ГИ с УСД ($r = 0,36$; $p < 0,01$). В группе юниорок такой связи не обнаружено.

В группе 15–16-летних мальчиков-боксеров выявлены корреляции между групповой идентичностью по четырем шкалами и результативностью в спорте. Однако самые выраженные корреляции оказались с отрицательным знаком: «нисходящее сравнение» ($r = -0,47$; $p < 0,01$) и «центральность» ($r = -0,41$; $p < 0,01$). Положительная взаимосвязь УСД была обнаружена только со шка-

лой «ингрупповые связи» ($r = 0,30$; $p < 0,01$). Между общим уровнем ГИ и УСД корреляция не обнаружена.

В группе юниоров выявлены корреляции между показателями ГИ по семи шкалам и УСД. Наиболее сильные корреляции обнаружены между показателем «самопонимание» и уровнем достижений ($r = ,48$; $p < ,01$). Был зафиксирован также высокий отрицательный коэффициент взаимосвязи со шкалой «ингрупповые связи» ($r = -,42$; $p < ,01$). Между общим уровнем ГИ и УСД также обнаружена прямая взаимосвязь ($r = 0,38$; $p < 0,01$).

Обсуждение результатов

Полученные результаты частично подтвердили выдвинутые гипотезы. Были установлены *возрастные различия* в выраженности параметров групповой идентичности у спортсменов, занимающихся боксом. У юниоров показатели групповой идентичности по многим компонентам значимо выше, чем у подростков. Это свидетельствует о том, что юниоры более позитивно оценивают спортивную группу, где они регулярно тренируются. Для них группа является важным источником формирования картины мира и образа «Я» и занимает центральное место в структуре их Я-концепции. Единственное, удовлетворенность включением в группу у подростков выше, чем у юниоров. И объяснить это можно тем, что в отроческий период еще значимым остается общение со сверстниками, а с возрастом ориентированность все больше идет на личностное самоопределение, что напрямую детерминруется сформированностью как персональной, так и социальной идентичности. Что касается сравнения юниорок и девочек-подростков, то показатели групповой идентичности разнятся по компонентам. Для 15–16-летних группа является более важным источником формирования их представления о себе. При этом аффективное отношение и включение в систему межличностных взаимоотношений у юниорок выше, что говорит о том, что с возрастом большее значение приобретают именно эмоциональные компоненты групповой идентичности. Полученные данные согласуются с результатами исследования О.В. Васьковой, которая установила, что выраженная степень эмоционального отношения к одноклассникам у учеников старших классов прослеживается достаточно ярко (Васькова, 2013). При сравнении данных, однако, обнаружено, что по многим параметрам (прежде всего, эмоциональным и когнитивным) уровень ГИ у юношей и девушек, занимающихся спортом, превышают такие же показатели у учащихся школ, что свидетельствует о более выраженной роли группы в развитии личности спортсмена. Спецификой у боксеров стало и то, что общий показатель идентичности у девушек, занимающихся боксом, с возрастом не уменьшается, но при этом изменяется взаимосвязь с УСД. Происходит это из-за реструктурирования компонентов ГИ: со снижением эмоционального и повышением поведенческого компонента растет взаимосвязь идентичности с успешностью в боксе.

В исследовании получены результаты, отражающие *половые различия* в выраженности параметров групповой идентичности у подростков и юниоров, занимающихся боксом. В старшем подростковом возрасте девочки имеют более выраженную групповую идентичность, нежели мальчики. Эти данные демонстрируют, что спортивные группы занимают центральное место в их

образе Я, помимо этого, девушки более склонны к конкурированию с другими группами, чем юноши. Только удовлетворены своим нахождением в конкретной спортивной группе мальчики больше. С возрастом половые различия не только сохраняются, но и кристаллизуются вокруг определенных компонентов идентичности. Так, в структуре групповой идентичности у юниоров более выражены когнитивные параметры, такие как «нисходящее сравнение» и «самопонимание», а у юниорок в большей степени представлены эмоциональные компоненты (например, «коллективная самооценка»). Что касается динамики общего уровня ГИ, то в группе мальчиков она прослеживается ростом показателей, в отличие от группы девочек, у которых общий уровень ГИ по мере взросления не меняется. Полученные результаты согласуются с исследованием К.Ю. Кузьмина (Кузьмин, 2015), в котором автор показал, что девочки склонны более высоко оценивать свои личностные качества, в отличие от мальчиков, при этом с возрастом данная оценка снижается. Однако если эти данные раскрывают общие закономерности, то в нашем исследовании были зафиксированы механизмы динамики компонентов ГИ у юных боксеров разного пола: рост эмоционального отношения к тренировочной группе у девушек и усиление когнитивных показателей идентичности у юношей.

Проведенный корреляционный анализ выявил взаимосвязь между показателями групповой идентичности и УСД. В группе девочек-подростков сильная корреляционная связь наблюдается по когнитивному и эмоциональному компонентам ГИ с УСД и в меньшей степени по поведенческому компоненту. Полученные результаты можно объяснить тем, что обычно в данном возрастном периоде положительно относиться к своей группе и воспринимать ее как основу для самооценивания более характерно, чем стремление как-то действовать, так как это уже формируется только на уровне не становящейся, а достигнутой идентичности. В группе юниорок связи проявляются только в ситуации сравнения и конкуренции, именно с такой позицией девушки могут иметь более высокие спортивные результаты в боксе. Важно заметить, что в группе девочек с возрастом связь между компонентами ГИ и результатами в спорте пропадает.

Наиболее же интересным обнаруженным в исследовании артефактом стало то, что у мальчиков-подростков установлена отрицательная связь показателей когнитивных шкал ГИ с УСД. Полученные данные говорят о том, что спортивные результаты мальчиков-подростков имеют негативную связь с когнитивными установками в отношении ребят, с которыми они занимаются в одной группе. Это может быть обусловлено тем, что в одной группе с подростками могут заниматься ребята старшего возраста, которые физически сильнее, поэтому сравнение с ними может снижать их самооценку и уверенность. В отличие от подростков в группе юниоров проявляется положительная связь между когнитивным компонентом и УСД и отрицательная связь между поведенческим компонентом и УСД. С возрастом результативность боксеров все больше начинает соотноситься с осознанностью, однако индивидуальный вид спорта требует от них ограниченного взаимодействия внутри группы, так как очень часто ребята, конкурирующие внутри своей группы, могут быть соперниками и на соревнованиях. Эти данные частично со-

гласуются с полученными результатами А.Т. Blodgett с соавт., обнаружившими расхождения между выраженностью идентичности и поведением у боксеров высокой квалификации (Blodgett et al., 2017).

Заключение

В процессе подготовки юных спортсменов, занимающихся боксом, необходимо учитывать эксплицитность компонентов гендерной идентичности, а также возрастные и половые особенности, которые могут по-разному влиять на успешность спортивной деятельности. Проведенное исследование показывает, что применение теории социальной идентичности и категоризации является достаточно перспективным в области спорта высших достижений, а полученные результаты позволяют сделать следующие выводы.

1. Выраженность показателей групповой идентичности различается в зависимости от возраста спортсменов, занимающихся боксом. У юниоров в большей степени проявляются эмоциональные и когнитивные компоненты групповой идентичности. Группа для них является важным источником формирования картины мира и образа себя, занимая центральную часть в структуре их Я-концепции, в отличие от подростков, для которых их спортивная группа является местом, где они просто хорошо проводят время. Для 15–16-летних девочек-подростков группа, в которой они регулярно занимаются боксом, является более важным источником самооценки, чем для юниорок, однако эмоциональное отношение и включенность в систему ин-групповых взаимосвязей у юниорок проявляется сильнее. Во всех возрастных группах в подростково-юношеский период самые низкие показатели по поведенческому компоненту групповой идентичности. Общий уровень идентичности наиболее высокое значение имеет у юниоров, а наиболее низкое – у подростков-мальчиков.

2. Выраженность показателей групповой идентичности различается у спортсменов разного пола. В старшем подростковом возрасте девочки имеют более выраженную групповую идентичность, нежели мальчики, а также девушки более склонны к конкурированию с другими группами, чем юноши. В структуре групповой идентичности у юниоров более выражены когнитивные параметры, а у юниорок – эмоциональные компоненты. У мальчиков динамика общей ГИ прослеживается ростом показателей в отличие от девочек, у которых общий уровень ГИ по мере взросления не меняется.

3. Существуют разного характера взаимосвязи между компонентами групповой идентичности и успешностью спортивной деятельности. Сильные положительные связи между когнитивными и эмоциональными компонентами ГИ и УСД представлены в двух выборках – у девочек старшего подросткового возраста и у юниоров – молодых людей 17–18 лет. Между когнитивными компонентами ГИ и УСД существует обратная связь в группе мальчиков-подростков. Таким образом, по мере взросления у мальчиков не только растут показатели ГИ, но и они имеют прямую связь с результатами их спортивной деятельности в отличие от девочек, у которых с возрастом связь ГИ с успехами в спорте уменьшается.

Полученные в исследовании результаты могут быть использованы спортивными психологами при работе с группами боксеров для диагностики факто-

ров достижений и для разработки рекомендаций тренерскому штабу по психологической подготовке как отдельного спортсмена, так и сборной команды в целом. Особенно ценными могут стать выводы о разных способах работы с подростками и юниорами и специфике подхода к учебно-тренировочному процессу у девушек, занимающихся «мужским» видом спорта.

Будущие исследования в спортивной сфере должны быть связаны с выявлением и более подробным анализом вклада каждого показателя групповой идентичности в повышение успешности в спортивной деятельности. При разработке данной проблематики необходимо также провести ряд исследований, раскрывающих характер взаимоотношений молодых боксеров с тренером для выявления степени их влияния на формирование ГИ спортсменов. Интересно было бы также изучить механизмы становления ГИ через анализ взаимосвязи параметров идентичности и мотивации юношей и девушек как к самой спортивной деятельности, так и к достижению успеха. Перспективным может стать расширение выборки с привлечением к исследованию юношей и девушек, занимающихся другими видами спорта в разного рода организациях (любительского и профессионального типов), а также выявление соотношенности специфических видов идентичности (персональной, профессиональной и т. д.) и критериев оценки достижений и успешности карьеры молодых спортсменов.

Список литературы

- Арансон М.В., Озолин Э.С., Тупоногова О.В.* Гендерные проблемы женского бокса в фокусе тематики зарубежных исследований // Теория и практика физической культуры. 2021. № 2. С. 84–85.
- Байрамов В.Д., Эльнуров А.Э.* Специфика групповой идентичности в спортивной команде // Человек. Общество. Инклюзия. 2016. № 2–1 (26). С. 12–22.
- Васькова О.В.* Применение опросника социальной идентичности для диагностики социально-психологических особенностей ученической группы старших подростков // Психологическая наука и образование. 2013. Т. 18. № 2. С. 87–96.
- Гребенникова О.В.* Групповая идентичность современных подростков 11–12 лет: особенности становления в процессе социализации // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2013. № 2. С. 73–82.
- Кузьмин М.Ю.* Сравнение идентичности младших школьников, подростков и лиц юношеского возраста // Сибирский психологический журнал. 2015. № 58. С. 61–75. <https://doi.org/10.17223/17267080/58/4>
- Сачкова М.Е., Васькова О.В.* Взаимосвязь статусной дифференциации и сплоченности в ученических группах старших подростков // Социальная психология и общество. 2013. Т. 4. № 1. С. 92–102.
- Сидоренков А.В., Шипитько О.Ю., Штильников Д.Е., Штроо В.А.* Разработка инструментария изучения идентификации работников в организации // Организационная психология. 2019. Т. 9. № 3. С. 74–102.
- Сохликова В.А., Романина Е.В., Баранова В.А.* Психологические модели успешности выступления высококвалифицированных спортсменов на основе самооценки и уровня притязания как инструмент оптимизации процесса спортивной деятельности // Ресурсы конкурентоспособности спортсменов: теория и практика реализации. 2019. № 1. С. 330–332.
- Шапкина Е. В.* Социологический анализ групповой идентичности спортивной команды // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2008. № 8 (48). С. 221–232.

- Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис / общ. ред. и предисл. А.В. Толстых; пер. с англ. М.: Флинта, 2006. 352 с.
- Blodgett A.T., Ge Y., Schinke R.J., McGannon K.R. Intersecting identities of elite female boxers: stories of cultural difference and marginalization in sport // *Psychology of Sport and Exercise*. 2017. Vol. 32. Pp. 83–92. <https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2017.06.006>
- Bruner M.W., Balish S.M., Forrest C., Brown S., Webber K., Gray E., McGuckin M., Keats M.R., Rehman L., Shields C.A. Ties that bond: youth sport as a vehicle for social identity and positive youth development // *Research Quarterly for Exercise and Sport*. 2017. Vol. 88. No. 2. Pp. 209–214. <https://doi.org/10.1080/02701367.2017.1296100>
- Cameron J.E. A three factor model of social identity // *Self and Identity*. 2004. Vol. 3. No. 3. Pp. 239–262. <https://doi.org/10.1080/13576500444000047>
- Fransen K., Barker J.B., Slater M.J. Leadership and social identity // *Routledge International Encyclopedia of Sport and Exercise* / ed. by D. Hackfort, R.J. Schinke. London: Routledge, 2020. Pp. 219–231. <https://doi.org/10.4324/9781315187259>
- López-Gajardo M.A., Pulido J.J., Tapia-Serrano M.A., Ramírez-Bravo I., Leo F.M. Is perceived athlete leadership quality related to inside sacrifice and perceived performance in team sports? The mediating role of team identification // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. 662250. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.662250>
- Martin L.J., Balderson D., Hawkins M., Wilson K., Bruner M.W. Groupness and leadership perceptions in relation to social identity in youth sport // *Journal of Applied Sport Psychology*. 2017. Vol. 29 No. 3. Pp. 367–374. <https://doi.org/10.1080/10413200.2016.1238414>
- Murray R.M., Coffee P., Arthur C.A., Eklund, R.C. Social identity moderates the effects of team-referent attributions on collective efficacy but not emotions // *Sport, Exercise, and Performance Psychology*. 2020. Vol. 9. No. 3. Pp. 322–340. <https://doi.org/10.1037/spy0000178>
- Murray R.M., Sabiston C.M. Understanding relationships between social identity, sport enjoyment, and dropout in adolescent girl athletes // *Journal of Sport and Exercise Psychology*. 2022. Vol. 44. No. 1. Pp. 62–66. <https://doi.org/10.1123/jsep.2021-0135>
- Rees T., Haslam, S.A., Coffee P., Lavallee D.A. A social identity approach to sport psychology: principles, practice, and prospects // *Sports Medicine*. 2015. Vol. 45. No. 8. Pp. 1083–1096. <https://doi.org/10.1007/s40279-015-0345-4>
- Schinke R.J., Ge Y., Petersen B., Blodgett A.T., Dupuis-Latour J., Coholic D. Building a national team context based upon the identity challenges and intervention strategies of elite female boxers in their home training environments // *Journal of Sport Psychology in Action*. 2019. Vol. 10. No. 2. Pp. 94–105. <https://doi.org/10.1080/21520704.2018.1543221>
- Sherif M. Experiments in group conflict // *Science American*. 1956. Vol. 195. No. 5. Pp. 54–59.
- Slater M.J., Haslam S.A., Steffens N.K. Singing it for “us”: team passion displayed during national anthems is associated with subsequent success // *European Journal of Sport Science*. 2018. Vol. 18. No. 4. Pp. 541–549. <https://doi.org/10.1080/17461391.2018.1431311>
- Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // *Psychology of intergroup relations* / ed. by S. Worchel, W.G. Austin. Chicago: Burnham Inc. Pub., 1985. Pp. 7–24.
- Turner J.C. Social categorization and the self-concept: A social cognitive theory of group behavior // *Rediscovering Social Identity: Key Readings in Social Psychology* / ed. by T. Postmes, N.R. Branscombe. New York: Psychology Press, 2010. Pp. 243–272.

История статьи:

Поступила в редакцию 24 декабря 2021 г.

Принята к печати 12 февраля 2022 г.

Для цитирования:

Сачкова М.Е., Волков Р.С. Особенности групповой идентичности и ее взаимосвязь с уровнем спортивных достижений у подростков и juniоров, занимающихся боксом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19. № 1. С. 54–70. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-54-70>

Сведения об авторах:

Сачкова Марианна Евгеньевна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии, факультет психологии, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия). ORCID: 0000-0003-2982-8410, eLIBRARY SPIN-код: 3217-0087. E-mail: msachkova@mail.ru

Волков Роман Сергеевич, аспирант кафедры общей психологии, факультет психологии, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-3737-3682, eLIBRARY SPIN-код: 7433-3897. E-mail: volkov.roman@inbox.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-1-54-70

Research article

Features of Group Identity and Its Relationship with the Level of Sports Achievements among Adolescents and Juniors Who Practice Boxing

Marianna E. Sachkova^{ID}✉, **Roman S. Volkov**^{ID}

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
82 Prospekt Vernadskogo, bldg 1, Moscow, 119571, Russian Federation

✉ msachkova@mail.ru

Abstract. The present study is focused on identifying the features of group identity as well as the relationship between its components and the level of sports achievements in adolescents and juniors who practice boxing. The paper presents the results of an empirical study obtained on a sample of 360 young boxers (180 teenagers and 180 juniors). The respondents were divided into four groups by gender and age (15–16 years and 17–18 years), equal in number. The study used the Questionnaire of Social (Group) Identity by A.R. Graziani, M. Rubini, A. Palmonari, S. Costarelli, and R.M. Calla (adapted by O.V. Vaskova) and the technique for measuring the effectiveness of sports activities. Statistically significant differences in the parameters of group identity were identified, correlated with the gender and age categories of respondents. Higher indicators of group identity were found in female adolescents and juniors in comparison with male adolescents and juniors. The peculiarity of the age dynamics is that the components of identity increase in adolescent male boxers, while they may tend to decrease in adolescent female boxers. The hypothesis was confirmed that there exists a relationship between the indicators of group identity and the level of sports achievements in adolescent and junior boxers, but it was not only direct and positive. The article presents the prospects for future research on the meaning and role of social identity in the field of sports achievements.

Key words: group identity, identity parameters, sports achievements, adolescents, juniors, practicing boxing, sports group

References

- Aranson, M.V., Ozolin, E.S., & Tuponogova, O.V. (2021). Gender limitations in women's boxing sport. *Teoriya i Praktika Fizicheskoy Kultury*, (2), 84–85. (In Russ.)
- Bairamov, V.D., & Alenurov, E.A. (2016). Specifics of group identity in the sports team. *Human. Society. Inclusion*, (2–1), 12–22. (In Russ.)

- Blodgett, A.T., Ge, Y., Schinke, R.J., & McGannon, K.R. (2017). Intersecting identities of elite female boxers: Stories of cultural difference and marginalization in sport. *Psychology of Sport and Exercise*, 32, 83–92. <https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2017.06.006>
- Bruner, M.W., Balish, S.M., Forrest, C., Brown, S., Webber, K., Gray, E., McGuckin, M., Keats, M.R., Rehman, L., & Shields, C.A. (2017). Ties that bond: Youth sport as a vehicle for social identity and positive youth development. *Research Quarterly for Exercise and Sport*, 88(2), 209–214. <https://doi.org/10.1080/02701367.2017.1296100>
- Cameron, J.E. (2004). A three factor model of social identity. *Self and Identity*, 3(3), 239–262. <https://doi.org/10.1080/13576500444000047>
- Erikson, E. (2006). *Identity: Youth and crisis*. Moscow: Flinta Publ. (In Russ.)
- Fransen, K., Barker, J.B., & Slater, M.J. (2020). Leadership and social identity. In D. Hackfort & R.J. Schinke (Eds.), *Routledge International Encyclopedia of Sport and Exercise*, (pp. 219–231). London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315187259>
- Grebennikova, O.V. (2013). Group identity of present-day adolescents of 11–12: Specific features of growth in the socialization process. *Sovremennââ Social'naâ Psihologiâ: Teoretičeskie Podhody i Prikladnye Issledovaniâ*, (2), 73–82. (In Russ.)
- Kuzmin, M.U. (2015). Comparison of identities of junior pupils, teenagers and young people. *Siberian Journal of Psychology*, (58), 61–75. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/17267080/58/4>
- López-Gajardo, M.A., Pulido, J.J., Tapia-Serrano, M.A., Ramírez-Bravo, I., & Leo, F.M. (2021). Is perceived athlete leadership quality related to inside sacrifice and perceived performance in team sports? The mediating role of team identification. *Frontiers in Psychology*, 12, 662250. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.662250>
- Martin, L.J., Balderson, D., Hawkins, M., Wilson, K., & Bruner, M.W. (2017). Groupness and leadership perceptions in relation to social identity in youth sport. *Journal of Applied Sport Psychology*, 29(3), 367–374. <https://doi.org/10.1080/10413200.2016.1238414>
- Murray, R., & Sabiston, C. (2022). Understanding relationships between social identity, sport enjoyment, and dropout in adolescent girl athletes. *Journal of Sport and Exercise Psychology*, 44(1) 62–66. <https://doi.org/10.1123/jsep.2021-0135>
- Murray, R.M., Coffee, P., Arthur, C.A., & Eklund, R.C. (2020). Social identity moderates the effects of team-referent attributions on collective efficacy but not emotions. *Sport, Exercise, and Performance Psychology*, 9(3), 322–340. <https://doi.org/10.1037/spy0000178>
- Rees, T., Haslam, S.A., Coffee, P., & Lavallee, D.A. (2015). A social identity approach to sport psychology: Principles, practice, and prospects. *Sports Medicine*, 45(8), 1083–1096. <https://doi.org/10.1007/s40279-015-0345-4>
- Sachkova, M.E., & Vaskova, O.V. (2013). Interrelation of status differentiation and integration in student groups of senior adolescents. *Social Psychology and Society*, 4(1), 92–102. (In Russ.)
- Schinke, R.J., Ge, Y., Petersen, B., Blodgett, A.T., Dupuis-Latour, J., & Coholic, D. (2019). Building a national team context based upon the identity challenges and intervention strategies of elite female boxers in their home training environments. *Journal of Sport Psychology in Action*, 10(2), 94–105. <https://doi.org/10.1080/21520704.2018.1543221>
- Shapkina, E.V. (2008). Sociological analysis of sports team group identity. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy, Sociology, Law*, (8), 221–232 (In Russ.)
- Sherif, M. (1956). Experiments in group conflict. *Science American*, 195(5), 54–59.
- Sidorenkov, A.V., Shipitko, O.Yu., Shtilnikov, D.E., & Stroh, W.A. (2019). Development of tools for the study of employee identity in the organization. *Organizational Psychology*, 9(3), 74–102. (In Russ.)
- Slater, M.J., Haslam, S.A., & Steffens, N.K. (2018). Singing it for “us”: Team passion displayed during national anthems is associated with subsequent success. *European Journal of Sport Science*, 18(4), 541–549. <https://doi.org/10.1080/17461391.2018.1431311>
- Sokhlikova, V.A., Romanina, E.V., & Baranova, V.A. (2019). Psikhologicheskie modeli uspeshnosti vystupleniya vysokokvalifitsirovannykh sportsmenov na osnove samootsenki i urovnya prityazaniya kak instrument optimizatsii protsessa sportivnoi deyatel'nosti. *Resursy Konkurentosposobnosti Sportsmenov: Teoriya i Praktika Realizatsii*, (1), 330–332. (In Russ.)

- Tajfel, H., & Turner, J.C. (1985). The social identity theory of intergroup behavior. In S. Worchel & W.G. Austin (Eds.), *Psychology of Intergroup Relations* (pp. 7–24). Chicago: Burnham Inc. Pub.
- Turner, J.C. (2010). Social categorization and the self-concept: A social cognitive theory of group behavior. In T. Postmes & N.R. Branscombe (Eds.), *Rediscovering Social Identity: Key Readings in Social Psychology* (pp. 243–272). New York: Psychology Press.
- Vaskova, O.V. (2013). A social identity questionnaire for diagnostics of socio-psychological characteristics of older adolescents student groups. *Psychological Science and Education*, 18(2), 87–96. (In Russ.)

Article history:

Received 24 December 2021

Revised 2 February 2022

Accepted 12 February 2022

For citation:

Sachkova, M.E., & Volkov, R.S. (2022). Features of group identity and its relationship with the level of sports achievements among adolescents and juniors who practice boxing. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 19(1), 54–70. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-54-70>

Bio notes:

Marianna E. Sachkova, Doctor of Psychology, Professor, is Professor of the Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0003-2982-8410, eLIBRARY SPIN-code: 3217-0087. E-mail: msachkova@mail.ru

Roman S. Volkov is Postgraduate Student of the Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0002-3737-3682, eLIBRARY SPIN-code: 7433-3897. E-mail: volkov.roman@inbox.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-1-71-85

УДК 159.9

Исследовательская статья

Личностные смыслы безопасности в сознании профессиональных франкофонов

В.Г. Тылец¹, Т.М. Краснянская²✉

¹Московский государственный лингвистический университет,
Российская Федерация, 119034, Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1

²Московский гуманитарный университет,
Российская Федерация, 111395, Москва, ул. Юности, д. 5

✉ ktm8@yandex.ru

Аннотация. Безопасность, признаваемая в настоящее время ведущим условием организации образовательного пространства, остается мало изученной применительно к образовательному пространству языковой подготовки. Между тем ее представленность в сознании субъектов изучения иностранного языка позволяет прогнозировать векторы приложения усилий для совершенствования деятельности соответствующих субъектов. Цель исследования – изучение личностных смыслов безопасности в сознании профессиональных франкофонов. Респондентами выступили преподаватели французского языка и студенты-выпускники, изучающие французский язык. Методы исследования: направленные высказывания, контент-анализ, шкалированный опрос. В ходе исследования выявлены смысловые группы категории «безопасность» в образовательном пространстве овладения французским языком: средовой параметр учебного процесса, характеристика взаимодействия субъектов учебного процесса, внутреннее состояние субъектов – педагога/учащегося, предиктор усвоения иностранного языка, экспектация владения французским языком. Установлены ситуации ее «привязки» профессиональными франкофонами к образовательному пространству овладения французским языком: организация образовательного пространства, построение методических подходов к обучению языку, реализация учебного взаимодействия, овладение французским языком. Получено подтверждение значимости для профессиональных франкофонов категории «безопасность» по трем аспектам организации образовательного пространства овладения французским языком – общеметодическому, общеязыковому и частноязыковому. В процессе обучения французскому языку представляется целесообразным учитывать потребности безопасности, актуальные для современного образовательного пространства, выделять в нем особенности, значимые в целом для практики языковой подготовки как направления педагогической деятельности, принимать во внимание нюансы, характерные исключительно для преподавания конкретного языка.

Ключевые слова: безопасность, образовательное пространство, овладение иностранным языком, французский язык, франкофоны

Введение

Безопасность в качестве особой бытийной категории, обозначающей в конечном счете предтечу всякой позитивной возможности – процесса, состояния, движения, деятельности, в настоящее время как никогда наполненной динамичными рисками неопределенностей и трудностями выбора способов эффективного выживания в них, имеет приоритетное значение практически во всех сферах социальной и частной жизни. Это не может не отражаться на научной проблематике: безопасность изучается в межпредметной парадигме философских, военных, социологических, экономических, правовых, филологических, технических, психологических и педагогических отраслей знания. Каждая из них, раскрывая актуальный для своей проблематики и исследовательского аппарата предметно специфицированный пласт безопасности, вносит уникальный вклад в научную реконструкцию ее внешне очевидной, но внутренне противоречивой, изменчивой, сложно детерминированной сущности и функциональности.

Существенное влияние на понимание феномена безопасности оказывает изучение его смыслового наполнения субъектами различных сред, условий и ситуаций, для которых он обладает некоторой функциональностью. Наряду с расширением научных представлений в этой сфере, выявление диапазона смыслов безопасности позволяет прогнозировать векторы приложения усилий для совершенствования деятельности соответствующих субъектов. В частности, данное исследовательское направление актуально в рамках решения задачи обеспечения безопасности образовательного процесса.

Изучение психологических аспектов безопасности образовательного пространства в настоящее время составляет одно из наиболее развитых направлений психологии безопасности. Широкое рассмотрение получило рассмотрение психологических и социально-психологических условий безопасности образовательного пространства и его субъектов (Павлов, Какадий, 2020; Поляков, Унусян, 2020 и др.). Безопасность, в частности, изучается в связи с такими характеристиками субъектов образовательного процесса, как личностная устойчивость (Баева и др., 2019), идентичность (Колиниченко, Басанова, 2021), адаптационный потенциал (Татьянченко, 2021) личности и т. д. Рассматриваются также поведенческие предпосылки безопасности – построение стратегий ее достижения (Ivanov et al., 2021), оптимизация защитного и совладающего поведения (Никифорова, Бойко, 2019) и др. Процессы цифровизацией с недавних пор инициировали исследования возможных рисков безопасности (Яруллина, 2020; Медведев, Малий, 2021).

Многоаспектная востребованность безопасности в образовательном пространстве обозначилась в формулировании так называемого принципа безопасности, разрабатываемого на текущий момент, в том числе на материале изучения дидактических и психологических аспектов построения образовательных практик (Тылец, Краснянская, 2016; Тылец, Краснянская. Принцип безопасности..., 2017b). В самом общем виде данный принцип позиционируется в качестве методологической основы организации образовательных практик, устанавливающей целостность и взаимосвязанность ряда требований (субъектная центрация, аксиологический синтез, содержательное

структурирование, процессуальная синхронизация) в интересах решения задач безопасности их субъектов (Krasnyanskaya, Tylets, 2015). Он вводит комплекс ограничений – содержательных (предметная обоснованность, целевая приоритетность, субъектная произвольность) и темпоральных (правила порядка, частоты и интенсивности распределения элементов безопасности) (Краснянская, Тылец, 2020; Тылец, Краснянская. Модеративный потенциал., 2017а).

Достаточная теоретическая и эмпирическая изученность общих вопросов безопасности образовательного пространства сопровождается пробелами в изучении ее психологических аспектов применительно к предметному содержанию конкретных пространств преподаваемых дисциплин. Между тем пространства учебных дисциплин являются базисом всего образовательного пространства, в том числе, и с точки зрения безопасности.

Организация языковой подготовки на средней и высшей ступенях образования основывается на многочисленных разработках способов совершенствования преподавания родного и иностранных языков с учетом широкого спектра характеристик обучаемых – особенностей их мышления, языковых компетенций, саморегуляции, некогнитивных свойств успешности, возраста и т. д. (Бондаренко и др., 2020; Буйволова, 2020; Кабахидзе, 2020; Носаков, 2019; Shamina, 2020). При этом, наряду с рассмотрением потенциала узко дидактических средств, например игровых (Лупета, 2020), изучаются психологические и лингводидактические особенности освоения различных аспектов языка (Всеволодова, 2019; Федюковская, 2020). Принцип безопасности как инструмент предметно-целевой ориентации и систематизации дает возможность преодоления разрозненности разработок в методическом пространстве. Предпосылкой этому являются последние исследования, выполненные «на стыке» методики, педагогики, лингвистики и психологии. Одно из перспективных направлений образует изучение представленности в языковом сознании базовой категории безопасности и более или менее близко связанных с ней понятий. По результатам психолингвистических исследований установлена высокая схожесть представленности в языковом сознании категорий «опасность» и «безопасность», различия которых состоят в доминировании в структуре первой – смысловой группы источников опасности, второй – группы переживания соответствующего состояния (Тылец, Краснянская. Психолингвистическое исследование., 2020а). Постепенно оформляется новое направление исследований проблематики, связанное с изучением средствами психологической науки феноменов лингвистической и психолингвистической безопасности. Под лингвистической безопасностью на сегодняшний день понимается «феномен, интегрирующий предметно ориентированные проявления (проекции) психических структур (познавательных, ценностно-смысловых, эмоциональных, поведенческих), обеспечивающих переживание субъектом защищенности и непрерывно воспроизводящейся способности к развитию в условиях внешних и внутренних угроз функционированию его ментальной и коммуникативной сферы», что позволяет его адаптировать, в частности к рассмотрению особенностей лингвистической безопасности преподавателя иностранного языка (Тылец, Краснянская. Психологические проблемы., 2020b. С. 309). Совокупность «лингвистических

(связаны с трансформацией элементов языка и культуры...), социокультурных (девальвация или дискредитация духовных ценностей), психологических (снижение порога психологической внушаемости и зависимости, размывание личностной идентичности, психологическое неблагополучие), социально-психологических (искажение этнической и гражданской идентичности, деструктивное коллективное поведение)» угроз обозначаются предпосылкой изучения психолингвистической безопасности (Кисляков и др., 2020. С. 199). Эмпирические закономерности и научные выводы относительно феноменологии безопасности в целом, выведенные в рамках первого направления, и в частности в контексте формирования языкового сознания, обозначенные в рамках второго направления, создают предпосылки для изучения феномена безопасности в сознании преподавателей иностранного языка. Исследовательский поиск по данной проблематике значим, так как овладение иностранным языком, реализуясь как практика координации как минимум двух культур (родной и иноязычной для обучающегося), ставит вопросы, требующие оперирования категориями безопасности психики. Между тем соответствующая проблематика в психолого-педагогическом пространстве на сегодняшний день все еще остается мало разработанной.

Целью представленного в данной статье исследования выступило изучение личностных смыслов безопасности в сознании профессиональных франкофонов.

Гипотезой исследования выступило предположение, согласно которому категория «безопасность» обладает для профессиональных франкофонов значимостью по общеметодическому, общезыковому и частноязыковому аспектам организации образовательного пространства овладения французским языком.

В качестве иностранного в данном исследовании был взят французский как один из языков, наиболее используемых и изучаемых в современном мире.

Задачами исследования выступили: 1) выявление особенностей распределения групп трактовок профессиональными франкофонами категории «безопасность» в образовательном пространстве овладения французским языком; 2) установление особенностей распределения ситуаций «привязки» профессиональными франкофонами категории безопасности к образовательному пространству овладения французским языком; 3) изучение особенностей распределения средних оценок студентами-франкофонами значимости безопасности по трем аспектам образовательного пространства овладения французским языком.

Процедура и методы исследования

Участники. Исследование проведено в выборке профессиональных франкофонов, то есть лиц, владеющих французским языком в качестве иностранного. К исследованию на добровольной основе были привлечены преподаватели-франкофоны (20 человек) и студенты-выпускники, получившие профессиональную языковую подготовку в области французского языка по педагогической и экономической специальностям (150 человек). Преподава-

тели-франкофоны (85,0 % – женщины, 15,0 % – мужчины) выбирались со стажем не менее 3 лет (средний стаж – 13,9 лет, средний возраст – 35,2 лет). В выборку вошли студенты (93,3 % – девушки, 6,7 % – юноши) в возрастном интервале от 21 до 23 лет (средний возраст 21,6 года). Сбор эмпирических материалов проведен в Московском государственном лингвистическом университете и Российской международной академии туризма (г. Москва).

Процедура и инструменты. Эмпирическая часть исследования реализована в два этапа последовательного опроса преподавателей французского языка и студентов-выпускников, изучающих французский язык с профессиональными целями. Использовались методы направленных высказываний, контент-анализа, шкалированного опроса.

Выявление исходных позиций преподавателей французского языка по безопасности в образовательном пространстве обучения иностранному языку основывалось на сборе и последующем контент-анализе их направленных высказываний о проблемах безопасности в обозначенном пространстве. В качестве инструкции, предваряющей сбор обозначенного материала, выступал следующий текст: «Считается, что вопросы безопасности актуальны во всех сферах жизни человека. Обозначьте в письменном формате вопросы безопасности, значимые, по Вашему мнению, для пространства „преподавание – овладение французским языком“. Нам важно Ваше мнение, которое вне зависимости от его содержания обладает научной ценностью и не предназначено для какого-либо оценивания». Полученные тексты анализировались по двум позициям, устанавливающим субъективное мнение профессиональных франкофонов относительно: 1) содержания категории безопасности применительно к образовательному пространству овладения французским языком; 2) ситуаций «привязки» категории безопасности к образовательному пространству овладения французским языком. Их обработка проводилась экспертами, в качестве которых выступили три франкофона, имеющих профессиональную психологическую подготовку и владеющими навыками контент-анализа. Экспертам предлагалось два задания: 1) выделить смысловые группы трактовки понятия «безопасность» в образовательном пространстве овладения французским языком; 2) установить типичные ситуации «привязки» категории безопасности к образовательному пространству овладения французским языком. Последовательно проводился индивидуальный анализ и групповое согласование экспертной позиции.

Следующий этап исследования реализовывался в форме шкалированного опроса студентов-выпускников о согласии с рядом утверждений. Инструкция для них была представлена следующим текстом: «В интересах научного исследования обозначьте без длительного раздумывания свою позицию по ряду утверждений, представленных ниже. Требуется оценить степень вашего согласия/несогласия с каждым утверждением, используя следующую шкалу: 1 – полностью не согласен; 2 – не согласен; 3 – скорее не согласен, чем согласен; 4 – затрудняюсь: и согласен, и не согласен; 5 – скорее согласен, чем не согласен; 6 – согласен; 7 – полностью согласен. Помните, что любой ваш ответ обладает научной ценностью и не подлежит оцениванию со стороны исследователей». Собранные ответы были подвергнуты статистической обработке и последующей интерпретации.

Результаты

Первый этап исследования выявил многовариантность трактовки профессиональными франкофонами категории «безопасность» в контексте образовательного пространства овладения французским языком. Были установлены случаи ее многозначности, то есть обнаружения субъектами одновременно нескольких вариантов трактовки. В целом на выборке профессиональных франкофонов (N = 20) получено 72 единицы непересекающихся трактовок категории «безопасность».

По итогам работы экспертов обозначено несколько смысловых групп трактовки рассматриваемой категории (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Распределение групп трактовок профессиональными франкофонами категории «безопасность» в образовательном пространстве овладения французским языком, N = 20 / Group distribution of the category 'safety', as it is interpreted by professional francophones, in the educational space of learning the French language, N = 20

Группы трактовки безопасности / Safety interpretation groups	n	v, %*	v, %**
Средовой параметр учебного процесса («безопасное состояние учебной аудитории», «отсутствие резких звуков» и др.) / Environmental parameter of the educational process ("safe condition of the classroom," "absence of harsh sounds," etc.)	24	33,3	80,0
Характеристика взаимодействия субъектов учебного процесса («без агрессии», «без конфликтов» и др.) / Characteristics of the interaction of subjects of the educational process ("absence of aggression," "absence of conflicts," etc.)	20	27,8	66,7
Внутреннее состояние субъектов – педагога/учащегося («оптимизм», «хорошее настроение» и др.) / Internal state of the subjects — teacher/student ("optimism," "good mood," etc.)	14	19,4	46,7
Предиктор усвоения иностранного языка («позитивный настрой на обучение языку», «открытость опыту/новым знаниям» и др.) / Predictor of foreign language acquisition ("positive attitude to language learning," "openness to experience/new knowledge," etc.)	9	12,5	30,0
Экспектация владения французским языком («увеличение/рост степени свободы/уверенности в себе, в своих силах» и др.) / Expectation of French language proficiency ("increase in the degree of freedom/self-confidence, in their abilities," etc.)	5	6,9	16,7

Примечание: * процент от общей численности единиц трактовок ($v = n * 100/72$); ** процент к численности испытуемых ($v = n * 100/N$).

Note: * percentage of the total number of interpretation units ($v = n * 100/72$); ** percentage of the number of subjects ($v = n * 100/N$).

Детали данной субъектной имплементации категории «безопасность» в пространство обучения французскому языку установлены далее в рамках выявления ситуаций ее «привязки» профессиональными франкофонами на материале собранных у них направленных высказываний. Количество ситуаций такого рода, обозначенных экспертами, достигло 66. Они были поделены на четыре группы (табл. 2).

Основываясь на материалах опроса преподавателей-франкофонов, для опроса студентов-выпускников было сформулировано три утверждения, предложенных для оценки по 7-балльной шкале, описанной выше: «Безопасность значима в целом при организации образовательного пространства и построении учебного взаимодействия» (1); «Безопасность значима в целом

при обучении языку» (2); «Безопасность значима непосредственно при обучении французскому языку» (3).

Полученное распределение результатов опроса студентов выявило тенденции, подтверждающие выводы по результатам опроса преподавателей-франкофонов (табл. 3).

Таблица 2 / Table 2

Распределение ситуаций «привязки» профессиональными франкофонами категории «безопасность» к образовательному пространству овладения французским языком, N = 20 / Distribution by professional francophones of situations of 'binding' the category 'safety' to the educational space of learning the French language, N = 20

Группы ситуаций / Groups of situations	n	v, %*	v, %**
Организация образовательного пространства («отсутствие поломанной мебели», «кондиционер» и др.) / Organization of educational space ("absence of broken furniture," "air conditioning," etc.)	22	33,3	73,3
Построение методических подходов к обучению языку («интересные формы работы», «последовательность требований педагога» и др.) / Construction of methodological approaches to language teaching ("interesting forms of work," "sequence of teacher's requirements," etc.)	20	30,3	66,7
Реализация учебного взаимодействия («отсутствие конфликтов», «без барьеров» и др.) / Implementation of educational interaction ("absence of conflicts," "absence of barriers," etc.)	15	22,7	50,0
Овладение французским языком («не правильное ударение», «ошибки произношения» и др.) / Mastering of the French language ("incorrect accent," "pronunciation errors," etc.)	9	13,6	30,0

Примечание: * – процент от общей численности единиц трактовок ($v = n * 100/66$); ** – процент к численности испытуемых ($v = n * 100/N$).

Note: * – percentage of the total number of interpretation units ($v = n * 100/66$); ** – percentage of the number of subjects ($v = n * 100/N$).

Таблица 3 / Table 3

Распределение средних оценок студентами-франкофонами значимости безопасности по трем аспектам образовательного пространства овладения французским языком, N = 150 / Distribution by francophone students of average scores of the importance of the category 'safety' in three aspects of the educational space of learning the French language, N = 150

Аспект / Aspect	Утверждение / Statement	Средний балл / Average score
Общеметодический / General method	«Безопасность значима в целом при организации образовательного пространства и построении учебного взаимодействия» / "Safety is important in general in the organization of educational space and the construction of educational interaction"	6,2
Общезыковой / Common linguistic	«Безопасность значима в целом при обучении языку» / "Safety is important in general when teaching a language"	5,8
Частноязыковой / Private linguistic	«Безопасность значима непосредственно при обучении французскому языку» / "Safety is important directly when teaching French"	4,9

Примечание. Средний балл оценки, полученной по 7-балльной шкале: 1 – полностью не согласен; 2 – не согласен; 3 – скорее не согласен, чем согласен; 4 – затрудняюсь: и согласен, и не согласен; 5 – скорее согласен, чем не согласен; 6 – согласен; 7 – полностью согласен.

Note. The average score of the assessment obtained on a 7-point scale: 1 – completely disagree; 2 – disagree; 3 – rather disagree than agree; 4 – find it difficult: both agree and disagree; 5 – rather agree than disagree; 6 – agree; 7 – completely agree.

Обсуждение результатов

Анализ эмпирического материала (табл. 1) показывает, что в группу трактовок безопасности как «средовой параметр учебного процесса» экспертами отнесены высказывания, включающие элементы следующего типа: «безопасное состояние учебной аудитории», «отсутствие резких звуков», «чистый воздух», «без опасных воздействий», «в помещении ничего не угрожает» и т. п. Группа трактовок безопасности в качестве «характеристики взаимодействия субъектов учебного процесса» образована высказываниями, включающими следующие элементы: «без агрессии», «без конфликтов», «доброжелательное взаимодействие», «обучение в условиях взаимопонимания» и т. п. В группу «внутреннее состояние субъектов – педагога/учащегося» вошли высказывания, раскрывающие безопасность с помощью следующих слов и словосочетаний: «оптимизм», «хорошее настроение», «чувство защищенности», «спокойствие», «самоконтроль» и т. п. Результаты, близкие к указанным, были получены нами ранее при изучении ассоциаций на стимул «безопасность» в языковом сознании студентов других направлений подготовки вне связи с учебным процессом (Тылец, Краснянская. Психолингвистическое исследование..., 2020а). Этот факт указывает на универсальность данной группы трактовок безопасности. К группе трактовок безопасности в качестве «предиктора усвоения иностранного языка» отнесены высказывания, включающие фрагменты типа «позитивный настрой на обучение языку», «открытость опыту/новым знаниям», «готовность преодолеть трудности обучения языку», «заинтересованность в языке». Трактовка безопасности как «экспектации владения французским языком» образована высказываниями, содержащими фрагменты «увеличение/рост степени свободы/уверенности в себе, в своих силах», «возможность путешествовать/общаться».

Таким образом, наряду с традиционным пониманием безопасности, прежде всего, как средового (80,0 %), ситуационного (66,7 %) и субъектного (46,7 %) условия организации учебного процесса, определенная часть профессиональных франкофилов обнаружила способность рассматривать эту категорию непосредственно в связи с изучением иностранного языка (30,0 %), в том числе – французского (16,7 %).

Дальнейший анализ исследовательского материала (табл. 2) демонстрирует, что в группу «организация образовательного пространства» экспертами отнесены ситуации, связанные с физическими угрозами безопасности субъектам учебного процесса. В группу «построение методических подходов к обучению языку» помещены ситуации, наносящие ущерб психологической безопасности субъектам овладения иностранным языком в силу методических ошибок педагога. В группу «реализация учебного взаимодействия» причислены ситуации нарушения психологической безопасности субъектов в силу различных ошибок коммуникации (конфликты, противостояние, барьеры общения). Подобные проблемы отмечались ранее по результатам изучения безопасности образовательной среды, проведенного вне рассмотрения вопросов организации процесса обучения иностранному языку (Баева, 2002). К группе «овладение французским языком» отнесены ситуации нарушения психологической безопасности субъектов овладения французским языком в

силу нарушений передачи синтаксических структур языка, появления чувства языка и трансляции французских культурных ценностей.

Полученное распределение ситуаций «привязки» рассматриваемой категории к заданному пространству обнаруживает явное преобладание среди профессиональных франкофонов видения категории безопасности в общеметодическом контексте, а именно организации образовательного пространства (73,3 % респондентов) и осуществления учебного взаимодействия (50,0 %). В данную группу вошло 56,0 % всех выделенных экспертами ситуаций. Второй по численности оказалась группа ситуаций (30,3 %), «вписывающих» безопасность в процесс языковой подготовки как «построение методических подходов к обучению языку» (66,7 % респондентов). Треть респондентов (30,0 %) связали безопасность с овладением конкретно французским языком. Таким образом, в сознании профессиональных франкофонов категория «безопасность» в образовательном пространстве может рассматриваться по трем аспектам – общеметодическому, общеязыковому и частноязыковому.

Получение средних оценок по выборке студентов-выпускников, выше 4-х баллов (табл. 3), свидетельствует о том, что респонденты привязывают категорию безопасность ко всем трем выделенным аспектам организации образовательного пространства овладения французским языком. При этом ожидаемо доминирующая привязка обнаружилась к общеметодическому аспекту рассматриваемого пространства. Приближенность средней оценки студентами-франкофонами значимости безопасности для частного языкового аспекта к нейтральной позиции со сдвигом к признанию может быть проинтерпретирована как подтверждение значимости рассматриваемой категории для образовательного пространства овладения французским языком, но в значительно более тонком, неявном, скрытом для них плане.

Таким образом, на материале опроса преподавателей-франкофонов и студентов-выпускников, профессионально изучающих французский язык, продемонстрирована обоснованность выдвинутой гипотезы. Безопасность обладает значимостью по трем аспектам образовательного пространства овладения французским языком – общеметодическому, общеязыковому и частноязыковому.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие *выводы*.

1. Доминирующими трактовками категории «безопасность» в образовательном пространстве овладения французским языком в сознании профессиональных франкофонов выступают средовой параметр учебного процесса и характеристики взаимодействия субъектов учебного процесса.

2. Среди ситуаций «привязки» категории безопасности к образовательному пространству овладения французским языком в сознании профессиональных франкофонов преобладают организация образовательного пространства и построение методических подходов к обучению языку.

3. Категория безопасности в образовательном пространстве овладения французским языком обнаруживается в общеметодическом, общеязыковом и частноязыковом аспектах.

4. В сознании профессиональных франкофилов обнаруживается преобладание видения категории безопасности в общеметодическом контексте (организации образовательного пространства и осуществления учебного взаимодействия).

По итогам полученных результатов в процессе обучения французскому языку представляется целесообразным учитывать потребности безопасности, актуальные для современного образовательного пространства, выделять в нем особенности, значимые в целом для практики языковой подготовки как направления педагогической деятельности, а также учитывать нюансы, характерные исключительно для преподавания конкретного языка. Полученные данные подтверждают целесообразность учета вопросов безопасности по трем аспектам организации образовательного пространства овладения французским языком.

Исследование значимо для расширения научных представлений об особенностях профессионального самосознания, в данном случае – субъектов, владеющих французским языком на профессиональном уровне. Оно также дает понимание психологической роли феномена безопасности в образовательном пространстве лингвистического вуза. Рассмотренная проблематика создает психологическую основу для совершенствования практики преподавания французского языка.

Список литературы

- Баева И.А.* Психологическая безопасность в образовании: монография. СПб.: Союз, 2002. 271с.
- Баева И.А., Гаязова Л.А., Кондакова И.В.* Категория психологической безопасности в исследованиях устойчивости личности // *Научное мнение*. 2019. № 11. С. 18–24. <https://doi.org/10.25807/PВN.22224378.2019.11.18.24>
- Бондаренко И.Н., Фомина Т.Г., Моросанова В.И.* Роль осознанной саморегуляции, языковых компетенций и некогнитивных свойств успешности по русскому языку в средней школе // *Личностные и регуляторные ресурсы достижения образовательных и профессиональных целей в эпоху цифровизации: материалы международной научно-практической онлайн-конференции*. М.: Знание-М, 2020. С. 70–84. <https://doi.org/10.38006/907345-50-8.2020.70.84>
- Браун Т.П.* Аспекты социально-психологической безопасности личности в условиях современной образовательной среды // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2021. Т. 12. № 1–2. С. 57–65.
- Буйволова С.В.* Проблемы обучаемости иностранным языкам: инклюзивный аспект // *Форум*. Серия: Гуманитарные и экономические науки. 2020. № 3 (20). С. 15–18.
- Всеволодова А.Х.* Личностно-деятельностный подход в обучении иностранным языкам // *Тенденции развития науки и образования*. 2019. № 51–1. С. 29–31. <https://doi.org/10.18411/lj-06-2019-06>
- Кабахидзе Е.Л.* Мышление на иностранном языке в психолингвистической системе речепорождения // *Актуальные вопросы преподавания иностранного языка в высшей школе: сборник научных трудов / отв. ред. И.В. Воробьева*. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет имени И.Я. Яковлева, 2020. Вып. 4. С. 87–93.
- Кисляков П.А., Сорокоумова С.Н., Егорова П.А.* Психолингвистическая безопасность личности студента и ее обеспечение в процессе обучения в вузе // *Язык и культура*. 2020. № 49. С. 199–218. <https://doi.org/10.17223/19996195/49/13>

- Колиниченко И.А., Басанова Е.Е. Неизменяемые и групповые категории идентичности студентов в контексте стремления к безопасности // Психология обучения. 2021. № 3. С. 21–32.
- Краснянская Т.М., Тылец В.Г. Концептуализация принципа безопасности образовательных практик // Журнал министерства народного просвещения. 2015. № 4. С. 180–188. <https://doi.org/10.13187/zhmnp.2015.6.180>
- Краснянская Т.М., Тылец В.Г. Принцип безопасности в психологических исследованиях проблем цифровизации // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 2. С. 152–166. <https://doi.org/10.17805/zpu.2020.2.14>
- Лунета А.А. Игровое обучение иностранному языку в проблемном поле современной лингводидактики // Молодежная наука: тенденции развития. 2020. № 3. С. 27–33.
- Медведев П.Н., Малий Д.В. Подготовка будущих учителей технологии к проектированию психологически безопасной образовательной среды в условиях ее цифровизации: междисциплинарный подход // Вестник педагогических наук. 2021. № 2. С. 214–220.
- Никифорова Д.М., Бойко А.Д. Разработка программы по оптимизации безопасного защитного и совладающего поведения студентов в образовательной среде // Педагогическое образование в России. 2019. № 1. С. 105–112. <https://doi.org/10.26170/po19-01-15>
- Носаков И.В. Особенности эффективного обучения иностранным языкам учащихся разных возрастных групп // Акмеология профессионального образования: материалы 15-й Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 13–14 марта 2019 г. Екатеринбург: РГППУ, 2019. С. 180–183.
- Павлов В.Н., Какадий И.И. Угрозы безопасности образовательного учреждения // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6. № 6. С. 305–311. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/55/40>
- Поляков А.В., Унусян У.В. Социологические аспекты оценки безопасности на организационном уровне (на примере дошкольных учреждений) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 1. С. 124–136. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-1-124-136>
- Татьянченко Н.П. Психологические условия формирования адаптационного потенциала личности в процессе обучения // Психология и психотехника. 2021. № 1. С. 62–77. <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2021.1.32485>
- Тылец В.Г., Краснянская Т.М. Интеграция принципа безопасности в психологическую структуру образовательных практик // Education Sciences and Psychology. 2016. № 5 (42). С. 91–98.
- Тылец В.Г., Краснянская Т.М. Модеративный потенциал принципа безопасности в моделировании психологической реальности // Молодежь в современном обществе: к социальному единству, культуре и миру: материалы международного форума. Ставрополь: ООО ИД ТЭСЭРА, 2017. С. 710–713.
- Тылец В.Г., Краснянская Т.М. Психолингвистическое исследование концептов «опасность» и «безопасность» в языковом сознании студентов // Вопросы психолингвистики. 2020. № 1 (43). С. 84–97. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2020-43-1-84-97>
- Тылец В.Г., Краснянская Т.М. Психологические проблемы лингвистической безопасности преподавателя иностранного языка // Наука без границ: синергия теорий, методов и практик: материалы международной научной конференции, 28–30 октября 2020 г. / отв. ред. О.К. Ирисханова. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2020. С. 308–311.
- Тылец В.Г., Краснянская Т.М. Принцип безопасности электронной образовательной среды в профессиональной подготовке студентов высшего учебного заведения // Інформаційні технології і засоби навчання. 2017. Т. 62. № 6. С. 203–215. <https://doi.org/10.33407/itlt.v62i6.1721>
- Федюковская М.Г. Психологические и лингводидактические аспекты чтения иностранного профессионального текста // Наука и практика глобально меняющегося мира в условиях многозадачности, проектного подхода, рисков неопределенности и

ограниченности ресурсов: сборник научных статей по итогам международной научно-практической конференции. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. С. 87–89.

Яруллина Л.П. Цифровое обучение в высшей школе: психологические риски и эффекты // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8. № 6. 30.

Ivanov M., Yanitskiy M., Pelekh Y., Rudiuk O., Tomanek M. Fears concerning own future and personal safety strategies of student-athletes // *Journal of Physical Education and Sport*. 2021. Vol. 21. Suppl. issue 3. Pp. 2112–2119. <https://doi.org/10.7752/jpes.2021.s3269>

Shamina N.V. Foreign language acquisition as a psycholinguistic problem // *Colloquium-Journal*. 2020. No. 5–4 (57). Pp. 43–45.

История статьи:

Поступила в редакцию 21 ноября 2021 г.

Принята к печати 21 февраля 2022 г.

Для цитирования:

Тылец В.Г., Краснянская Т.М. Личностные смыслы безопасности в сознании профессиональных франкофонов // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2022. Т. 19. № 1. С. 71–85. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-71-85>

Сведения об авторах:

Тылец Валерий Геннадьевич, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры фонетики и грамматики французского языка, Московский государственный лингвистический университет. ORCID: 0000-0002-5387-6570, ResearcherID: K-7843-2018, eLIBRARY SPIN-код: 2580-3118. E-mail: tyletsvalery@yandex.ru

Краснянская Татьяна Максимовна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей, социальной психологии и истории психологии, Московский гуманитарный университет. ORCID: 0000-0002-4572-6003, ResearcherID: Q-4304-2016, eLIBRARY SPIN-код: 5043-8970. E-mail: ktm8@yandex.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-1-71-85

Research article

Personal Meanings of Safety in the Minds of Professional Francophones

Valery G. Tylets¹, Tatyana M. Krasnianskaya²✉

¹Moscow State Linguistic University,
38 Ostozhenka St, bldg 1, Moscow, 119034, Russian Federation

²Moscow University for the Humanities,
5 Yunosti St, Moscow, 111395, Russian Federation

✉ ktm8@yandex.ru

Abstract. Safety, which is currently recognized as the leading condition for the organization of the educational space, remains little studied in relation to language training. Meanwhile, its representation in the minds of subjects of learning a foreign language allows us to predict the vectors of efforts to improve their activities. The aim of the study was to identify personal meanings of safety in the minds of professional francophones. The respondents were

teachers and graduate students of the French language. The methods used in the study included: directed statements, content analysis and scaled survey. The study revealed the following semantic groups of the category 'safety' in the educational space of learning the French language: (1) the environmental parameter of the educational process; (2) the characteristics of the interaction of the subjects of the educational process (teacher and students); (3) the internal state of the subjects as a predictor of learning a foreign language; and (4) the expectation of French language proficiency. The situations of its 'binding' by professional francophones to the educational space of learning the French language are established, namely: the organization of the educational space; the construction of methodological approaches to teaching the language; the implementation of educational interaction; and the French language acquisition. Based on the results of the study, the significance of the category of 'safety' for professional francophones was confirmed in three aspects of the organization of the educational space for learning the French language, i.e., general methodological, general linguistic and private linguistic ones. In the process of teaching the French language, it seems appropriate to take into account the safety needs relevant to the modern educational space, to highlight in it the features that are significant in general for the practice of language training as a direction of pedagogical activity, as well as the nuances that are characteristic exclusively for teaching a particular language.

Key words: safety, educational space, foreign language acquisition, French, francophones

References

- Baeva, I.A. (2002). *Psikhologicheskaya bezopasnost' v obrazovanii*. Saint Petersburg: Soyuz Publ. (In Russ.)
- Baeva, I.A., Gayazova, L.A., & Kondakova, I.V. (2019). The psychological safety category in resilience studies. *Nauchnoe Mnenie*, (11), 18–24. (In Russ.) <https://doi.org/10.25807/PBH.22224378.2019.11.18.24>
- Bondarenko, I.N., Fomina, T.G., & Morosanova, V.I. (2020). The role of conscious self-regulation, language competence and non-cognitive properties in the success of the Russian language in secondary school. *Personal and Regulatory Resources Achievements Educational and Professional Goals in the Age of Digitalization: Conference Proceedings* (pp. 70–84). Moscow: Znanie-M Publ. (In Russ.) <https://doi.org/10.38006/907345-50-8.2020.70.84>
- Braun, T.P. (2021). Aspects of psychological security of the individual in the modern educational environment. *Russian Journal of Education and Psychology*, 12(1–2), 57–65. (In Russ.)
- Buivolova, S.V. (2020). Problems of foreign language learning: the inclusive aspect. *Forum. Seriya: Gumanitarnye i Ekonomicheskie Nauki*, (3), 15–18. (In Russ.)
- Fedyukovskaya, M.G. (2020). Psychological and linguo-didactic aspects of reading foreign professional text. *Nauka i Praktika Global'no Menyayushchegosya Mira v Usloviyakh Mnogozadachnosti, Proektnogo Podkhoda, Riskov Neopredelennosti i Ogranichennosti Resursov: Conference Proceedings* (pp. 87–89). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics. (In Russ.)
- Ivanov, M., Yanitskiy, M., Pelekh, Y., Rudiuk, O., & Tomanek, M. (2021). Fears concerning own future and personal safety strategies of student-athletes. Fears concerning own future and personal safety strategies of student-athletes. *Journal of Physical Education and Sport*, 21(Suppl. issue 3), 2112–2119. (In Russ.) <https://doi.org/10.7752/jpes.2021.s3269>
- Kabakhidze, E.L. (2020). Myshlenie na inostrannom yazyke v psikholingvisticheskoi sisteme recheporozhdeniya. *Aktual'nye Voprosy Prepodavaniya Inostrannogo Yazyka v Vyshei Shkole: Conference Proceedings* (issue 4, pp. 87–93). Cheboksary: I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University. (In Russ.)
- Kislyakov, P.A., Sorokoumova, S.N., & Egorova, P.A. (2020). Psycholinguistic security of the student's personality and its provision in the process of studying at the university. *Language and Culture*, (49), 199–218. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/19996195/49/13>

- Kolinichenko, I.A., & Basanova, E.E. (2021). Invariable and group categories of students' identity in context of the striving for security. *Psihologiâ Obučeniâ*, (3), 21–32. (In Russ.)
- Krasnianskaya, T.M., & Tylets, V.G. (2020). The principle of security in psychological research into the issues of digitalization. *Znanie, Ponimanie, Umenie*, (2), 152–166. (In Russ.) <https://doi.org/10.17805/zpu.2020.2.14>
- Krasnyanskaya, T.M., & Tylets, V.G. (2015). Conceptualization of safety principle of educational practices. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya*, (4), 180–188. (In Russ.) <https://doi.org/10.13187/zhmnp.2015.6.180>
- Lupeta, A.A. (2020). Game teaching of a foreign language in the problem field of modern linguodidactics. *Molodezhnaya Nauka: Tendentsii Razvitiya*, (3), 27–33. (In Russ.)
- Medvedev, P.N., & Maliy, D.V. (2021). Future technology teachers' training for designing a psychologically safe educational environment in the context of its digitalization: Interdisciplinary approach. *Bulletin of Pedagogical Sciences*, (2), 214–220. (In Russ.)
- Nikiforova, D.M., & Boyko, A.D. (2019). Development of a program of optimization of safe defensive and coping students' behavior in the educational environment. *Pedagogical Education in Russia*, (1), 105–112. (In Russ.) <https://doi.org/10.26170/po19-01-15>
- Nosakov, I.V. (2019). Features of effective training in foreign languages of pupils of different age groups. *Akmeologiya Professional'nogo Obrazovaniya: Conference Proceedings* (pp. 180–183). Yekaterinburg: Russian State Vocational-Pedagogical University. (In Russ.)
- Pavlov, V.N., & Kakadiy, I.I. (2020). Threats to the security of an educational institution. *Bulletin of Science and Practice*, 6(6), 305–311. (In Russ.) <https://doi.org/10.33619/2414-2948/55/40>
- Polyakov, A.V., & Unusyan, U.V. (2020). Sociological aspects of assessing security at the organizational level (on the example of preschools). *RUDN Journal of Sociology*, 20(1), 124–136. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-1-124-136>
- Shamina, N.V. (2020) Foreign language acquisition as a psycholinguistic problem. *Colloquium-Journal*, (5–4), 43–45.
- Tatianchenko, N.P. (2021). Psychological conditions for the formation of adaptation potential of an individual in the learning process. *Psychology and Psychotechnics*, (1), 62–77. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2021.1.32485>
- Tylets, V.G., & Krasnianskaya, T.M. (2020a). Psycholinguistic meaning of the concepts “danger” and “safety” in the language consciousness of students. *Journal of Psycholinguistic*, 1(43), 84–97. (In Russ.) <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2020-43-1-84-97>
- Tylets, V.G., & Krasnyanskaya, T.M. (2016). Integratsiya printsipa bezopasnosti v psikhologicheskuyu strukturu obrazovatel'nykh praktik. *Education Sciences and Psychology*, 5(42), 91–98. (In Russ.)
- Tylets, V.G., & Krasnyanskaya, T.M. (2017b). Principle of the electronic educational environment security in the professional training of university students. *Information Technologies and Learning Tools*, 62(6), 203–215. (In Russ.) <https://doi.org/10.33407/itlt.v62i6.1721>
- Tylets, V.G., & Krasnyanskaya, T.M. (2017a). Moderativnyi potentsial printsipa bezopasnosti v modelirovanii psikhologicheskoi real'nosti. *Molodezh' v Sovremennom Obshchestve: K Sotsial'nomu Edinstvu, Kul'ture i Miru: Conference Proceedings* (pp. 710–713). Stavropol: OOO ID TESERA Publ. (In Russ.)
- Tylets, V.G., & Krasnyanskaya, T.M. (2020b). Psikhologicheskie problemy lingvisticheskoi bezopasnosti prepodavatelya inostrannogo yazyka. *Nauka Bez Granits: Sinergiya Teorii, Metodov i Praktiki: Conference Proceedings* (pp. 308–311). Moscow: Moscow State Linguistic University. (In Russ.)
- Vsevolodova, A.H. (2019). Personal-activity approach in teaching foreign languages. *Scientific Development Trends and Education*, (51-1), 29–31. (In Russ.) <https://doi.org/10.18411/lj-06-2019-06>
- Yarullina, L.R. (2020). Digital learning in higher school: Psychological risks and effects. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 8(6), 30. (In Russ.)

Article history:

Received 21 November 2021

Revised 12 February 2022

Accepted 21 February 2022

For citation:

Tylets, V.G., & Krasnianskaya, T.M. (2022). Personal meanings of safety in the minds of professional francophones. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 19(1), 71–85. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-71-85>

Bio notes:

Valery G. Tylets, Doctor of Psychological Sciences, Professor, is Professor of the Department of Phonetics and Grammar of the French Language, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0002-5387-6570, ResearcherID: K-7843-2018, eLIBRARY SPIN-code: 2580-3118. E-mail: tyletsvalery@yandex.ru

Tatyana M. Krasnyanskaya, Doctor of Psychological Sciences, Professor, is Professor of the Department of General and Social Psychology and History of Psychology, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0002-4572-6003, ResearcherID: Q-4304-2016, eLIBRARY SPIN-code: 5043-8970. E-mail: ktm8@yandex.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-1-86-109

УДК 316.455

Исследовательская статья

Когнитивно-мотивационные основы аккультурационных ожиданий: применение модели групповой позиции этнических групп

Д.С. Григорьев

Национальный исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20

✉ dgrigoryev@hse.ru

Аннотация. Доминирующим культурным группам уделяется значительно меньше внимания в литературе, хотя именно они, как правило, задают основной тон в процессе взаимной аккультурации. В исследовании, во-первых, ставится под сомнение преобладающая имплицитная позиция, что доминирующие культурные группы не имеют особой дифференциации относительно разных недоминирующих культурных групп в своих аккультурационных ожиданиях, и, во-вторых, предлагается новая модель групповой позиции этнических групп для объяснения и прогнозирования аккультурационных ожиданий относительно конкретной недоминирующей культурной группы в обществе. Проверятся связи структурных переменных групповой позиции из новой модели (статус, взаимозависимость, сходство) и аккультурационных ожиданий при учете релевантных переменных индивидуальных различий (степень согласия и одобрения для авторитарных установок и определенных межгрупповых идеологий), таким образом охватывая когнитивно-мотивационные основы аккультурационных ожиданий. Участниками социально-психологического опроса стали 377 русских представителей доминирующей в России культурной группы, которые заполняли анкету, содержащую вопросы об аккультурационных ожиданиях (интеграция, ассимиляция, сепарация и т. д.), общей оценке этнических групп по «термометру чувств», воспринимаемых групповых позициях, а также об одобрении авторитарных установок (авторитаризм правого толка и ориентация на социальное доминирование) и межгрупповых идеологий (ассимиляционизм, мультикультурализм, интеркультурализм и т. д.). Результаты показали, что члены доминирующей культурной группы, даже при учете их индивидуальных различий в этнической предубежденности, действительно дифференцируют свои аккультурационные ожидания относительно разных культурных групп в соответствии с новой моделью. В выводах подчеркивается, что образы культурных групп формируются на основе обыденных наблюдений за их жизненными результатами или обстоятельствами, прежде всего в аспекте вертикального неравенства (престиж и уважение), то есть воспринимаемого статуса (образованность, интеллигентность, профессиональная состоятельность, связь с преступностью и т. д.), который во многом определяет межкультурные отношения и аккультурационные ожидания в частности.

Ключевые слова: этнические стереотипы, социальная структура, авторитаризм правого толка, ориентация на социальное доминирование, идеологии межгрупповых

© Григорьев Д.С., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

отношений, модель содержания стереотипов, социофункциональный подход, культурное многообразие, взаимная аккультурация, межкультурные отношения

Благодарности и финансирование. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Введение

Как правило, всякое культурно гетерогенное общество составляют культурные группы, которые не являются равными относительно своей численности, политической и экономической власти. В литературе для обозначения этой асимметрии используются понятие доминирующих и недоминирующих культурных групп (Berry, 1997). При этом от взаимной социальной интеракции и ожиданий между членами этих групп существенно зависит не только сложность межгрупповых отношений, но и процесс аккультурации (Brown, Zagefka, 2011). Некоторые модели аккультурации прямо признают эту концепцию взаимности (например, Berry, 2006). Однако доминирующим группам уделяется значительно меньше внимания в литературе, хотя именно они, как правило, задают основной тон в процессе взаимной аккультурации (Brown, Zagefka, 2011).

Аккультурационные ожидания относятся к вопросу о том, какие аккультурационные стратегии с точки зрения доминирующих групп желательны для предпочтения недоминирующими группами в процессе взаимной аккультурации в рамках определенного культурно гетерогенного общества (Berry, 1997). Далее в литературе просто утверждается, что в зависимости от некоторой особенности недоминирующих групп эти ожидания могут различаться. Так, в случае групп иммигрантов считается, что аккультурационные ожидания будут зависеть от того, воспринимаются ли *ценными* эти группы для принимающего общества. Доминирующие группы «могут с большей вероятностью придерживаться аккультурационной ориентации, такой как ассимиляционизм и сегрегационизм, по отношению к *неценным* иммигрантским аутгруппам, против которых у них уже есть негативные стереотипы или чья культура и религия могут значительно отличаться от их собственной» (Montreuil, Bourhis, 2001. С. 701). Однако это деление на «ценные» и «неценные» группы, так же как и простая дихотомия «ингруппа – аутгруппа»/«доминирующая – недоминирующая группа»/«большинство – меньшинство», во многих случаях имеет довольно скудные аналитические возможности (Stereotypes and intercultural relations..., 2021).

Ранее было высказано предположение, что аккультурационные ожидания систематически связаны с содержанием культурных стереотипов об этнических группах (Grigoryev et al., 2019). Однако до сих пор не было предложено какой-либо целостной модели, которая бы позволила прогнозировать аккультурационные ожидания относительно конкретной группы, будь то на основе содержания стереотипов или каких-либо других оснований. При этом именно социально-когнитивный подход является наиболее действенным в плане устранения дискриминационной предвзятости (Шамионов, 2018). Поэтому данное исследование: 1) комплексно рассматривает ко-

гнитивно-мотивационные основы аккультурационных ожиданий, предлагая модель групповой позиции этнических групп на базе содержания стереотипов; 2) эмпирически тестирует ее совместно с переменными индивидуальных различий (авторитарными установками и одобрением межгрупповых идеологий), которые также являются ключевыми в этом вопросе.

Аккультурационные ожидания. Теория аккультурации Дж. Берри в рамках его экокультурного подхода (Берри, 2019) рассматривает *аккультурацию* как процесс культурных и поведенческих изменений, запускаемых межкультурным контактом на групповом уровне, а последствия этих изменений обозначает в качестве *адаптации*, то есть долгосрочного результата процесса аккультурации на индивидуальном уровне (Berry, 1997). Аккультурационные ожидания являются важной переменной-модератором индивидуального уровня, адресующей к решению двух вопросов, различное сочетание ответов на которые определяет соответствующее содержание ожидания (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Модель аккультурационных ожиданий доминирующей культурной группы (Berry, 1997) / Model of acculturation expectations of dominant cultural groups (Berry, 1997)

Вопрос / Issue		Вопрос 1. Предоставление возможности сохранения родных культур и идентичностей / Issue 1. Maintenance of heritage culture and identity	
		Нет / No	Есть / Yes
Вопрос 2. Выстраивание отношений между культурными группами / Issue 2. Relationships sought among groups	Есть / Yes	Ожидание <i>ассимиляции</i> / <i>Assimilation</i> expectation	Ожидание <i>интеграции</i> / <i>Integration</i> expectation
	Нет / No	Ожидание <i>маргинализации</i> / <i>Marginalization</i> expectation	Ожидание <i>сепарации</i> / <i>Separation</i> expectation

Несмотря на многократно продемонстрированную полезность данной модели, непонятно, каким образом ответы на эти вопросы соотносятся с конкретной группой. Разделяемые в обществе образы различных групп (то есть культурные стереотипы) могут стать отправной точкой для понимания этой проблемы.

Культурные стереотипы. Действительно, стереотипы выполняют множество социальных функций, от обоснования целей интргруппы и объяснения целей аутгрупп до обеспечения социальных норм для предубеждений и дискриминации по отношению к аутгруппам, а также оправдания подобной реакции (Григорьев. Модель содержания..., 2020b; Новиков, Новикова, 2019). В частности, континуальная модель формирования впечатлений предполагает, что стереотипы создают ожидания относительно взаимодействия с членами аутгрупп (Fiske, 1993).

Модель содержания стереотипов (МСС), созданная для систематизации культурных стереотипов, использует *горизонтальное* и *вертикальное* измерения для каталогизации того, как группы рассматриваются обществом в целом относительно дружелюбности или враждебности их намерения (*теплота*) и способности его реализовать (*компетентность*) (Fiske et al., 2002). При этом различное сочетание компетентности и теплоты дает деление культурных стереотипов на квадранты: «стереотипы восхищения» (вы-

сокая компетентность и высокая теплота, HC-HW), «стереотипы жалости» (низкая компетентность и высокая теплота, LC-HW), «стереотипы зависти» (высокая компетентность и низкая теплота, HC-LW), «стереотипов презрения» (низкая компетентность и низкая теплота, LC-LW) (Fiske, 2017).

Ранее было показано, что содержание стереотипов связано как с восприятием аккультурационных стратегий, так и с аккультурационными ожиданиями. Так, восприятие доминирующей группой стратегий аккультурации иммигрантов вызывает стереотипы доминирующей группы о них (Alcott, Watt, 2017), в то же время стереотипы об иммигрантах вызывают у доминирующей группы аккультурационные ожидания (López-Rodríguez, Zagefka, 2015). Основное затруднение здесь в том, что хотя обе модели (то есть МСС и модель аккультурационных ожиданий) предоставляют матрицу 2×2, простое соотнесение их по осям «есть/нет» и «высокая – низкая» не дает какого-либо обоснованного и осмысленного паттерна. Решением может быть рассмотрение antecedента оценки компетентности и теплоты, а именно воспринимаемого положения оцениваемых групп в социальной структуре общества.

Групповые позиции. Так, каузальные связи в МСС предполагают, что оценка компетентности группы является следствием ее воспринимаемого статуса, а оценка теплоты – конкуренции, то есть важны структурные отношения одних групп с другими (Fiske, 2015). Это отсылает к идее из символического интеракционизма, что предубежденность коренится в чувстве групповой позиции (Блумер, 2008). Таким образом, для понимания связи содержания культурных стереотипов и аккультурационных ожиданий действительно можно обратиться к понятию групповой позиции конкретных групп. Однако для начала следует определиться, какими переменными задаются «координаты» групповой позиции, то есть каковы здесь ключевые структурные отношения.

Структурные отношения, релевантные для содержания стереотипов, могут быть описаны в терминах *вертикального* и *горизонтального* неравенства, образованного различиями в добровольно предоставленном обществом уважении и престиже (*статусе*) и контроле над ресурсами (власти). То есть вертикальное неравенство – это относительная разница в нормативно приписанном или достигнутом статусе, а горизонтальное неравенство представляет собой асимметрию власти, что отражает *взаимозависимость* групп в форме: 1) конкуренции, чаще среди ненадежных и *непохожих* групп; или 2) сотрудничества, чаще среди надежных и *похожих* групп (Григорьев. Модель содержания..., 2020b).

Итак, получается, что воспринимаемый статус, взаимозависимость и сходство могут использоваться в качестве основных переменных для описания групповой позиции. Если статус и взаимозависимость являются неотъемлемой частью МСС, то добавление сходства в качестве второй переменной для горизонтальной оценки групп, особенно в контексте межкультурных отношений, нуждается в дополнительном пояснении.

Гомофилия. Эффекты так называемой *гомофилии по статусу* и *по ценностям* давно и хорошо известны в социальной психологии (Batkhina et al., in press). Тем не менее для взаимной аккультурации сходство важно в осо-

бом аспекте. Так, в литературе выделяются три потенциальных переменных-модератора предшествующих процессу аккультурации на групповом уровне: 1) концептуализация национальности и этнической принадлежности, которые преобладают в данном социальном контексте (особенно их не/эссенциалистский характер); 2) масштаб воспринимаемых культурных различий между группами (то есть культурная дистанция); 3) домены аккультурационных предпочтений (Brown, Zagefka, 2011). Однако все три могут быть сведены к проблеме воспринимаемого группового сходства: 1) воспринимаемые культурные различия – это лишь один из аспектов воспринимаемого группового сходства; 2) концептуализация национальности и этнической принадлежности – это проблема групповых границ, границы более проницаемы для более схожих групп; 3) доменная специфика просто разделяет культурные различия на несколько конкретных сфер, то есть описывает воспринимаемые культурные различия и сходство в различных доменах аккультурации (например, семейные отношения, потребительские привычки, одежда и т. д.).

Действительно, воспринимаемые межгрупповые различия могут считаться главным организующим принципом для межкультурных установок среди различных этнических групп в культурно гетерогенных обществах (van Osch, Breugelmans, 2012). Группы различаются по своему социальному положению, определяемому согласованными воспринимаемыми различиями между группами, составляющими общество. В этом отношении сходство и знакомость занимают одно из центральных мест в межкультурном восприятии и общей оценке культурных групп (Berry, Kalin, 1979). Таким образом, для определения групповой позиции этнической группы важны не только уже известные по МСС статус и взаимозависимость, но и сходство.

Альтернативный взгляд на предубежденность как следствие групповой позиции – это рассмотрение предубежденности (в том числе и когнитивной предвзятости) в качестве следствия определенных индивидуальных различий личности (Григорьев. Проблемы концептуализации..., 2020с). Так, существует богатая традиция изучения авторитарных установок личности, а в аспекте межкультурных отношений – межгрупповых идеологий. Индивидуальные различия касаются здесь, прежде всего, мотивационных основ одобрения этих установок.

Авторитарные установки. Психологическая концепция авторитаризма (изначально разработанная для объяснения как раз этноцентризма) на сегодня имеет под собой огромный объем литературы, использующей авторитаризм правого толка (RWA) и ориентацию на социальное доминирование (SDO) в качестве основных объясняющих переменных для предубежденности и межгрупповой предвзятости (в том числе и в рамках некоторых интегральных моделей, таких как модель Дж. Даккита; см. обзор: Григорьев, 2017). Социофункциональный подход предоставляет целостный взгляд на (ультимативные) мотивационные основы данных авторитарных установок.

Были предложены расширенное ультимативное объяснение и классификация назначения коалиционных адаптаций и соответствующих им поведенческих синдромов в формате трех базовых социофункциональных мотивационных основ.

вов: 1) *защитного*, представляющего собой ответ на естественные и антропогенные (включая осязаемые и символические) угрозы; 2) *эксплуатационного* – ответ на конкуренцию и депривацию, распределение ресурсов, престижа и власти, а также сохранения статуса-кво, зачастую посредством эксплуатации; 3) *эмансипативного* – который проявляет себя при ослаблении выраженности первых двух (и сам ослабляет их впоследствии) и переориентирует людей с решения вопросов выживания на вопросы обеспечения заботы об общем благе (Grigoryev et al., 2020).

Сторонники данного подхода утверждают, что поведенческие синдромы, характерные для защитного и ориентированного на доминирование социофункциональных мотивов, соотносятся с (проксимальной) психологической концепцией авторитарных установок RWA и SDO (Sinn, Hayes, 2018). Кроме того, сами авторитарные установки также систематически связаны с межгрупповыми идеологиями, номологически более ближайшими переменными, касающимися отношения к культурным различиям и статусным отношениям между культурными группами (Grigoryev, Berry, 2021; Григорьев. Взгляды., 2020а).

Межгрупповые идеологии. Основные межгрупповые идеологии и их ключевые особенности, согласно литературе, представлены в табл. 2. Для понимания сущности межгрупповых идеологий можно использовать таксономию, предполагающую рассмотрение двух вопросов: 1) *отношение к культурному многообразию* (принятие, игнорирование, отказ); 2) *формы инклюзии этнокультурных групп в широкое общество* (эгалитарные, иерархические, их отсутствие, эксклюзия).

Таблица 2 / Table 2

Основные межгрупповые идеологии и их ключевые особенности (Grigoryev, Berry, 2021) / Main intergroup ideologies and their key features (Grigoryev, Berry, 2021)

Межгрупповая идеология / Intergroup ideology	Пример формулировки / Key features
Мультикультурализм / Multiculturalism	Следует позитивно относиться к текущему культурному и этническому многообразию России. Нужно способствовать тому, чтобы все проживающие здесь мигранты, этнические меньшинства и коренные малочисленные народы сохраняли свою родную культуру и активно поддерживали контакт с русским населением, имея при этом равные с ним права / <i>Acceptance of cultural diversity + Egalitarian inclusion (of "pure cultures")</i>
Сегрегационизм / Segregationism	Следует позитивно относиться к текущему культурному и этническому многообразию России. Все проживающие здесь мигранты, этнические меньшинства и коренные малочисленные народы могут сохранять свою родную культуру, однако это не должно хоть как-то влиять и менять привычный образ жизни русского населения. Пусть мигранты, этнические меньшинства и коренные малочисленные народы живут своей жизнью, активно поддерживать контакт с русским населением им не нужно / <i>Acceptance of cultural diversity + Rejection of inclusion</i>
Интеркультурализм / Interculturalism	Следует позитивно относиться к текущему культурному и этническому многообразию России. Все проживающие здесь мигранты, этнические меньшинства и коренные малочисленные народы могут сохранять свою родную культуру и активно поддерживать контакт с русским населением. Однако, у русского населения должно быть больше прав, так как у титульного культурного большинства в стране всегда должны быть какие-то привилегии / <i>Acceptance of cultural diversity + Hierarchical inclusion</i>

Межгрупповая идеология / Intergroup ideology	Пример формулировки / Key features
Транскультурализм / Transculturalism	Следует позитивно относиться к текущему культурному и этническому многообразию России. Однако нужно признать, что только все вместе группы образуют единое российское общество. Поэтому необходим диалог, способствующий изменениям как культуры мигрантов, этнических меньшинств, коренных малочисленных народов, так и русского большинства в сторону чего-то нового, единого и бесконфликтного / <i>Acceptance of cultural diversity + Egalitarian inclusion (by "fusion culture")</i>
Поликультурализм / Polyculturalism	Следует позитивно относиться к текущему культурному и этническому многообразию России. Потому что исторически существует множество взаимосвязей между различными культурами и национальностями. Все культуры развивались вместе. Культуры мигрантов, этнических меньшинств, коренных малочисленных народов и русского большинства влияли и продолжают влиять друг на друга в России / <i>Acceptance of cultural diversity + No view on inclusion</i>
Этнический дальтонизм / Colorblindness	Следует как можно меньше обращать внимание на текущее культурное и этническое многообразие России. Потому что все люди – индивидуальны, культуры и национальности мигрантов, этнических меньшинств и коренных малочисленных народов мало что говорят о конкретном человеке. Поэтому нужно чтобы каждый, независимо от его национальности, имел равные права / <i>Ignoring cultural diversity + Egalitarian inclusion</i>
Омникультурализм / Omniculturalism	Следует как можно меньше обращать внимание на текущее культурное и этническое многообразие России. Потому что нашей основной целью должно стать общество, связанное общечеловеческими ценностями. Культуры мигрантов, этнических меньшинств, коренных малочисленных народов и русского большинства должны стать вторичными по отношению к общечеловеческим ценностям, так как именно их приоритет обеспечит для всех равные права и гармоничные отношения / <i>Ignoring cultural diversity + Hierarchical inclusion</i>
Ассимиляционизм / Assimilationism	Следует негативно относиться к текущему культурному и этническому многообразию России. Нужно способствовать тому, чтобы все проживающие здесь мигранты, этнические меньшинства и коренные малочисленные народы ассимилировались, то есть отказались от сохранения своей родной культуры в пользу культуры русского населения / <i>Rejection of cultural diversity + Hierarchical inclusion</i>
Исключение / Exclusion	Следует негативно относиться к текущему культурному и этническому многообразию России. Нужно способствовать тому, чтобы все проживающие здесь мигранты и этнические меньшинства отказались от поддержания своей родной культуры и переместились за пределы России / <i>Rejection of cultural diversity + Rejection of inclusion</i>

Примечание. Ключевые особенности каждой межгрупповой идеологии определялись относительно двух вопросов: 1) отношение к культурному многообразию; 2) формы инклюзии этнокультурных групп в широкое общество.

Note. Key features of each intergroup ideology were determined with respect to two issues: (1) attitude towards cultural diversity, and (2) forms of inclusion of ethnocultural groups in the larger society.

Таким образом, межкультурные установки могут быть основаны не только на общей склонности к групповому доминированию, характерной для SDO, но и на этноцентрических убеждениях в превосходстве собственной культуры, характерных для некоторых межгрупповых идеологий (см.: Григорьев. Взгляды..., 2020а).

Настоящее исследование

Настоящее исследование ставит под сомнения имплицитную позицию, что доминирующая культурная группа не имеет дифференциации относительно разных культурных групп в своих аккультурационных ожиданиях,

а вместо этого просто строит «общие» аккультурационные ориентации, рассматривая всех «других» как членов одной, однородной аутгруппы (см. Montreuil, Bourhis, 2001). В действительности не только доминирующие и недоминирующие группы не являются равными относительно своей численности, политической и экономической власти, но и различные недоминирующие группы также не равны между собой. Для понимания этих различий и их последствий для аккультурации предлагается новая модель групповой позиции этнических групп (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Модель групповой позиции этнических групп, объединяющая переменные воспринимаемой социальной структуры, содержания стереотипов и аккультурационных ожиданий / Ethnic group position model combining perceived social structure, stereotype content, and acculturation expectation variables

Групповая позиция / Group position		Взаимозависимость / Interdependence (Теплота / Warmth)			
		Низкая / Low		Высокая / High	
		Сходство / Similarity			
		Низкое / Low	Высокое / High	Низкое / Low	Высокое / High
Статус / Status (Компетентность / Competence)	Высокий / High	Сепарация / Separation *	Интеграция / Integration	Интеграция / Integration	Бикультурализм / Biculturalism
	Низкий / Low	Маргинализация / Marginalization	Ассимиляция / Assimilation	Сепарация / Separation **	Интеграция / Integration

Примечание. * Режим «черты оседлости»/«гетто»; ** режим «резервации».
Note. * "Pale of settlement" / "Jewish ghetto" mode; ** "Indian reservation" mode.

Структурные переменные. Образы культурных групп формируются на основе обыденных наблюдений за их жизненными результатами или обстоятельствами, прежде всего в аспекте вертикально неравенства (престиж и уважение), то есть воспринимаемого статуса (образованность, интеллигентность, профессиональная состоятельность, связь с преступностью и т. д.), в то время как межгрупповые угрозы и конкуренция (воспринимаемая взаимозависимость), воспринимаемая культурная дистанция (воспринимаемое сходство) имеют здесь лишь второстепенную роль (Grigoryev et al., 2019). Кроме того, отсутствие сходства само по себе может восприниматься как угроза. То есть в действительности все эти переменные довольно сильно пересекаются.

Модель групповой позиции этнических групп постулирует, что главной переменной является воспринимаемый статус, который в аккультурационных ожиданиях определяет возможность сохранения недоминирующими группами их родных культур, в то время как последующая воспринимаемая взаимозависимость связана с готовностью к межгрупповому контакту с этими группами. В сочетании с воспринимаемым сходством эти переменные вместе вызывают определенное аккультурационное ожидание.

Так, высокие статус и взаимозависимость будут сочетать предоставление возможности сохранения родных культур с выстраиванием отношений между культурными группами, но в разных формах в зависимости от сходства: в случае похожих групп для поддержания оптимальной относительности (Vatkhina et al., in press) – бикультурализм, а для менее похожих групп –

интеграция.¹ Противоположный квадрант низкого статуса и взаимозависимости будет наоборот сочетать отсутствие предоставления возможности сохранения и выстраивание негативных отношений, когда от похожих групп будет ожидать *ассимиляции*, а от непохожих – *маргинализация*.

Случай со смешанными квадрантами и низким сходством условно можно обозначить в качестве двух режимов: режим «резервации» (для «стереотипов жалости», LC-HW) и режим «черты оседлости»/«гетто» (для «стереотипов зависти», HC-LW). Действительно, в качестве исторического примера можно привести отличающиеся стратегии *сепарации* у американских индейцев и евреев. При этом либо сходство в статусе, либо сходство в ценностях открывают дорогу к готовности к межгрупповому контакту в обоих случаях, то есть к ожиданию интеграции. Кроме того, в целом ожидание интеграции может считаться неким «нейтральным» режимом для культурных групп, отношения с которыми не слишком теплые, но и не проблемные.

Переменные индивидуальных различий. Наконец, как упоминалось ранее, индивидуальные различия также имеют последствия для аккультурационных ожиданий. Во-первых, согласно социофункциональному подходу, RWA направлен на выражение реакции *устранение – исключение*, чтобы избавиться от угроз (то есть ассимиляция, иногда маргинализация или сепарация), SDO же направлена на реакцию *эксплуатации – исключения*, чтобы эксплуатировать аутгруппы (то есть сепарация, иногда маргинализация), в то время как мультикультурная идеология направлена на реакцию *инклюзии* на справедливых началах ради общего блага (то есть интеграция; подробнее см.: Grigoryev et al., 2020; Григорьев. Взгляды., 2020a). Во-вторых, поскольку аккультурационные ожидания являются производными от межгрупповых идеологий, то они систематически с ними связаны исходя из своего содержания (например, сепарация и сегрегационизм, ассимиляция и ассимиляционизм, интеграция и мультикультурализм; подробнее см.: Grigoryev, Berry, 2021 и табл. 2).

Дизайн исследования. Чтобы проверить прогнозы из новой модели, при выборе этнических групп для оценивания использовался список из исследования культурных этнических стереотипов в рамках МСС (Grigoryev et al., 2019). Из 60 этнических групп данного списка было отобрано 30 (рис. 2), которые бы сбалансировано репрезентировали мигрантов, этнические меньшинства, коренные малочисленные народы, мусульман, христиан, культурно близкие и отдаленные группы, стигматизированные и высокостатусные группы. Таким образом, последующее эмпирическое исследование проверяло взаимосвязи структурных переменных групповой позиции (статус, взаимозависимость, сходство) и аккультурационных ожиданий при учете релевантных переменных индивидуальных различий (степень согласия и одобрения для авторитарных установок и определенных межгрупповых идеологий).

¹ В этой статье проводится четкое различие между стратегией бикультурализма и интеграции. В бикультурализме в качестве второго вопроса используется принятие культуры доминирующей группы, а в интеграции – концепция готовности к межгрупповому контакту. На практике эти две разные операционализации дают различающиеся результаты (Berry, Sabatier, 2011).

Процедура и методы исследования

Участники. Участниками исследования были 377 русских: 55 % женщин и 45 % мужчин в возрасте от 18 до 76 лет ($M = 40,2$; $SD = 10,2$); 62 % – православные, 70 % имели высшее образование.

Процедура. Применялся кросс-секционный одновыборочный корреляционный дизайн с использованием данных социально-психологического опроса. Данные были собраны в октябре 2021 г. с помощью онлайн-анкетирования, проведенного независимой коммерческой исследовательской компанией, в результате опроса их собственной панели респондентов за денежное вознаграждение.

Инструменты. Коэффициенты внутренней согласованности, а также средние значения и их стандартные отклонения для текущего исследования представлены в скобках. Для лучшей сопоставимости значений, полученных с использованием шкал Ликерта с разной балльностью, проведена процедура решкалирования всех баллов в диапазон от 0,01 до 1 (где 1 – максимальная выраженность признака/качества, а 0,01 – минимальная).

Зависимые переменные

Аккультурационные ожидания. Участникам были заданы вопросы об их личном мнении касательно: *сохранения родных культур* мигрантов, этнических меньшинств, коренных малочисленных народов в России: «В какой степени вы хотели бы, чтобы каждая группа из перечисленных ниже, которая проживает в России, поддерживали здесь свою родную культуру, традиции, религию, язык и образ жизни?» ($M = 0,50$; $SD = 0,07$); *принятия русской культуры* мигрантами, этническими меньшинствами и коренными малочисленными народами: «В какой степени вы хотели бы, чтобы каждая группа из перечисленных ниже, которая проживает в России, переняли русскую культуру, традиции и образ жизни?» ($M = 0,52$; $SD = 0,03$); *межгруппового контакта с русскими*: «В какой степени вы хотели бы, чтобы каждая группа из перечисленных ниже, которая проживает в России, как можно больше контактировала с русскими, то есть проводила время и дружила с ними?» ($M = 0,58$; $SD = 0,07$). Далее были рассчитаны евклидовы расстояния (Arends-Tóth, van de Vijver, 2006), используя комбинации из этих вопросов: *бикультурализм* (макс. сохранение и макс. принятие; $M = 0,48$; $SD = 0,05$), *интеграция* (макс. сохранение и макс. контакт; $M = 0,52$; $SD = 0,07$), *сепарация* (макс. сохранение и мин. контакт; $M = 0,47$; $SD = 0,03$), *ассимиляция* (мин. сохранение и макс. принятие; $M = 0,53$; $SD = 0,04$), *маргинализация* (мин. сохранение и мин. контакт; $M = 0,48$; $SD = 0,07$).

Общая оценка. Для общей оценки этнических групп использовался *термометр чувств* ($M = 0,50$; $SD = 0,09$): «Ниже находится нечто похожее на термометр. Мы называем это „термометром чувств“, поскольку он измеряет ваши чувства к определенным этническим группам. Вот как это работает. Если вы не слишком много знаете о группе или не чувствуете теплоту или холод по отношению к ней, тогда выберите отметку 50 градусов. Если Вы испытываете теплое чувство к указанной группе или относитесь к ней благосклонно, выбирайте значение между 50 и 100 в зависимости от того,

насколько тепло Вы относитесь к данной группе. Если вы не чувствуете себя очень благосклонно к указанной группе, то выбирайте значение между отметками 0 и 50» (Григорьев. Проблемы концептуализации..., 2020с). Она может выступать в качестве прокси для деления на «ценные» и «неценные» группы.

Независимые переменные

Групповые позиции. Участникам были заданы вопросы о том, как проживающие в России мигранты, этнические меньшинства и коренные малочисленные народы воспринимаются в глазах русского большинства. То есть их просили высказать не свои личные убеждения, а оценить, как думают русские в целом. Воспринимаемый статус, взаимозависимость и сходство для каждой этнической группы оценивались с помощью следующих вопросов: «насколько перечисленные ниже группы имеют высокий статус и престиж относительно русского населения в России?» (*статус*, $M = 0,43$; $SD = 0,07$); «насколько перечисленные ниже группы имеют одинаковые цели с русским населением в России?» (*взаимозависимость*, $M = 0,45$; $SD = 0,10$); «насколько перечисленные ниже группы похожи в целом на русское население России?» (*сходство*, $M = 0,37$; $SD = 0,14$).

Авторитарные установки. Использовались 6 пунктов, направленные на оценку авторитаризма правого толка (RWA, $\alpha = 0,74$; $M = 0,44$; $SD = 0,20$), и 4 пункта – ориентации на социальное доминирование (SDO, $\alpha = 0,86$; $M = 0,36$; $SD = 0,26$). Примеры пунктов: «В наше сложное время нужно устанавливать строгие законы, особенно в том, что касается тех, кто пытается восставать против властей», «Структура идеального общества требует того, чтобы некоторые группы имели высокий статус, а другие – низкий» (Григорьев, 2017).

Межгрупповые идеологии. Участникам была дана следующая инструкция: «На основе бытующих в обществе мнений ниже приведен ряд утверждений. Все они являются альтернативами (то есть в чем-то похожи, а в чем-то противоречат друг другу). Постарайтесь воспринять каждый набор утверждений в качестве возможной стратегии для реализации межнациональной политики в России», а также предложено оценить согласие с формулировкой каждой из этих межгрупповых идеологий (табл. 2): *транскультурализм* ($M = 0,59$; $SD = 0,29$), *поликультурализм* ($M = 0,59$; $SD = 0,27$), *мультикультурализм* ($M = 0,57$; $SD = 0,29$), *этнический дальтонизм* ($M = 0,55$; $SD = 0,30$), *омникультурализм* ($M = 0,51$; $SD = 0,29$), *интеркультурализм* ($M = 0,48$; $SD = 0,32$), *сегрегационизм* ($M = 0,47$; $SD = 0,30$), *исключение* ($M = 0,30$; $SD = 0,30$), *ассимиляционизм* ($M = 0,29$; $SD = 0,28$).

Дополнительные переменные

Содержание стереотипов. Оценки компетентности и теплоты этнических групп были взяты из дополнительных материалов к исследованию этнических стереотипов в России на базе МСС, проведенного в 2018 г. (Grigoryev et al., 2019).

Результаты

Предварительный анализ. Скрининг данных не показал наличие выбросов и пропущенных данных. Шкалы, состоящие из нескольких пунктов (RWA и SDO), имели достаточную надежность ($\alpha > 0,70$).

Анализ на групповом уровне. Результаты корреляционного анализа независимых переменных представлены в табл. 4. Все переменные групповых позиций были положительно взаимосвязаны (то есть $p < 0,05$ здесь и далее), наиболее сильно – взаимозависимость и сходство. Кроме того, статус и сходство были связаны как с компетентностью, так и с теплотой, тогда как взаимозависимость была связана только с теплотой.

Таблица 4 / Table 4

Парные корреляции между переменными групповой позиции и содержанием стереотипа, N = 30 / Group-level bivariate correlations between the group position and stereotype content variables, N = 30

	1	2	3	4
Групповая позиция / Group position				
1. Статус / Status	–			
2. Взаимозависимость / Interdependence	0,42	–		
3. Сходство / Similarity	0,63	0,88	–	
Содержание стереотипа / Stereotype content				
4. Компетентность / Competence	0,82	ns	0,38	–
5. Теплота / Warmth	0,41	0,54	0,49	ns

Примечание. Оценки компетентности и теплоты были взяты из опроса 2018 г. (Grigoryev et al., 2019). Незначимая взаимосвязь (ns) = $p > 0,05$.

Note. Competence and warmth means were retrieved from the 2018 survey (Grigoryev et al., 2019). Non-significant relationship (ns) = $p > 0.05$.

Рис. 1 схематично представляет наложение взаимосвязей между переменными групповой позиции на российскую карту этнических стереотипов, чтобы показать, как задаются «координаты» групповой позиции.

Частные коэффициенты корреляции представлены в табл. 5. Во-первых, аккультурационные ожидания были связаны с содержанием стереотипа таким образом, что высокая компетентность и теплота (НС-НВ) были сопряжены с бикультурализмом и интеграцией, а низкая (LC-LW) – с ассимиляцией и маргинализацией. Кроме того, низкая компетентность и высокая теплота (LC-НВ) были сопряжены с сепарацией.

Во-вторых, аккультурационные ожидания были связаны с групповой позицией таким образом, что высокий статус был сопряжен с бикультурализмом и интеграцией, а низкий – с остальными аккультурационными ожиданиями. При этом в случае высокого статуса и сходства высокая взаимозависимость была связана только с бикультурализмом, но не с интеграцией. В случае низкого статуса, высокая взаимозависимость была связана с сепарацией, низкая – с ассимиляцией, а низкое сходство с маргинализацией.

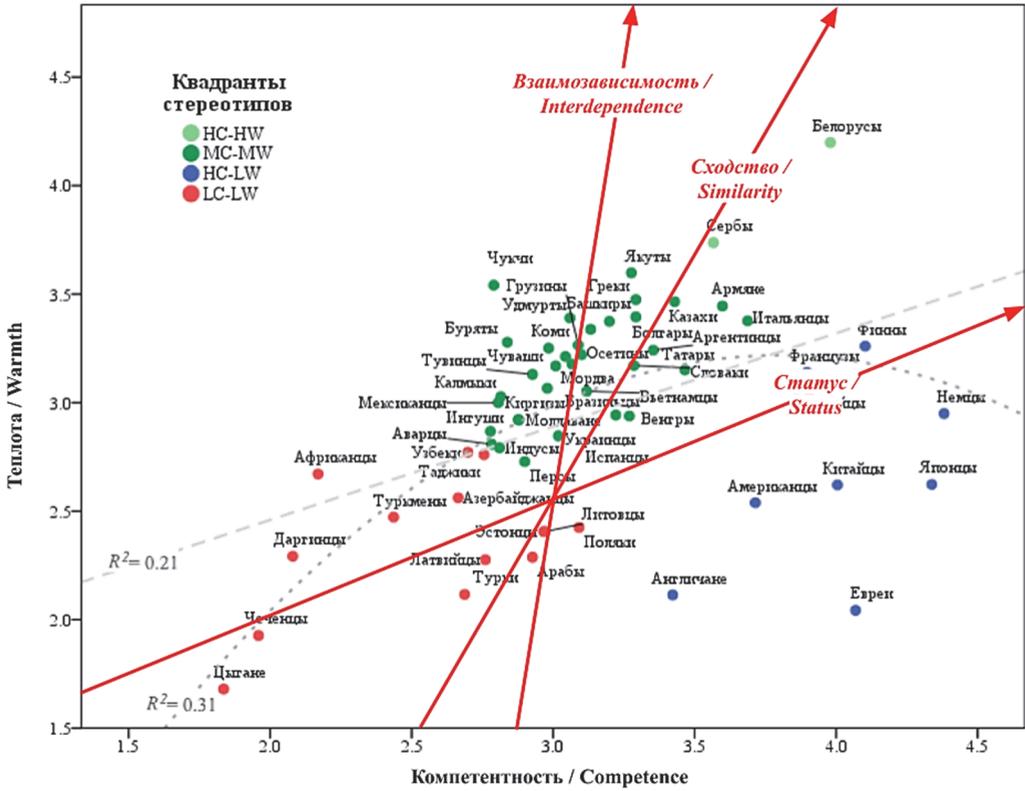

Рис. 1. Наложение взаимосвязей между переменными групповой позиции на российскую карту этнических стереотипов (Григорьев. Модель содержания..., 2020b)
Figure 1. The implication of the group position variables for the Russian SCM map

Примечание. Принадлежность оценок культурных стереотипов этнических групп к соответствующим квадрантам показана цветом.

Note. The placing of the cultural stereotypes for ethnic groups to the corresponding quadrants is shown in color.

Таблица 5 / Table 5

**Частные корреляции между переменными групповой позиции, содержанием стереотипа и аккультурационными ожиданиями, N = 30 /
 Group-level partial correlations between the group position, stereotype content, and acculturation expectation variables, N = 30**

	Бикультурализм / Biculturalism	Интеграция / Integration	Сепарация / Separation	Ассимиляция / Assimilation	Маргинализация / Marginalization
Групповая позиция / Group position					
1. Статус / Status	0,47	0,60	-0,42	-0,47	-0,60
2. Взаимозависимость / Interdependence	0,36	ns	0,61	-0,51	ns
3. Сходство / Similarity	0,51	0,41	ns	ns	-0,41
Содержание стереотипа / Stereotype content					
4. Компетентность / Competence	0,44	0,61	-0,38	-0,36	-0,61
5. Теплота / Warmth	0,66	0,70	0,39	-0,70	-0,70

Примечание. Оценки компетентности и теплоты были взяты из опроса 2018 г. (Grigoryev et al., 2019). Незначимая взаимосвязь (ns) = $p > 0,05$.

Note. Competence and warmth means were retrieved from the 2018 survey (Grigoryev et al., 2019). Non-significant relationship (ns) = $p > 0.05$.

Наконец, если в случае с парными корреляциями общая оценка этнических групп участниками по «термометру чувств» была положительно связана со всеми независимыми переменными: статусом (0,78), сходством (0,74), теплотой (0,64), взаимозависимостью (0,59) и компетентностью (0,58), то в случае с частными корреляциями общая оценка была положительно связана только с двумя независимыми переменными: статусом (0,64) и теплотой (0,51).

Использование одновыборочного *t*-теста для общей оценки показало, что 17 групп были оценены значимо выше середины шкалы, тогда как 9 групп – ниже (рис. 2). При этом белорусы и сербы были оценены наиболее тепло, а чеченцы и цыгане – наиболее холодно.

Кроме того, парные сравнения средних и сортировка по значениям аккультурационных ожиданий для конкретных групп указывают на группы-прототипы: белорусы и сербы для бикультурализма, татары и немцы для интеграции, чукчи и коми для сепарации, азербайджанцы и чеченцы для ассимиляции, цыгане и африканцы для маргинализации.

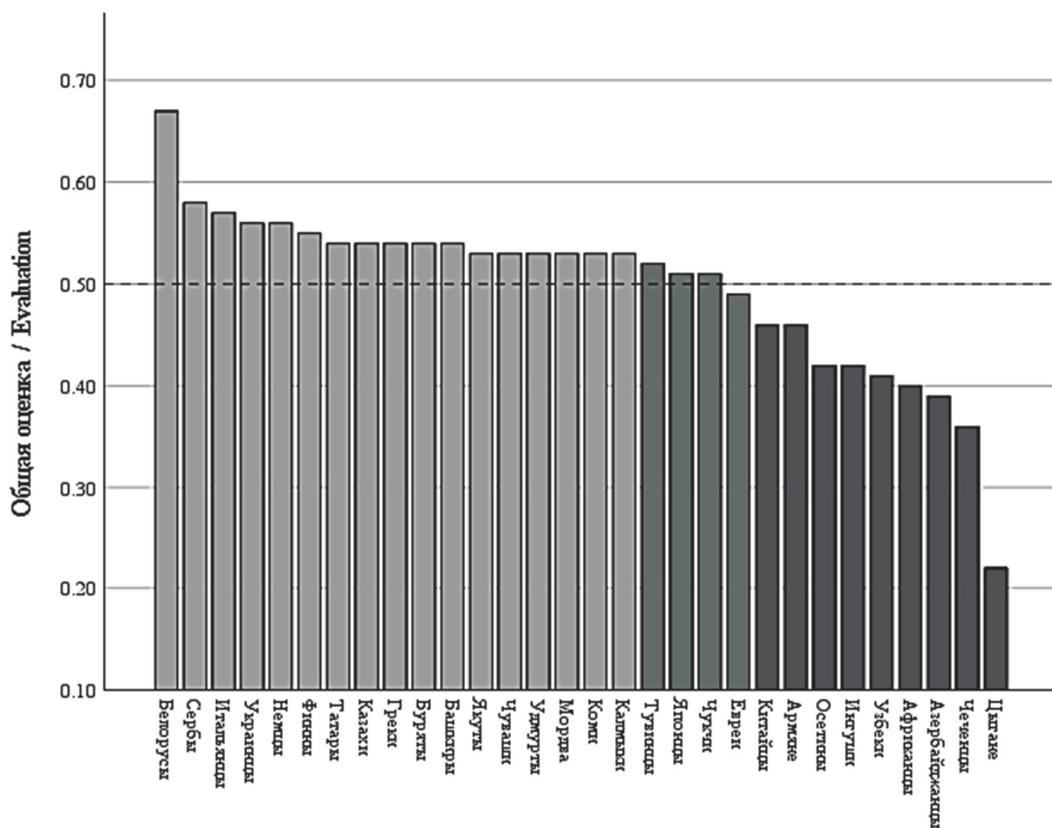

Рис. 2. Общая оценка этнических групп по «термометру чувств»
Figure 2. Evaluation of the ethnic groups by the “feeling thermometer”

Анализ на индивидуальном уровне. Результаты корреляционного анализа представлены в табл. 6. Авторитарные установки связаны с межгрупповыми идеологиями, предполагающими иерархические формы инклюзии этнокультурных групп в широкое общество. Между собой межгрупповые идеологии

логии также связаны в соответствии с их смысловым содержанием относительно форм инклюзии и отношения к культурному многообразию.

Таблица 6 / Table 6

**Парные корреляции между авторитарными установками
и межгрупповыми идеологиями, N = 377 /
Individual-level bivariate correlations
between the authoritarian attitudes and intergroup ideologies, N = 377]**

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Авторитарные установки / Authoritarian attitudes										
1. RWA										
2. SDO										
Межгрупповые идеологии / Intergroup ideologies										
3. Мультикультурализм / Multiculturalism	ns	ns	–							
4. Сегрегационизм / Segregationism	ns	0,16								
5. Интеркультурализм / Interculturalism	0,21	0,21	–							
6. Транскультурализм / Transculturalism	ns	ns	0,12	–						
7. Поликультурализм / Polyculturalism	ns	ns								
8. Этнический дальтонизм / Colorblindness	–0,12	–0,15	0,44	ns	–0,14	0,34	0,47	–		
9. Омникультурализм / Omniculturalism	ns	ns	0,21	0,12	ns	0,29	0,31	0,52	–	
10. Ассимиляционизм / Assimilationism	0,16	0,17	–0,33	0,17	0,34	–0,19	–0,28	–0,14	0,11	–
11. Исключение / Exclusion	0,16	0,17	–0,44	0,22	0,40	–0,22	–0,37	–0,20	ns	0,76

Примечание. Незначимая взаимосвязь (ns) = $p > 0,05$.

Note. Non-significant relationship (ns) = $p > 0.05$.

В целом участники в большей мере поддерживали межгрупповые идеологии, направленные на принятие культурного многообразия, и эгалитарные формы инклюзии этнокультурных групп в широкое общество. Парные сравнения с помощью *t*-теста для зависимых выборок продемонстрировали следующую иерархию значимых различий в предпочтениях: транскультурализм = поликультурализм = мультикультурализм, транскультурализм = поликультурализм > этнический дальтонизм, мультикультурализм = этнический дальтонизм > интеркультурализм = сегрегационизм = омникультурализм > исключение = ассимиляционизм (средние значения см. выше).

Многоуровневый анализ. Результаты оценки линейных смешанных моделей представлены в табл. 7. Мультиколлинеарность отсутствовала ($VIF < 2,7$). Переменные групповой позиции показали паттерны связей, сходные с результатами анализа на групповом уровне. Кроме того, авторитарные установки предсказывали аккультурационные ожидания в соответствии с выдвинутыми ранее предположениями на базе социофункционального подхода. При этом

межгрупповые идеологии предсказывали аккультурационные ожидания также в полном соответствии с их смысловым содержанием.

Фиксированная часть моделей, включающая переменные индивидуальных различий, была связана с дисперсией аккультурационных ожиданий в диапазоне от 19 (ассимиляция) до 41 % (маргинализация), тогда как случайная часть моделей была связана от 23 (сепарация) до 58 % (бикультурализм).

Таблица 7 / Table 7

Многоуровневая модель, предсказывающая аккультурационные ожидания по оценкам групповой позиции, авторитарных установок и межгрупповых идеологий, N = 377, n_{групп} = 30, n_{наблюдений} = 11 310) /
Multilevel-level model predicting acculturation expectations by the group position, authoritarian attitudes, and intergroup ideologies, N = 377, n_{groups} = 30, n_{observations} = 11 310

	Бикультурализм / Biculturalism	Интеграция / Integration	Сепарация / Separation	Ассимиляция / Assimilation	Маргинализация / Marginalization
Групповая позиция / Group position					
Статус / Status	0,12	0,18	-0,05	-0,09	-0,17
Взаимозависимость / Interdependence	0,22	0,29	0,07	-0,19	-0,30
Сходство / Similarity	0,15	0,15	0,03	-0,04	-0,16
Авторитарные установки / Authoritarian attitudes					
RWA	-0,02	-0,02	-0,02	0,02	0,02
SDO	-0,02	-0,02	0,02	-0,02	0,02
Межгрупповые идеологии / Intergroup ideologies					
Мультикультурализм / Multiculturalism	0,02	ns	ns	-0,02	-0,02
Сегрегационизм / Segregationism	-0,02	-0,03	0,02	ns	ns
Интеркультурализм / Interculturalism	ns	ns	ns	0,03	ns
Транскультурализм / Transculturalism	0,03	ns	ns	ns	-0,03
Поликультурализм / Polyculturalism	ns	ns	ns	ns	ns
Этнический дальтонизм / Colorblindness	ns	ns	ns	ns	ns
Омникультурализм / Omniculturalism	ns	ns	ns	ns	ns
Ассимиляционизм / Assimilationism	-0,02	-0,02	-0,02	0,03	ns
Исключение / Exclusion	ns	ns	ns	ns	0,03
ICC	0,72	0,64	0,59	0,70	0,60
R^2_m / R^2_c	0,20 / 0,78	0,39 / 0,78	0,38 / 0,61	0,19 / 0,75	0,41 / 0,76

Примечание. В таблице представлены нестандартизированные коэффициенты; диагностика мультиколлинеарности: VIF < 2.7. Незначимая взаимосвязь (ns) – $p > 0,05$; R^2_m – маргинальный коэффициент детерминации; R^2_c – условный коэффициент детерминации; ICC – коэффициент интраклассовой корреляции.

Note. This table provides the non-standardized coefficients; multicollinearity diagnostic: VIF < 2.7. Non-significant relationship (ns) – $p > 0.05$; R^2_m – marginal R^2 ; R^2_c – conditional R^2 ; ICC – intraclass correlation coefficient.

Наконец, фиксированная часть модели для общей оценки этнических групп участниками по «термометру чувств», включающая переменные индивидуальных различий, была связана с 36 % дисперсии общей оценки, тогда как случайная часть – с 31 %. При этом общую оценку положительно предсказывали все переменные групповой позиции и транскультурализм, тогда как отрицательно – RWA, SDO, интеркультурализм и омникультурализм ($ICC = 0,48$).

Обсуждение

В данном исследовании проверялись предсказания на основе новой модели групповой позиции этнических групп (при учете ожидаемых связей индивидуальных различий и межгрупповой предвзятости из соответствующей литературы) относительно дифференциации аккультурационных ожиданий членов доминирующей культурной группы. Результаты в целом показали, что члены доминирующей культурной группы, даже при учете их индивидуальных различий в этнической предубежденности, действительно дифференцируют свои аккультурационные ожидания относительно разных культурных групп в соответствии с моделью групповой позиции этнических групп.

Также результаты, связанные с общей оценкой, которую можно рассматривать в качестве прокси для деления на «ценные» («теплые») и «неценные» («холодные») группы, демонстрируют, что, если не разграничить эту оценку по осям статуса, взаимозависимости и сходства, простая дихотомия будет только скрывать качественно различные паттерны взаимосвязей между рассмотренными переменными для разных этнических групп. Например, «теплые»/«ценные» белорусы и коми или «холодные»/«неценные» азербайджанцы и цыгане ассоциируются с различными аккультурационными ожиданиями.

Основные аккультурационные ожидания. По всей видимости ожидание интеграции действительно можно считать «нейтральным», ожиданием «по умолчанию» для большинства культурных групп, которые являются высокостатусными и сходны в этом статусе с доминирующей культурной группой. Например, это ожидание являлось общим для таких сильно отличающихся групп, как татары и мордва или немцы и японцы. При этом бикультурализм в большей мере характерен только для групп, которые выделяются также и очень высокой воспринимаемой взаимозависимостью: белорусы и сербы (группы квадранта «стереотипов восхищения», см.: Григорьев. Модель содержания., 2020b). Напротив, для групп, характеризующихся низкими воспринимаемым статусом и взаимозависимостью (например, азербайджанцы, чеченцы), превалирует ожидание ассимиляции, но если к этим оценкам добавить еще и низкое сходство (например, цыгане, африканцы), то ожидание будет скорректировано в сторону маргинализации.

Специфика ожидания стратегии сепарации. Характеризующие режим «черты оседлости»/«гетто» связи не были проявлены в результатах. Во многом это не удивительно, поскольку едва ли можно найти пример такой группы, которая бы подходила под это описание сегодня, особенно в России. Для тех же евреев в настоящее время, как и было обнаружено, характерно ожидание интеграции. Однако некоторая эмпирическая поддержка режима «резерва-

ции» действительно была найдена. Так, ожидание сепарации было характерно для групп, воспринимаемых низкостатусными и взаимозависимыми, которые во вторую очередь еще и наименее похожи (например, чукчи, коми). Рис. 3 на базе обнаруженных связей схематично суммирует и представляет наложение аккультурационных ожиданий на российскую карту этнических стереотипов.

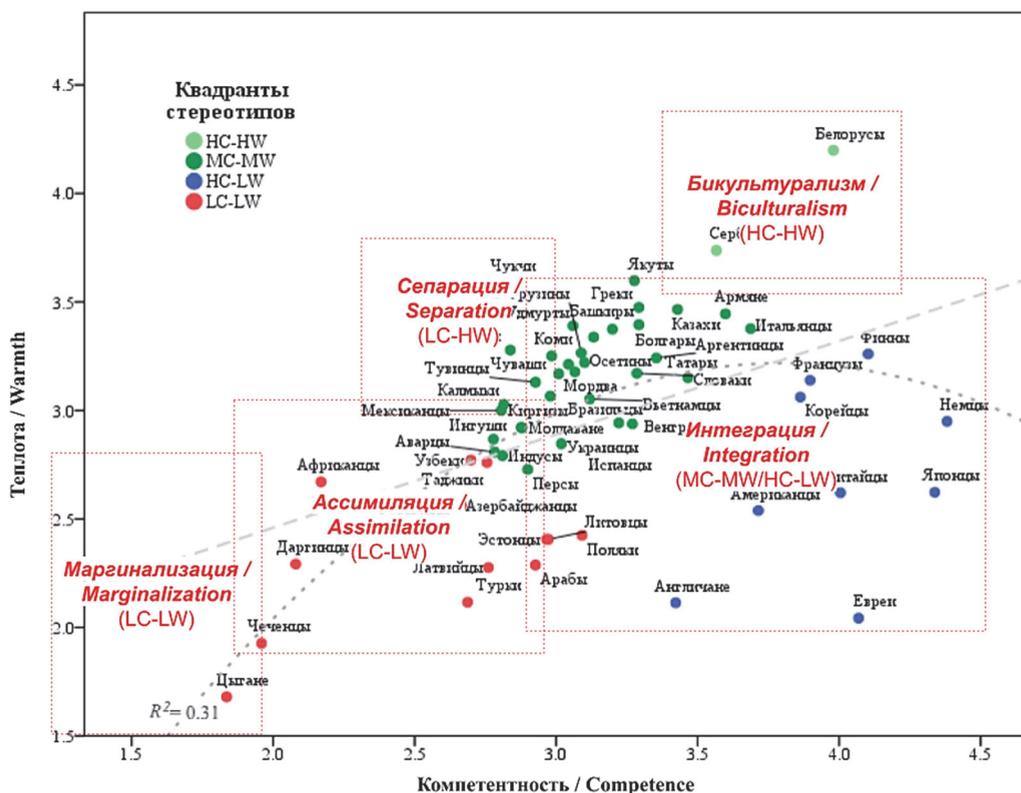

Рис. 3. Наложение аккультурационных ожиданий на российскую карту этнических стереотипов (Григорьев. Модель содержания..., 2020b)

Figure 3. The implication of the Russian SCM map for the acculturation expectations (Grigoryev, 2020b)

Примечание. Принадлежность оценок культурных стереотипов этнических групп к соответствующим квадрантам показана цветом.

Note. The placing of the cultural stereotypes for ethnic groups to the corresponding quadrants is shown in color.

Групповые позиции отражают социальное неравенство. Таким образом, базовое положение новой модели групповой позиции этнических групп о центральной роли статуса согласуется с обнаруженными здесь, так же как и с представленными ранее, результатами (см. Grigoyev et al., 2019).² В этом смысле межкультурные отношения (или популярный в настоящее время в США «системный расизм») в большей мере представляют собой частный случай отношений в ситуации глобального и локального социального неравенства, толь-

² Интересно, что даже в российских детских учебниках для обучения детей мигрантов и вынужденных переселенцев, членов недоминирующих культурных групп представляют как взаимозависимых (теплых), но низкостатусных – не занимающих значительных позиций в обществе, занятых низкоквалифицированным трудом (Kozlova, Ryabichenko, 2021).

ко со своей спецификой. Например, как подчеркивалось ранее, было бы ошибкой называть «межэтническими» или «межконфессиональными» конфликты между преуспевающим принимающим обществом столиц и крупных городов и мигрантами, для которых, как правило, характерны культурные практики бедного, малообразованного, в основном сельского по своему происхождению населения (Филиппова, 2014). То же самое, например, касается и США, где афроамериканское население в основном проживает и ассоциируется с бедными районами, в отличие от американцев европейского происхождения (Григорьев. Взгляды., 2020a). Оценка российских регионов как социально и экономически неблагоприятных также негативно сказывается на воспринимаемом статусе их населения (Grigoyev et al., 2019).

Ограничения и направление будущих исследований. Как уже отмечалось, не все положения новой модели получили прямую однозначную поддержку в настоящем эмпирическом исследовании. Экспериментальный план и непосредственное манипулирование воспринимаемой групповой позицией помогли бы более прозрачно наблюдать, как структурные переменные определяют аккультурационные ожидания. Однако в данном случае был сделан выбор в пользу реалистичной ситуации, когда статус, а особенно взаимозависимость и сходство, были сильно взаимосвязаны (возможно, в том числе из-за высокой когнитивной нагрузки участников при оценке большого количества этнических групп), что потребовало сопоставления всех частей полученных результатов и совместной их интерпретации. В отличие от этого эксперимент способен иметь дело с ортогональными структурными переменными, что потребует меньшей интерпретации и более «четких» результатов, но за счет внешней валидности, в силу искусственности экспериментальной ситуации. Кроме того, модель в будущем можно также протестировать, используя интервью или другие опросные и неопросные методы, такие как фокус-группы и анализ текстов.

Наконец, рассмотрены только индивидуальные различия в аспекте поддержания статуса-кво членов доминирующей культурной группы, однако интересно также понять, как восприятие групповой позиции взаимодействует с мотивацией активистов-борцов за социальное равенство, а также, что происходит в случае изучения мнения самих членов недоминирующих культурных групп и их восприятия аккультурационного контекста и социального неравенства в обществе.

Заключение

Социальное неравенство формирует соответствующую социальную экологию, в которой на основе нисходящих и восходящих сравнений осуществляется восприятие распределения статуса и власти среди культурных групп в обществе, в свою очередь, складываясь в соответствующие воспринимаемые групповые позиции, а затем и в культурные стереотипы. Эти культурные образы будут определять, какие культурные группы могут рассматриваться в обществе как ценные или опасные, конкурентные, а какие – как подходящие для эксплуатации или стигматизации, что в итоге приводит к актуализации определенных аккультурационных ожиданий.

Список литературы

- Берри Дж.У. Экокультурная психология / пер. с англ. Д.С. Григорьев // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 4. С. 4–16. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150401>
- Блумер Г. Расовый предрассудок как чувство групповой позиции / пер. с англ. В.Г. Николаев // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 2008. № 4. С. 141–151.
- Григорьев Д.С. Взгляды на этнокультурное многообразие и авторитарные и этноцентрические установки русских // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 3. С. 473–490. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-3-473-490>
- Григорьев Д.С. Модель содержания стереотипов и этнические стереотипы в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 2. С. 215–244. <http://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.9>
- Григорьев Д.С. Проблемы концептуализации и операционализации отношения к иммигрантам в межстрановых сравнительных исследованиях // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2020. № 3. С. 89–100. <http://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-3-89-100>
- Григорьев Д.С. Разработка короткой версии шкал из методики Дж. Даккита: авторитаризм правого толка, ориентация на социальное доминирование, вера в опасный и конкурентный мир // Национальный психологический журнал. 2017. Т. 28. № 4. С. 30–44. <http://doi.org/10.11621/npj.2017.0403>
- Новиков А.Л., Новикова И.А. Этнические стереотипы в контексте межкультурной коммуникации: психологические и семантические аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. № 4. С. 977–989. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-4-977-989>
- Филиппова Е.И. Мультикультурализм как политика и как фигура речи // Вестник Российской нации. 2014. № 2. С. 127–137.
- Шамионов Р.М. Формирование дискриминационных установок личности в процессе ее социализации // Известия Саратов. ун-та. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2018. № 2 (26). С. 129–135.
- Alcott Y.D., Watt S.E. Acculturation strategy and racial group in the perception of immigrants // Journal of Pacific Rim Psychology. 2017. Vol. 11. Pp. 1–16. <https://doi.org/10.1017/prp.2017.2>
- Arends-Tóth J., van de Vijver F. (2006). Assessment of psychological acculturation // The Cambridge handbook of acculturation psychology / ed. by D.L. Sam, J.W. Berry. Cambridge University Press, 2006. Pp. 142–160. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511489891.013>
- Batkina A., Berry J.W., Jurcik T., Dubrov D., Grigoryev D. More similarity if different, more difference if similar: assimilation, colorblindness, multiculturalism, polyculturelism, and generalized and specific negative intergroup bias // Europe's Journal of Psychology. In press. <http://doi.org/10.5964/ejop.3715>
- Berry J.W. Immigration, acculturation, and adaptation // Applied Psychology: An International Review. 1997. Vol. 46. No 1. Pp. 5–34. <https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x>
- Berry J.W. Mutual attitudes among immigrants and ethnocultural groups in Canada // International Journal of Intercultural Relations. 2006. Vol. 30. No 6. Pp. 719–734. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2006.06.004>
- Berry J.W., Kalin R. Reciprocity of inter-ethnic attitudes in a multicultural society // International Journal of Intercultural Relations. 1979. Vol. 3. No 1. Pp. 99–111. [https://doi.org/10.1016/0147-1767\(79\)90048-8](https://doi.org/10.1016/0147-1767(79)90048-8)
- Berry J.W., Sabatier C. Variations in the assessment of acculturation attitudes: their relationships with psychological wellbeing // International Journal of Intercultural Relations. 2011. Vol. 35. Pp. 658–669. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2011.02.002>
- Brown R., Zagefka H. The dynamics of acculturation: an intergroup perspective // Advances in Experimental Social Psychology / ed. by J.M. Olson, M.P. Zanna. San Diego, CA: Academic Press, 2011. Vol. 44. Pp. 129–184. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-385522-0.00003-2>

- Fiske S.T.* Controlling other people: the impact of power on stereotyping // *American Psychologist*. 1993. Vol. 48. No 6. Pp. 621–628. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.48.6.621>
- Fiske S.T.* Intergroup biases: a focus on stereotype content // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 3. Pp. 45–50. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2015.01.010>
- Fiske S.T.* Prejudices in cultural contexts: shared stereotypes (gender, age) versus variable stereotypes (race, ethnicity, religion) // *Perspectives on Psychological Science*. 2017. Vol. 12. No 5. Pp. 791–799. <https://doi.org/10.1177/1745691617708204>
- Fiske S.T., Cuddy A.J.C., Glick P., Xu J.* A model of (often mixed) stereotype content: competence and warmth respectively follow from perceived status and competition // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. Vol. 82. No 6. Pp. 878–902. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.82.6.878>
- Grigoryev D., Batkhina A., van de Vijver F., Berry J.W.* Towards an integration of models of discrimination of immigrants: From ultimate (functional) to proximate (sociofunctional) explanations // *Journal of International Migration and Integration*. 2020. Vol. 21. No 3. Pp. 667–691. <https://doi.org/10.1007/s12134-019-00677-w>
- Grigoryev D., Berry J.W.* A taxonomy of intergroup ideologies // *Cultural-Historical Psychology*. 2021. Vol. 17. No 4. Pp. 7–15. <http://doi.org/10.17759/chp.2021170401>
- Grigoryev D., Fiske S.T., Batkhina A.* Mapping ethnic stereotypes and their antecedents in Russia: the stereotype content model // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. No 1643. Pp. 1–21. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01643>
- Kozlova M., Ryabichenko T.* Ideologies of intergroup relations in pedagogical discourse: representation of cultures and intercultural interaction in the educational books for migrant children // *Journal of Intercultural Communication Research*. 2021. Vol. 50. No 6. Pp. 541–555. <http://doi.org/10.1080/17475759.2021.1910065>
- López-Rodríguez L., Zagefka H.* The effects of stereotype content on acculturation preferences and prosocial tendencies: The prominent role of morality // *International Journal of Intercultural Relations*. 2015. Vol. 45. Pp. 36–46. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2014.12.006>
- Montreuil A., Bourhis R.Y.* Majority acculturation orientations toward “valued” and “devalued” immigrants // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2001. Vol. 32. No 6. Pp. 698–719. <https://doi.org/10.1177/0022022101032006004>
- Sinn J.S., Hayes M.W.* Is political conservatism adaptive? Reinterpreting right-wing authoritarianism and social dominance orientation as evolved, sociofunctional strategies // *Political Psychology*. 2018. Vol. 39. Pp. 1123–1139. <https://doi.org/10.1111/pops.12475>
- Stereotypes and intercultural relations: interdisciplinary integration, new approaches, and new contexts / ed. by J.W. Berry, D. Grigoryev, L. Grigoryan, A. Zabrodskaia, S.T. Fiske. Lausanne, Switzerland: Frontiers Media SA, 2021. <http://doi.org/10.3389/978-2-88971-353-0>
- van Osch Y.M.J., Breugelmans S.M.* Perceived intergroup difference as an organizing principle of intercultural attitudes and acculturation attitudes // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2012. Vol. 43. No 5. Pp. 801–821. <https://doi.org/10.1177/0022022111407688>

История статьи:

Поступила в редакцию 14 января 2022 г.

Принята к печати 25 февраля 2022 г.

Для цитирования:

Григорьев Д.С. Когнитивно-мотивационные основы аккультурационных ожиданий: применение модели групповой позиции этнических групп // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2022. Т. 19. № 1. С. 86–109. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-86-109>

Сведения об авторе:

Григорьев Дмитрий Сергеевич, PhD, научный сотрудник, центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). ORCID: 0000-0003-4511-7942, ResearcherID: K-3338-2015, ScopusID: 57191706675, eLIBRARY SPIN-код: 1807-9739. E-mail: dgrigoryev@hse.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-1-86-109

Research article

Cognitive and Motivational Foundations Underlying Acculturation Expectations: Applications of Ethnic Group Position Model

Dmitry Grigoryev

National Research University Higher School of Economics,
20 Myasnitskaya St, Moscow, 101000, Russian Federation

✉ dgrigoryev@hse.ru

Abstract. Although dominant cultural groups as a rule have the main impact on the mutual acculturation process, they receive much less attention in the literature. This article, firstly, challenges the common implicit position that dominant cultural groups do not have variety in their acculturation expectations regarding different non-dominant cultural groups, and, secondly, proposes Ethnic Group Position Model (EGPM) to explain and predict acculturation expectations regarding a particular non-dominant cultural group in society. The empirical study tests the relationship of structural variables of the group position by the new model (status, interdependence, similarity) and acculturation expectations while taking into account the relevant individual difference variables (the degree of agreement and endorsement for authoritarian attitudes and intergroup ideologies), thus covering the cognitive and motivational foundations underlying acculturation expectations. The participants in the survey were 377 Russian representatives of the dominant cultural group in Russia, who filled out a questionnaire containing questions about acculturation expectations (e.g., integration, assimilation, separation), evaluation of ethnic groups according to the feelings thermometer, perceived group positions, and also about an endorsement of authoritarian attitudes (right-wing authoritarianism and social domination orientation) and intergroup ideologies (e.g., assimilationism, multiculturalism, interculturalism). The results showed that Russians did vary their acculturation expectations towards different cultural groups according to the EGPM, even when controlling for their individual differences in ethnic bias. The conclusions emphasize that the cultural groups' images are steam from ordinary observations of their life outcomes or circumstances, primarily in terms of vertical inequality (prestige and respect), i.e. perceived status (e.g., education, professional prestige, connection with crime), which largely shapes intercultural relations and in particular acculturation expectations.

Key words: ethnic stereotypes, social structure, right-wing authoritarianism, social dominance orientation, intergroup ideologies, stereotype content model, sociofunctional approach, cultural diversity, mutual acculturation, intercultural relations

Acknowledgements and Funding. This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

References

- Alcott, Y.D., & Watt, S.E. (2017). Acculturation strategy and racial group in the perception of immigrants. *Journal of Pacific Rim Psychology*, 11, 1–16. <https://doi.org/10.1017/prp.2017.2>
- Arends-Tóth, J., & van de Vijver, F. (2006). Assessment of psychological acculturation. In D.L. Sam & J.W. Berry (Eds.), *The Cambridge Handbook of Acculturation Psychology* (pp. 142–160). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511489891.013>
- Batkhina, A., Berry, J.W., Jurcik, T., Dubrov, D., & Grigoryev, D. (in press). More similarity if different, more difference if similar: Assimilation, colorblindness, multiculturalism, polyculturalism, and generalized and specific negative intergroup bias. *Europe's Journal of Psychology*. <http://doi.org/10.5964/ejop.3715>
- Berry, J.W. (1997). Immigration, acculturation, and adaptation. *Applied Psychology: An International Review*, 46(1), 5–34. <https://doi.org/10.1080/026999497378467>
- Berry, J.W. (2006). Mutual attitudes among immigrants and ethnocultural groups in Canada. *International Journal of Intercultural Relations*, 30(6), 719–734. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2006.06.004>
- Berry, J.W. (2019). Ecocultural psychology (D. Grigoryev, Transl. from Eng.). *Cultural-Historical Psychology*, 15(4), 4–16. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/chp.2019150401>
- Berry, J.W., & Kalin, R. (1979). Reciprocity of inter-ethnic attitudes in a multicultural society. *International Journal of Intercultural Relations*, 3(1), 99–111. [https://doi.org/10.1016/0147-1767\(79\)90048-8](https://doi.org/10.1016/0147-1767(79)90048-8)
- Berry, J.W., & Sabatier, C. (2011). Variations in the assessment of acculturation attitudes: Their relationships with psychological wellbeing. *International Journal of Intercultural Relations*, 35, 658–669. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2011.02.002>
- Berry, J.W., Grigoryev, D., Grigoryan, L., Zabrodskaja, A., & Fiske, S.T. (Eds.) (2021). *Stereotypes and intercultural relations: Interdisciplinary integration, new approaches, and new contexts*. Lausanne, Switzerland: Frontiers Media SA. <http://doi.org/10.3389/978-2-88971-353-0>
- Blumer, H. (2008). Race prejudice as a sense of group position (V. Nikolaev, Transl. from Eng.). *Social and Humanitarian Sciences. Sociology*, 11(4), 141–151. (In Russ.)
- Brown, R., & Zagefka, H. (2011). The dynamics of acculturation: An intergroup perspective. In J.M. Olson & M.P. Zanna (Eds.), *Advances in Experimental Social Psychology* (vol. 44, pp. 129–184). San Diego, CA: Academic Press. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-385522-0.00003-2>
- Filippova, E.I. (2014). Mul'tikul'turalizm kak politika i kak figura rechi. *Herald of the Russian Nation*, 2, 127–137. (In Russ.)
- Fiske, S.T. (1993). Controlling other people: The impact of power on stereotyping. *American Psychologist*, 48(6), 621–628. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.48.6.621>
- Fiske, S.T. (2015). Intergroup biases: A focus on stereotype content. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 3, 45–50. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2015.01.010>
- Fiske, S.T. (2017). Prejudices in cultural contexts: Shared stereotypes (gender, age) versus variable stereotypes (race, ethnicity, religion). *Perspectives on Psychological Science*, 12(5), 791–799. <https://doi.org/10.1177/1745691617708204>
- Fiske, S.T., Cuddy, A.J.C., Glick, P., & Xu, J. (2002). A model of (often mixed) stereotype content: Competence and warmth respectively follow from perceived status and competition. *Journal of Personality and Social Psychology*, 82(6), 878–902. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.82.6.878>
- Grigoryev, D. (2017). Development of a short version of the dual process model scales: Right-wing authoritarianism, social dominance orientation, dangerous and competitive worldviews. *National Psychological Journal*, 28(4), 30–44. (In Russ.) <http://doi.org/10.11621/npj.2017.0403>
- Grigoryev, D. (2020a). Views on cultural diversity as well as authoritarian and ethnocentric attitudes of Russians. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(3), 473–490. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-3-473-490>
- Grigoryev, D. (2020b). The Stereotype Content Model and ethnic stereotypes in Russia. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 23(2), 215–244. (In Russ.) <http://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.9>

- Grigoryev, D. (2020c). Problems of conceptualisation and operationalisation of attitudes toward immigrants in cross-national comparative research. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*, 3, 89–100. (In Russ.) <http://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-3-89-100>
- Grigoryev, D., & Berry, J.W. (2021). A taxonomy of intergroup ideologies. *Cultural-Historical Psychology*, 17(4), 7–15. <http://doi.org/10.17759/chp.2021170401>
- Grigoryev, D., Batkhina, A., van de Vijver, F., & Berry, J.W. (2020). Towards an integration of models of discrimination of immigrants: From ultimate (functional) to proximate (sociofunctional) explanations. *Journal of International Migration and Integration*, 21(3), 667–691. <https://doi.org/10.1007/s12134-019-00677-w>
- Grigoryev, D., Fiske, S.T., & Batkhina, A. (2019). Mapping ethnic stereotypes and their antecedents in Russia: The Stereotype Content Model. *Frontiers in Psychology*, 10(1643), 1–21. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01643>
- Kozlova, M., & Ryabichenko, T. (2021). Ideologies of intergroup relations in pedagogical discourse: Representation of cultures and intercultural interaction in the educational books for migrant children. *Journal of Intercultural Communication Research*, 50(6), 541–555. <http://doi.org/10.1080/17475759.2021.1910065>
- López-Rodríguez, L., & Zagefka, H. (2015). The effects of stereotype content on acculturation preferences and prosocial tendencies: The prominent role of morality. *International Journal of Intercultural Relations*, 45, 36–46. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2014.12.006>
- Montreuil, A., & Bourhis, R.Y. (2001). Majority acculturation orientations toward “valued” and “devalued” immigrants. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 32(6): 698–719. <https://doi.org/10.1177/0022022101032006004>
- Novikov, A.L., & Novikova, I.A. (2019). Ethnic stereotypes in intercultural communication: Psychological and semantic aspects. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 977–989. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-4-977-989>
- Shamionov, R.M. (2018). Formation of discriminatory personal attitudes in the process of socialization. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 7(2–26), 129–135. (In Russ.) <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-2-129-135>
- Sinn, J.S., & Hayes, M.W. (2018). Is political conservatism adaptive? Reinterpreting right-wing authoritarianism and social dominance orientation as evolved, sociofunctional strategies. *Political Psychology*, 39, 1123–1139. <https://doi.org/10.1111/pops.12475>
- van Osch, Y.M.J., & Breugelmans, S.M. (2012). Perceived intergroup difference as an organizing principle of intercultural attitudes and acculturation attitudes. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 43(5), 801–821. <https://doi.org/10.1177/0022022111407688>

Article history:

Received 14 January 2022

Revised 21 February 2022

Accepted 25 February 2022

For citation:

Grigoryev, D. (2022). Cognitive and motivational foundations underlying acculturation expectations: Applications of ethnic group position model. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 19(1), 86–109. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-86-109>

Bio note:

Dmitry Grigoryev, PhD, is Research Fellow of the Center for Sociocultural Research, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0003-4511-7942, ResearcherID: K-3338-2015, ScopusID: 57191706675, eLIBRARY SPIN-code: 1807-9739. E-mail: dgrigoryev@hse.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-1-110-127

УДК 159.9.07

Исследовательская статья

Осознанность в межкультурной коммуникации: опыт качественного анализа

Н.В. Ткаченко , О.Е. Хухлаев

Московский государственный психолого-педагогический университет,
Российская Федерация, 127051, Москва, ул. Сретенка, д. 29

 tkachenkonv@mgppu.ru

Аннотация. Межкультурная коммуникация в последнее время – одна из актуальных тем психологии межгрупповых отношений, межкультурной коммуникации и социальной психологии. Межкультурная коммуникация рассматривается в рамках теорий коммуникативистики и описывает особенности и механизмы, лежащие в основе эффективной коммуникации. Интегративная модель коммуникации, описанная авторами ранее, поставила необходимость проверить роль осознанности в межкультурной коммуникации. Цель исследования заключается в анализе вклада осознанности в ситуации межкультурного взаимодействия с помощью качественных методов исследования. Исследование проводилось с опорой на теоретическую модель межличностной осознанности, описанной на четырех уровнях: концентрация на настоящем, присутствие; внимательное осознание одновременно и себя и другого; принятие другого без осуждения; сдерживание автоматических реакций. С помощью метода глубинного интервью и последующего тематического и феноменологического анализа данных получены описания механизма осознанности в межкультурном общении в целом и на каждом из четырех аналитических уровней в отдельности. В результате анализа получены данные, раскрывающие содержание каждого из уровней осознанности. Сделаны выводы о содержании целей и ценностей межкультурного общения, мотивов специфической практики в жизни и общении информантов. Проанализированы способы контроля реактивности в ситуации неопределенности межкультурного общения и описаны роли установок на принятие другого без осуждения. Полученные результаты могут послужить основой для развития интегративной модели, описывающей роль тревоги и неопределенности в межкультурном общении, и позволяют операционализировать данные в измерительные шкалы для количественных исследований в области оценки роли осознанности в межкультурном общении.

Ключевые слова: осознанность, направленное внимание, осознание себя и другого, принятие другого без осуждения, сдерживание автоматических реакций

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-013-00892 «Интегративная социально-психологическая модель оценки и прогнозирования эффективности межкультурного взаимодействия».

Введение

Исследование межкультурного взаимодействия рассматривается в контексте межкультурной коммуникации, психологии межгрупповых отношений, социальной психологии. Разработка интегративной модели межкультурного взаимодействия (Хухлаев, 2020; Ткаченко, Хухлаев, 2021) поставила перед исследователями вопросы о роли осознанности в снижении тревоги и неопределенности в ситуации межкультурного общения (Gudykunst, Nishida, 2001; Hammer et al., 1998; Neuliep, 2012). Исследование роли осознанности (*англ.* – *mindfulness*) в межкультурной коммуникации имеет хорошую представленность в научной литературе (Ting-Toomey, 2010, 2015; Gudykunst, 1985, Thomas, 2006). Под осознанностью мы понимаем сочетание концентрации на настоящем, присутствие; внимательное осознание одновременно и себя и другого; принятие другого без осуждения и сдерживание автоматических реакций. Таким образом, цель нашего исследования заключается в анализе вклада осознанности в ситуации межкультурного взаимодействия с помощью качественных методов исследования. Для достижения цели, был сформулирован основной вопрос исследования – каково содержание переживания межкультурной коммуникации в контексте четырех уровней осознанности: концентрации на настоящем, внимательном осознании одновременно себя и другого, принятии другого без осуждения и сдерживании автоматических реакций.

Обзор литературы

Согласно множеству исследований, одним из наиболее важных факторов, способствующих эффективности в межкультурном общении, является осознанность, или направленное внимание (Gudykunst, 1985; Thomas, 2006, Ting-Toomey, Dorjee, 2015).

Осознанность (*майндфулнесс*) рассматривается в современной психологии как один из вариантов концептуализации метакогнитивных способностей (Пуговкина, 2014); ее основные характеристики – это нацеленность на настоящий момент и неосуждение (Kabat-Zinn, 2003). Это качество сознания, характеризующееся восприимчивым вниманием и осознанием происходящих в данный момент событий (Brown, Ryan 2003). Осознанное присутствие тесно связано с позитивными эмоциями, удовлетворенностью жизнью (Зеликсон, 2016). Практики осознанности показали свою эффективность в снижении депрессии, тревожности, повышении психологического благополучия (Федунина и др., 2019), они выступают эффективным средством улучшения функционирования когнитивных процессов (Дьяков, Слонова, 2019). Кроме общепсихологического подхода к осознанности, она также рассматривается как фактор, способствующий росту межкультурной компетентности через стимулирование к расширению знаний о других культурах, чувствительности к культурным различиям (Ting-Toomey, Dorjee, 2015).

Тинг-Туми предполагает (Ting-Toomey, 2010), что внимательность имеет три аспекта в межкультурном взаимодействии: 1) смещение фокуса с этноцентризма на этнорелятивизм; 2) осознание метапознания; 3) внимательный подход к осознанию и контролю эмоциональных установок.

Гудиканст в рамках теории управления тревогой и неопределенностью, описывает связь между эффективной межкультурной коммуникацией и управлением тревогой (Gudykunst, 1985). Чтобы справиться с тревогой, необходимо понимать текущий момент общения. Осознанность позволяет более точно прогнозировать и объяснять поведение других людей благодаря открытости к новой информации и осознанию альтернативных точек зрения. Согласно исследованиям Томаса, внимательность играет центральную роль в эффективности межкультурной коммуникации (Thomas et al., 2006). А исследование Тинг-Туми выявило решающую роль сочетания внимательности и эмоциональной стабильности в межкультурном общении.

В количественных исследованиях показано, что осознанность связана с навыками идентификации чувств и ощущений через большую удовлетворенность телом, меньшей социальной тревожностью (Dekeyser et al., 2008). Иными словами, внимательные люди чувствуют себя более эмоционально устойчивыми в межкультурном общении и, следовательно, общаются более эффективно. Согласно исследованиям Стефана (Stephan et al., 1999), повышенная тревожность, возникающая в межкультурном общении, снижает эффективность межкультурной коммуникации. На снижение тревожности может влиять уровень осознанности. Следствием осознанности также выступает более высокий уровень осведомленности об уровне межкультурных навыков. То есть осознанные люди более реалистично оценивают эффективность своей коммуникации.

Внимательное прислушивание к себе направляет внимание человека на собственные переживания «в теле». Это приводит к непредвзятости, любознательности и высокой нетерпимости к неопределенности в коммуникации (Ting-Toomey, Dorjee, 2015). Согласно исследованиям Тинг-Туми, в ответ на неопределенную межкультурную коммуникацию могут быть проявлены специфические эмоции, такие как удивление, страх, гнев, презрение, которые, в свою очередь, могут вызывать паттерны мысли и поведения. Такие паттерны мыслей и реактивных эмоций обычно подсознательно усваиваются из нашего культурного исторического контекста, прошлого опыта, религиозной идентичности и т. д. И, как следствие, осознание приводит к управлению внимательностью, что способствует определенному механизму сдерживания автоматических реакций.

Таким образом, **цель исследования** заключается в анализе вклада осознанности в ситуации межкультурного взаимодействия с помощью качественных методов исследования. **Исследовательский вопрос** – каково содержание переживания межкультурной коммуникации в контексте четырех уровней осознанности: концентрации на настоящем, внимательном осознании одновременно себя и другого, принятии другого без осуждения и сдерживании автоматических реакций.

Процедура и методы исследования

Участники исследования. В исследовании приняли участие 10 респондентов в возрасте от 29 до 55 лет (табл. 1) – средний возраст составил 38,2 лет ($M = 38,2$; $SD = 7,2$; $Me = 37$), 5 женщин и 5 мужчин. Средний стаж

практики майндфулнесс респондентов составил 5,5 лет ($M = 5,5$; $SD = 3,3$; $Me = 5$). В выборе респондентов авторы руководствовались стажем практики и опытом тренерской практики в данном подходе. Количество респондентов соответствует требованиям к качественным исследованиям, в рамках которых набор новых случаев завершается, когда исследователь в результате анализа получает повторяющиеся описания (Квале, 2003). В процессе формирования выборки для качественного исследования нет необходимости соблюдения условия ее отражения в генеральной совокупности. Респондентами выступают носители специфического опыта, в данном случае опыта майндфулнесс, который является предметом исследования. Описание респондентов представлено в таблице, там же указаны буквенные коды, с помощью которых в описании результатов исследования обозначается авторство прямых цитат из интервью.

Таблица 1 / Table 1

Описание респондентов / Description of respondents

Код респондента / Respondent code	Стаж практики, лет / Meditation experience, years	Место проживания / Place of residence	Возраст, лет / Age, years	Пол / Gender
А / А	5	Россия (Москва) / Russia (Moscow)	33	М / М
Б / В	5	Россия (Санкт-Петербург) / Russia (Saint Petersburg)	39	М / М
В / С	9	Россия (Москва) / Russia (Moscow)	42	М / М
Г / D	12	Тайланд (остров Ко Панган) / Thailand (Ko Pha-ngan Island)	37	М / М
Д / E	4,5	Беларусь (Гомель) / Belarus (Gomel)	35	М / М
Е / F	4	Россия (Красноярск) / Russia (Krasnoyarsk)	55	Ж / F
Ж / G	0,5	Россия (Санкт-Петербург) / Russia (Saint Petersburg)	33	Ж / F
З / H	7	Германия (Франкфурт) / Germany (Frankfurt)	42	Ж / F
И / I	6,5	Россия (Санкт-Петербург) / Russia (Saint Petersburg)	29	Ж / F
К / J	2	Украина (Одесса) / Ukraine (Odessa)	37	Ж / F

Процедура исследования. Использован метод глубинного интервью, позволяющий подробно и полно получить описание исследуемых феноменов (Квале, 2003).

Топик-гайд имел следующую структуру: I блок – бэкграунд информанта (вопросы о пути, который привел к практике майндфулнесс, об опыте формальной и неформальной практики майндфулнесс), II блок – анализ межкультурной коммуникации с точки зрения 4-х уровней осознанности: сочетание концентрации на настоящем, присутствие; внимательное осознание одновременно и себя и другого; принятие другого без осуждения и сдерживание автоматических реакций. Информанту предлагалось вспомнить пример межкультурного общения и исследовать те процессы, которые происхо-

дят на четырех уровнях осознанности. III блок – завершение интервью (здесь прояснялись отдельные непонятные элементы в ответах информанта, осуществлялся тактичный и бережный выход из ситуации интервью).

Интервью проходило по следующему плану. Респондентам предлагалось поговорить о практике майндфулнесс в их жизни и о роли майндфулнесс в межкультурном общении. Исследователь начинал смысловой блок интервью с фразы: «Какую роль в вашем личном общении с людьми других культур играет осознанность, в чем помогает, чем мешает, отличается ли это от общения с людьми той же культуры, что и ваша?».

Затем информанту предлагалось исследовать межкультурное общение в своей жизни с точки зрения 4-х уровней осознанности: сочетание концентрации на настоящем, присутствие; внимательное осознание одновременно и себя и другого; принятие другого без осуждения и сдерживание автоматических реакций. Исследование опыта поддерживалось такими вопросами: «Присутствие, бытие в настоящем обычно отмечают, как составляющую осознанности. Как это проявляется в общении с людьми другой культуры? Расскажите о конкретных примерах, ситуациях».

Интервью проводилось через программу видеоконференции (длительностью от 1 до 1,5 ч); во всех случаях велась видео- и аудиозапись.

Аналитическая стратегия. При обработке результатов использовались тематический анализ данных и феноменологический подход, ориентированный на изучение сущности переживания непосредственного опыта респондентов (Creswell, 1997). Его цель – описать смысл изучаемого явления (Starks, Trinidad, 2007).

При кодировании данных феноменологического исследования конкретные утверждения анализируются и классифицируются на релевантные тематике исследования кластеры значений.

Процедура анализа включала в себя следующие этапы:

1. Первичное кодирование и объединение полученных кодов в категории в первом интервью.

2. Объединение категорий, поиск связи между разными категориями, объединение полученных групп категорий в кластеры в первом интервью.

3. Анализ последующих интервью. На этом этапе происходило сопоставление категорий из первого анализа с категориями, выделенными из других интервью, и финальная корректировка категорий в кластеры, связанные с теоретической рамкой исследования (Smith, Osborn, 2007).

4. Соотнесение полученных данных с теоретической моделью.

Применялся интерпретативный вариант феноменологического анализа в целях проверки теоретической модели.

Валидность качественного исследования обеспечивается соблюдением правил качественного исследования на этапе сбора, анализа и интерпретации данных (Мельникова и др., 2014).

Выдержки из транскриптов представлены в разделе «Результаты исследования». Они выбраны с целью проиллюстрировать наполнение выделенных категорий и показать логику связи между ними.

Результаты исследования

Далее мы последовательно обсудим результаты качественного анализа по основным и дополнительным категориям (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Основные категории / Main categories	
Теоретические категории / Theoretical categories	
Концентрация на настоящем, присутствие / Concentration on the present, presence	
Внимательное осознание одновременно и себя и другого / Attentive awareness of both yourself and the other at the same time	
Принятие другого без осуждения / Accepting the other without condemnation	
Сдерживание автоматических реакций / Inhibition of automatic reactions	
Дополнительные категории / Additional categories	
Мотивы обращения к практике майндфулнесс / Motives for applying to mindfulness practice	
Культурные ценности / Cultural values	
Механизм процесса направленного внимания / Mechanism of the directed attention process	
Майндфулнесс как универсальные способности / Mindfulness as universal abilities	

Для удобства анализа интервью представим в сжатом виде содержание основных ситуаций межкультурного взаимодействия наших информантов, на примере которых проанализированы уровни осознанности. Были исследованы примеры межкультурного общения наших информантов с выходцами из стран СНГ (таксисты, продавцы розничной торговли, сотрудники ЖКХ, водители общественного транспорта). Также были обсуждены и проанализированы примеры межкультурного взаимодействия с представителями восточно- и западноевропейских стран как в контексте дружественного и неформального общения, так и в контексте профессионального взаимодействия. Также исследованы примеры межкультурного общения в контексте туристических путешествий (Ближний Восток), временной миграции (по учебе) и ситуации постоянной миграции. В рамках обсуждения опыта постоянной миграции глубоко и подробно описан пример особенностей культурной адаптации в страну Центральной Европы.

Рассуждение о роли осознанности в межкультурном общении предвзялось примерами мотивов обращения к этой практике. Один из мотивов можно охарактеризовать как развитие собственных когнитивных компетенций: «Я понял, что у меня плохо с концентрацией... Теряю продуктивность... Не успеваю что-то нормально сделать. Не могу на чем-то сосредоточиться» (В). Был выделен также мотив самопознания – выраженный в потребности узнать себя: «Встретился с необходимостью что-то узнать о себе. (Появилось) много непонятных вопросов» (Д). Также выявлен мотив самопомощи – через ценность дружелюбного любопытства к себе и развитие установок об априорно хороших чертах у людей в целом: «Осознанность (позволила понять) что на самом деле люди хорошие... Когда люди плохо ведут (себя) по отношению ко мне, я думаю: „Насколько же тебе на самом деле больно, что приходится так поступать?“» (Ж). «Не очень спокойный был для меня период (медитации как способ решения проблем)» (Е).

Анализ опыта осознанности в межкультурном общении позволяет выделить роль личных культурных ценностей как определяющих выборы того

или иного поведения в ситуации общения. Ценность и установка «любящая доброта» (Метта) позволяет респондентам реализовывать внутреннее принятие и последующее отношение любви (эмоционального положительного принятия даже в случае ярко выраженного негативного проявления со стороны партнера по общению): «Я желаю счастья, всех причин счастья, любви, здоровья – себе... Сначала я желаю себе... Потом – близкому человеку. Потом – нейтральному человеку. Потом – неприятному человеку... Расширяю круг людей» (Б). «С практиками любящей доброты поняла, что на самом деле люди – хорошие»; «Практика осознанности дает базовую установку в любящем отношении к миру» (Ж). Установка толерантности выражается в осознании права других видеть мир и понимать его с их точки зрения: «(осознанность позволяет понять) что любой человек имеет право на свое собственное понимание – это их культура и это нормально» (В). Пример толерантности как опыт принятия отличного от твоей личной точки зрения приводится в описании последствий культурной адаптации: «Я, с одной стороны, возмущаюсь этой историей (когда родители приводят на учебу детей с выраженным простудным заболеванием), с другой стороны – я сопереживаю родителям, дети которых болеют... То есть, испытываю не только негодование по отношению к ним, но и сочувствие, какой-то уровень толерантности» (З).

Убеждение в равности и одинаковости людей тоже характеризует ценностные установки информантов: «Я считаю, что нет различий... Что люди все – одинаковые. У всех (представителей разных культур) есть добрые, злые, умные, глупые и т. д. Человек не заслуживает пренебрежения... Но хочет своей радости в жизни» (Е). Пожелание хорошего и убеждение, что люди заслуживают счастья – одна из направляющих в выборе поведения, ценностей и установок: «Принятие, что мы все – разные... Доброе отношение к себе и окружающим... Я ему желаю хорошего» (И).

Несмотря на то, что гайд интервью предлагал схему уровней осознанности в чем-то отличную от практики информантов, мы согласовали язык описания и обобщили механику процесса осознанности. Необходимо отметить, что информанты акцентировали наше внимание на то, что осознанность описывается лучше словами «направленное внимание» или «памятование» (Е). В целом механика направленного внимания представляет собой последовательный процесс: ощущение в теле; поиск причины данного ощущения; связь данного ощущения с эмоциями; анализ окружающей среды с целью выявления объективных причин появления данных эмоций; и, если причины есть – принятие решения о резком прекращении общения; если причин нет – анализ собственных установок, стереотипов и т. д., которые вызвали данную эмоцию; техническая работа с эмоциями с целью снижения негативных ощущений.

Информанты описывали первичный акт как направленную внимательность к внутренним ощущениям (ощущениям в теле): «У меня в солнечном сплетении, в плечах что-то происходит (в ответ на травматичные отношения с родственниками)» (И). «Задержка дыхания (как результат развития чувствительности в теле)» (Д). Переживание телесной информации может

чувствоваться как особая волна: «Первым делом идет волна. Ты начинаешь думать, что мешает» (Е).

Пример механики в целом может быть проиллюстрирован на примере анализа раздражающей ситуации громкой видеоконференции в автобусе выходцами из среднеазиатских республик: «Первым делом идет волна – ты думаешь, что тебе мешает. Ты возвращается в нейтральную позицию и делаешь вдох-выдох. Начинаешь вслушиваться в разговор. Это помогает быть в присутствии. *(Для того, чтобы переключиться с реактивности.)* Сочиняю о человеке историю или не обращаю внимания. Ок! Делаю вдох-выдох и абстрагируюсь от этого» (Е).

Работа осознанности (направленного внимания) может быть описана через более чуткое вслушивание в физиологические ощущения внутри организма, например: «Я в коммуникации с человеком, вдруг чувствую, что внезапно стало холодно. Это маячок. Я замечаю *(что данное состояние не соответствует текущему моменту)*... Обращаю внимание в тело – как я дышу, не зажат ли живот, где явные спазмы *(я знаю как связаны физиологические ощущения и эмоции)*... Я вспоминаю, когда это было, когда я чувствовала это. И сравниваю. И понимаю, что ситуация не такая. Похожая, но не такая. Тогда – вдох-выдох, я расслабилась и все» (Ж).

Анализ механики процессов осознанности позволяет рассмотреть их и проанализировать с точки зрения уровней осознанности: концентрация на настоящем, присутствие; внимательное осознание одновременно и себя и другого; принятие другого без осуждения; сдерживание автоматических реакций.

Концентрация на настоящем, присутствие может быть реализована с точки зрения особого способа – когнитивного якорения: «Браслетик – я здесь!» (Ж). Вообще, концентрация на настоящем и присутствие в большей степени представлены во внимании к телесным ощущениям, которые возникают в ответ на внешние обстоятельства. Выше мы уже рассмотрели ряд примеров. Именно внимательность и чувствительность к телу позволяют распознавать эмоции, которые возникают в режиме реального времени – здесь и сейчас: «Практики развивают чувствительность к телу, а в теле мы чувствуем эмоции, *(за счет этого)* к мыслям становимся более внимательными» (Д). «Фокусом может быть как внутреннее, так и внешнее. В той системе, что я практикую, может быть разделение на: вижу, слышу, чувствую... Если закрыть глаза, вижу темноту за веками, вижу образы, анализирую, что вокруг происходит, песенка в голове играет... В принципе, фокус может быть и на открытом присутствии, что происходит и внутри, и снаружи» (И).

Внимательное осознание одновременно и себя и другого описывается скорее не как одновременный, но последовательный процесс: «Это сложно назвать одновременным, скорее это – последовательный процесс (в котором используется навык присутствия)... Сначала на себя – свои чувства заметить, а потом – на него, и потом – снова на себя» (Д). В этом процессе происходит смена фокуса от своих ощущений к фокусу поиска причин, которые этот фокус вызывают, с повторениями направления внимания от себя – к другому. Внимательное осознание позволяет воспринимать реальное чувство

тревоги и осознавать причины, которые данную тревогу вызывают: «Майндфулнесс помогал мне замечать свои ощущения и других людей довольно-таки четко и воспринимать мое чувство тревоги как реальное. Ясность в том, что я чувствую в конкретной коммуникации. Это не абстрактные (*представители другой культуры*), а это люди, которые сидят со мной рядом и с которыми я сижу рядом.» (И).

Принятие другого без осуждения, как описывалось выше, в большей степени регламентируется ценностными установками и нравственными императивами информантов. Ориентация на ценности толерантности, любящую доброту (Метта), открытость, убеждения в том, что все люди заслуживают счастья – обеспечивает особое принятие другого без осуждения: «Если я хочу продолжить контакт, то я говорю „твои слова – не очень, я считаю по-другому“, и моя ответственность – не уходить из контакта, а понимать, что человек действует, исходя из своей картины мира» (Ж). Чуткость к другой картине мира партнера по общению сопровождается установками на «движение друг к другу»: «И наша задача в коммуникации – продвигаться друг к другу через навешенные проекции» (Ж).

Принятие другого без осуждения вырабатывает особую чувствительность к поведению, которое опирается на убеждения и влияния СМИ, что приводит к негативным последствиям для общения: «Ты видишь, что в тебе сформировано (негативное отношение к иностранцам, американцам), ты не обязан так реагировать. (*Ты знаешь и отмечаешь, что*) люди слепо реагируют, исходя из старых убеждений... Это влияет на чувство вражды (*и, если я в себе это вижу*) появляется настороженность..., и я становлюсь более внимательным» (Д).

Сдерживание автоматических реакций рассматривается как контроль ответа на раздражение: «Мы замечаем, что нас в это состояние вводит, и раньше, чем я начну действовать, я замечаю, что зажимаюсь, и прежде, чем я начну вести себя привычно, я могу расправить плечи» (И); «Расширение осознания позволяет тебе не быть слишком реактивным» (Д).

Обсуждение результатов

Представление об осознанности как об универсальной способности.

Причиной обращения к практике майндфулнесс выступают разнонаправленные мотивы – познания себя, смысла своей жизни, своих индивидуальных особенностей и личностных черт, сознательная работа с регуляцией реактивных состояний с целью гармонизации или улучшения взаимодействия с людьми. Иными словами, практика дает возможность быть «на своем полюсе», исследовать свои состояния, эмоции, переживания, ценности, цели, но практика также позволяет быть более внимательным, предупредительным, терпимым к собеседнику, партнеру по общению. Майндфулнесс понимается информантами как управляемое направленное внимание к себе, к своим состояниям и к тому, что вокруг. Обобщая описания информантами процесса направленного внимания, мы можем выделить общую для всех формулу – получение информации от тела как суммы физиологических ощущений (зажатость или спертость дыхания, зажатость в животе, скованность в плечах)

является сигналом для исследования причин данного состояния. Анализ отмеченных физиологических ощущений на предмет их связей с эмоциями (ощущение напряжения может быть причиной эмоции страха). Если эмоция осознается, происходит анализ окружающей внешней среды с целью выявления объективной причины, которая вызвала данную эмоцию (объективная опасность, исходящая от людей или обстоятельств). Дальнейшее поведение: если опасность объективно существует, то принимается решение уйти, убежать, покинуть место опасности. Если объективной причины не выявлено, то информант возвращается к себе и анализирует возникновение эмоций с точки зрения установок, ценностей, предубеждений и стереотипов. Далее признает право эмоции быть (отмечание эмоции) и, если эмоция чрезмерная (гнев, гипервозбуждение), происходит физиологический контроль снижения эмоции (вдох-выдох). Дальнейшее поведение регулируется собственным выбором: продолжать взаимодействие или не продолжать его (выбор поведения опирается на ценности, нравственные императивы, установки на любящую доброту). Основным фактором, влияющим на снижение контроля за реактивностью, выступает депривация ресурсов (время, питание, сон, здоровье). Иными словами, при недостаточности сна способность к контролю за эмоциональным состоянием снижается, вследствие чего увеличивается риск реактивности ее последствий – неконтролируемого ответного поведения. Одним из факторов риска для контроля реактивности выступает ресурс времени – при общении в режиме высокого уровня скорости (для некоторых культур являющегося нормативным) время между стимулом и реакцией практически стремится к нулю. То есть при типичном взаимодействии нет возможности (или она уменьшается) «взять паузу» перед собственным ответом, и человек переходит на автоматические ответы (описывается респондентами как «автоматизм», «стереотипы»). Нарушения питания приводится как один из частых факторов, приводящих к снижению контроля за ситуацией и способностью к управлению вниманием.

Одним из основных мотивов поведения при принятии решений у наших информантов выступают особые ценности, нравственные императивы и убеждения. В числе основных можно привести такие, как любящая доброта, толерантность, убеждение в том, что все люди желают счастья и заслуживают хорошего, что люди разных культур равны. При этом выбор поведения может опираться как на религиозные убеждения, так и на общечеловеческие универсальные ценности общежития (быть внимательным и предупредительным друг к другу, не причинять вреда друг другу).

Несмотря на то что информанты описывали внутреннюю механику процесса осознания «своими словами», нам удалось соотнести язык индивидуальных описаний с нашей теоретической рамкой с целью исследования процессов, которые происходят в контексте ситуаций межкультурного общения: концентрация на настоящем, присутствие; внимательное осознание одновременно и себя и другого; принятие другого без осуждения; сдерживание автоматических реакций.

Присутствие, бытие в настоящем. Анализируя межкультурное взаимодействие в контексте присутствия, мы выявили, что он описывался как направленный взгляд внутрь, на свои физиологические ощущения, что про-

являлось в повышенном контакте с собой через осознание и отмечание сиюминутных текущих эмоций. Это выражается в таких описаниях, как: я здесь, вокруг меня происходят какие-то события или рядом со мной находятся какие-то люди. Такое отмечание приводит к особой остроте восприятия себя в контексте реального времени и места.

Внимательное осознание одновременно и себя и другого. Одновременное осознание и себя и другого наиболее полно описывается таким особым механизмом «внутреннего сканирования»: что-то происходит в моем теле, какие-то зажимы, трудности дыхания. Это позволяет, по словам респондентов, задавать особые вопросы самому себе: какие эмоции послужили причиной данного физиологического состояния? Насколько они сильно выражены? Данные вопросы позволяют респонденту переместить фокус внимания с самого себя на другого или на внешнюю ситуацию с последующим анализом. Данный анализ также выражается в вопросах «самому себе»: существует ли объективная причина для того, чтобы я испытывал ту или иную эмоцию? Есть ли в окружающей действительности причины, которые вызвали мое состояние или причины «в моей голове»? В дальнейшем вновь происходит обращение к «самому себе», смещается фокус внимания с окружающей действительности на самого себя и происходит исследование внутренних причин, которые запустили ту или иную физиологическую реакцию или эмоциональное состояние. После работы с причиной того или иного физиологического или эмоционального состояния, выраженной в дыхании или иных психотехниках, происходит смещение фокуса внимания с «самого себя» обратно на собеседника или ситуацию.

Иными словами, данный уровень описывался информантами как последовательный, а не одновременный процесс – сначала к себе, затем вовне, далее опять к себе и т. д. Возможно, увеличение формальной практики медитации и углубление опыта неформальной практики, то есть реализация техник и установок майндфулнесс в обычной жизни, в дальнейшем убыстряет этот процесс последовательного анализа до практически одновременного. Однако увеличение формальной и неформальной практики, по мнению информантов, в дальнейшем может привести к позиции не-вовлечения в большое количество социальных вызовов. Данная не-вовлеченность напоминает отстранение, эмоциональное не вовлечение.

Принятие другого без осуждения. Принятие другого без осуждения – одно из основных последствий практики осознанности. В большей степени принятие без осуждения исходит из убеждений и ценностей, которые влияют на выбор той или иной модели поведения в разных ситуациях. Принятие другого без осуждения отталкивается от убеждения в том, что люди априори равны между собой, стремятся к собственному счастью. Принятие других без осуждения отталкивается также от убеждения, что наша оценка другого может строиться на наших «культурных линзах», а значит, наше восприятие может быть ошибочным. Также этому способствует установка любящей доброты. Любящая доброта может рассматриваться как последовательное развитие способности любить и принимать себя и других людей, в том числе неприятных или враждебно к нам настроенных. Это приводит к состоянию «открытости миру», являющейся особым переживанием доверия к другому человеку, другим обстоятельствам жизни.

Принятие без осуждения также отталкивается от особых ценностей и нравственных императивов «не поступать по отношению к другому плохо», жестоко, несправедливо. Иными словами, принятие без осуждения – это способность, с одной стороны, видеть универсальные ценности, которые регулируют взаимодействие людей, а с другой стороны – обеспечение внутренней ориентации на принятие другого, доброту по отношению к нему и любовь.

Сдерживание автоматических реакций. Сдерживание автоматических реакций представляет собой контроль реактивности. Данная способность сопровождается умением распознавать физиологические состояния и находить им объяснения с дальнейшим принятием решений о наиболее подходящем ответе на данные ощущения. Контроль реактивности обеспечивается за счет навыков: расслышать сигналы телесных ощущений; найти объяснения телесным ощущениям; выработать установку на принятие другого без осуждения.

Способность контроля реактивности выражается во внутреннем переживании расстояния между стимулом и реакцией, то есть между раздражающим событием и/или внутренним ощущением, временно не осознанным, и нашей эмоциональной и поведенческой реакцией на полученную информацию (реакция может быть выражена в виде агрессивного вербального или невербального ответа). Контроль реактивности обеспечивается в первую очередь навыком внимательного анализа ощущений, которые возникают в теле с дальнейшей их интерпретацией. За счет времени, необходимого для анализа, осуществляется расстояние между стимулом и реакцией. Контроль реактивности неизбежно снижается в случае депривации ресурсов, при этом ресурсами могут выступать совершенно разные факторы – это может быть и объективное состояние здоровья (болезненные физиологические ощущения различного происхождения и выраженности; утомление разной степени выраженности; недостаточность сна) и ресурс времени (увеличение скорости обмена вербальной и невербальной информацией между собеседниками; необходимость удерживать расписание у нескольких участников общения; различное отношение ко времени у представителей разных культур).

Полученные результаты позволяют соотнести их с данными исследований Тинг-Туми (Ting-Toomey, 2015), которые описывают, что при развитии уровне осознанности, даже в случае проблемного межкультурного взаимодействия, возникающие ощущения и эмоции поддаются контролю реактивности. Активизация компонента внимательного мониторинга имеет решающее значение для контроля эмоционального возбуждения и эмоциональной реактивности в межкультурном общении.

Одним из важных следствий настоящего анализа является чувствительность к последствиям стереотипов и проекций для коммуникации, что подтверждается исследованиями Тинг-Туми. Таким образом, именно осознанность по отношению к собственным ощущениям и эмоциям, сдерживанию автоматических реакций, неосуждающему принятию приводит к снижению межгрупповой тревоги и страха при общении с культурно непохожими партнерами по общению.

Заключение

Качественный анализ вклада осознанности в ситуации межкультурного взаимодействия позволяет сделать предварительное заключение. Наше исследование в целом подтвердило данные Тинг-Туми о роли осознанности в

межкультурном взаимодействии. Глубинный качественный анализ позволил получить описания того, как осуществляется осознанность в ситуации межкультурного взаимодействия в целом и как осознанность реализуется на каждом из теоретических уровней: концентрация на настоящем, присутствие; внимательное осознание и себя и другого; принятие другого без осуждения; сдерживание автоматических реакций.

Особый вклад в переживание эффективности и осмысленности межкультурного взаимодействия вносит идея ценностей и нравственных императивов, которые позволяют участникам взаимодействия сделать тот или иной выбор в общении.

Развитие осознанности как направленного внимания формирует особую чувствительность к телесным ощущениям и эмоциональным состояниям, что в итоге приводит к позитивному и эффективному межкультурному взаимодействию. Особый вклад в эффективность взаимодействия также вносит безоценочное принятие другого, выраженное в установках любящей доброты и толерантности, и сдерживание автоматических реакций как способ контроля реактивного поведения – иными словами, навык обращения к своему внутреннему состоянию в ответ на внешний сигнал обеспечивает необходимую паузу для анализа и контроля ситуации в межкультурном общении.

В целом, мы полагаем, что проведенный качественный анализ позволил углубить и уточнить роль осознанности в переживании эффективного межкультурного общения и получить ответ на основной исследовательский вопрос о том, каково содержание переживания межкультурной коммуникации в контексте четырех уровней осознанности: концентрации на настоящем, внимательном осознании одновременно себя и другого, принятии другого без осуждения и сдерживании автоматических реакций.

В завершение данной статьи необходимо упомянуть об **ограничениях применения полученных результатов**. Информанты как практикующие майндфулнесс в анализе межкультурного взаимодействия опирались на собственные модели осознанности. Необходимость переводить их описание в наш теоретический контекст приводило к проблеме языковой адаптации их анализа. В дальнейшем для более глубокого и точного описания механизмов осознанности необходимо опираться на те модели, которые существуют в сознании у носителей данной практики – непосредственно у информантов.

Исследование носит эмпирический характер, целью которого является продолжение проверки интегративной модели межкультурной коммуникации. Результаты данного исследования могут послужить основой для развития интегративной модели, описывающей роль тревоги и неопределенности в межкультурном общении, и позволяют операционализировать данные в измерительные шкалы для количественных исследований в области оценки роли осознанности в межкультурном общении.

Список литературы

- Дьяков Д.Г., Слонова А.И. Практики осознанности в развитии когнитивной сферы: оценка краткосрочной эффективности программы Mindfulness-Based Cognitive Therapy // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 1. С. 30–47. <https://doi.org/10.17759/cpp.2019270103>

- Зеликсон Д.И. Взаимосвязь осознанного присутствия и субъективного благополучия // Современная зарубежная психология. 2016. Т. 5. № 3. С. 92–99. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2016050310>
- Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003. 301 с.
- Мельникова О.Т., Кричевец А.Н., Гусев А.Н., Бусыгина Н.П., Хорошилов Д.А., Барский Ф.И. Критерии оценки качественных исследований // Национальный психологический журнал. 2014. № 2 (14). С. 49–51. <https://doi.org/10.11621/npj.2014.0206>
- Пуговкина О.Д., Шильникова З.Н. Концепция mindfulness (осознанность): неспецифический фактор психологического благополучия // Современная зарубежная психология. 2014. № 2. С. 18–28.
- Ткаченко Н.В., Хухлаев О.Е. Интегративная модель межкультурного взаимодействия: опыт качественного анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 18. № 3. С. 459–474. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-3-459-474>
- Федунина Н.Ю., Вихристюк О.В., Банников Г.С. Практики осознанности в профилактике суицидального поведения подростков (обзор зарубежных исследований) // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2019. № 2. С. 121–144. <https://doi.org/10.11621/vsp.2019.02.121>
- Хухлаев О.Е. Интегративная социально-психологическая модель оценки и прогнозирования эффективности межкультурного взаимодействия // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 4. С. 26–41. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110403>
- Brown K.W., Ryan R.M. The benefits of being present: mindfulness and its role in psychological well-being // Journal of Personality and Social Psychology. 2003. Vol. 84. No. 4. Pp. 822–848. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.84.4.822>
- Creswell J.W. Qualitative inquiry and research design: choosing among five traditions. Thousand Oaks, CA: Sage, 1997. 450 p.
- Dekeyser M., Raes F., Leijssen M., Leysen S., Dewulf D. Mindfulness skills and interpersonal behaviour // Personality and Individual Differences. 2008. Vol. 44. No. 5. Pp. 1235–1245.
- Gudykunst W.B. A model of uncertainty reduction in intercultural encounters // Journal of Language and Social Psychology. 1985. Vol. 4. No. 2. Pp. 79–98. <https://doi.org/10.1177/0261927X8500400201>
- Gudykunst W.B., Nishida T. Anxiety, uncertainty, and perceived effectiveness of communication across relationships and cultures // International Journal of Intercultural Relations. 2001. Vol. 25. No. 1. Pp. 55–71. [https://doi.org/10.1016/S0147-1767\(00\)00042-0](https://doi.org/10.1016/S0147-1767(00)00042-0)
- Hammer M.R., Wiseman R.L., Rasmussen J.L., Brusckie J.C. A test of anxiety/uncertainty management theory: the intercultural adaptation context // Communication Quarterly. 1998. Vol. 46. No. 3. Pp. 309–326. <https://doi.org/10.1080/01463379809370104>
- Kabat-Zinn J. Mindfulness-based interventions in context: past, present, and future // Clinical Psychology: Science and Practice. 2003. Vol. 10. No. 2. Pp. 144–156. <https://doi.org/10.1093/clipsy/bpg016>
- Neuliep J.W. The relationship among intercultural communication apprehension, ethnocentrism, uncertainty reduction, and communication satisfaction during initial intercultural interaction: an extension of anxiety and uncertainty management (AUM) theory // Journal of Intercultural Communication Research. 2012. Vol. 41. No. 1. Pp. 1–16. <https://doi.org/10.1080/17475759.2011.623239>
- Smith J.A., Osborn M. Interpretative phenomenological analysis // Qualitative Psychology – a Practical Guide to Research Methods / ed. by J.A. Smith. London: Sage Publications, 2007. Pp. 53–80.
- Starks H., Trinidad S.B. Choose your method: a comparison of phenomenology, discourse analysis, and grounded theory // Qualitative Health Research. 2007. Vol. 17. No. 10. Pp. 1372–1380. <https://doi.org/10.1177/1049732307307031>
- Stephan W.G., Stephan C.W., Gudykunst W.B. Anxiety in intergroup relations: a comparison of anxiety/uncertainty management theory and integrated threat theory // Inter-

national Journal of Intercultural Relations. 1999. Vol. 23. No. 4. Pp. 613–628.
[https://doi.org/10.1016/S0147-1767\(99\)00012-7](https://doi.org/10.1016/S0147-1767(99)00012-7)

Thomas D.C. Domain and development of cultural intelligence: the importance of mindfulness // *Group and Organization Management*. 2006. Vol. 31. No. 1. Pp. 78–99.
<https://doi.org/10.1177/1059601105275266>

Ting-Toomey S. Mindfulness // *Encyclopedia of Identity*. Fullerton: Sage, 2010. Pp. 455–458.

Ting-Toomey S. Mindfulness // *The Sage Encyclopedia of Intercultural Competence* / ed. by J.M. Bennett. Fullerton: Sage, 2015. Pp. 620–626.

Ting-Toomey S., Dorjee T. Intercultural and intergroup communication competence: toward an integrative perspective // *Communication Competence* / ed. by A. Hannawa, B. Spitzberg. Berlin, München, Boston: De Gruyter Mouton, 2015. Pp. 503–538.
<https://doi.org/10.1515/9783110317459-021>

История статьи:

Поступила в редакцию 25 декабря 2021 г.

Принята к печати 15 февраля 2022 г.

Для цитирования:

Ткаченко Н.В., Хухлаев О.Е. Осознанность в межкультурной коммуникации: опыт качественного анализа // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2022. Т. 19. № 1. С. 110–127. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-110-127>

Сведения об авторах:

Ткаченко Наталья Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-0315-8511, eLIBRARY SPIN-код: 9214-5834. E-mail: tkachenkonv@mgppu.ru

Хухлаев Олег Евгеньевич, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-4620-9534, eLIBRARY SPIN-код: 7510-5633. E-mail: huhlaevoc@mgppu.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-1-110-127

Research article

Mindfulness in Intercultural Communication: A Qualitative Analysis Experience

Natalya V. Tkachenko , Oleg E. Khukhlaev

Moscow State University of Psychology and Education,
29 Sretenka St, Moscow, 127051, Russian Federation
 tkachenkonv@mgppu.ru

Abstract. The study of intercultural communication has recently become one of the topical issues in the psychology of intergroup relations, intercultural communication and social psychology. Intercultural communication is considered within the framework of communication theory

and describes the features and mechanisms underlying effective communication. The integrative communication model, previously described by the authors of this article, made it necessary to test the role of mindfulness in intercultural communication. The aim of this research is to analyze the contribution of mindfulness to the situation of intercultural interaction using qualitative research methods. The research was carried out based on the theoretical model of interpersonal mindfulness described at the following levels: (1) concentration on the present, presence; (2) attentive awareness of both oneself and the other; (3) acceptance of the other without condemnation, and (4) inhibition of automatic responses. Using the method of in-depth interviews and subsequent thematic and phenomenological data analysis, the authors were able to describe the mechanisms of mindfulness in intercultural communication in general and at each of the four analytical levels separately. The data obtained as a result of the analysis made it possible to reveal the content of each of the levels of mindfulness. Conclusions were also made about the content of the goals and values of intercultural communication, the motives for specific practices in the life and communication of informants. Methods for controlling reactivity in a situation of uncertainty in intercultural communication were analyzed and the roles of attitudes towards accepting the other without condemnation were described. The results of this study can serve as a basis for the development of an integrative model that will describe the role of anxiety and uncertainty in intercultural communication and allow the data to be operationalized into measuring scales for quantitative research in the field of assessing the role of mindfulness in intercultural communication.

Key words: mindfulness, focused attention, awareness of oneself and another, acceptance of the other without condemnation, inhibition of automatic responses

Acknowledgements and Funding. The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) as part of the Research Project No. 19-013-00892 “An Integrative Socio-Psychological Model for Assessing and Predicting the Effectiveness of Intercultural Interaction.”

References

- Brown, K.W., & Ryan, R.M. (2003). The benefits of being present: Mindfulness and its role in psychological well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*, 84(4), 822–848. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.84.4.822>
- Creswell, J.W. (1997). *Qualitative inquiry and research design: Choosing among five traditions*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Dekeyser, M., Raes, F., Leijssen, M., Leysen, S., & Dewulf, D. (2008). Mindfulness skills and interpersonal behaviour. *Personality and Individual Differences*, 44(5), 1235–1245.
- Dyakov, D.G., & Slonova, A.I. (2019). Mindfulness in the development of the cognitive sphere: Evaluation of the short-term effectiveness of the mindfulness-based cognitive therapy program. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 27(1), 30–47. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/cpp.2019270103>
- Fedunina, N.Yu., Vikhristyuk, O.V., & Bannikov, G.S. (2019). Mindfulness practices in the prevention of suicidal behavior in adolescents (a review of foreign studies). *Moscow University Psychology Bulletin*, (2), 121–144. <https://doi.org/10.11621/vsp.2019.02.121>
- Gudykunst, W.B. (1985). A model of uncertainty reduction in intercultural encounters. *Journal of Language and Social Psychology*, 4(2), 79–98. <https://doi.org/10.1177/0261927X8500400201>
- Gudykunst, W.B., & Nishida, T. (2001). Anxiety, uncertainty, and perceived effectiveness of communication across relationships and cultures. *International Journal of Intercultural Relations*, 25(1), 55–71. [https://doi.org/10.1016/S0147-1767\(00\)00042-0](https://doi.org/10.1016/S0147-1767(00)00042-0)

- Hammer, M.R., Wiseman, R.L., Rasmussen, J.L., & Brusckie, J.C. (1998). A test of anxiety/uncertainty management theory: The intercultural adaptation context. *Communication Quarterly*, 46(3), 309–326. <https://doi.org/10.1080/01463379809370104>
- Kabat-Zinn, J. (2003). Mindfulness-based interventions in context: Past, present, and future. *Clinical Psychology: Science and Practice*, 10(2), 144–156. <https://doi.org/10.1093/clipsy/bpg016>
- Khukhlaev, O.E. (2020). Integrative socio-psychological model for assessment and forecasting the effectiveness of intercultural interaction. *Social Psychology and Society*, 11(4), 26–41. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/sps.2020110403>
- Kvale, S. (2003). *Issledovatel'skoe interv'yu*. Moscow: Smysl Publ. (In Russ.)
- Melnikova, O.T., Krichevets, A.N., Gusev, A.N., Busygina, N.P., Khoroshilov, D.A., & Barskiy, F.I. (2014). Criteria for the evaluation of qualitative research. *National Psychological Journal*, (2), 49–51. (In Russ.) <https://doi.org/10.11621/npj.2014.0206>
- Neuliep, J.W. (2012) The relationship among intercultural communication apprehension, ethnocentrism, uncertainty reduction, and communication satisfaction during initial intercultural interaction: An extension of anxiety and uncertainty management (AUM) theory. *Journal of Intercultural Communication Research*, 41(1), 1–16. <https://doi.org/10.1080/17475759.2011.623239>
- Pugovkina, O.D., & Shilnikova, Z.N. (2014). The concept of mindfulness: Nonspecific factor of psychological wellbeing. *Modern Foreign Psychology*, (2), 18–28.
- Smith, J.A., & Osborn, M. (2007). Interpretative phenomenological analysis. In J.A. Smith (Ed.), *Qualitative Psychology – a Practical Guide to Research Methods* (pp. 53–80). London: Sage Publications.
- Starks, H., & Trinidad, S.B. (2007). Choose your method: A comparison of phenomenology, discourse analysis, and grounded theory. *Qualitative Health Research*, 17(10), 1372–1380. <https://doi.org/10.1177/1049732307307031>
- Stephan, W.G., Stephan, C.W., & Gudykunst, W.B. (1999). Anxiety in intergroup relations: A comparison of anxiety/uncertainty management theory and integrated threat theory. *International Journal of Intercultural Relations*, 23(4), 613–628. [https://doi.org/10.1016/S0147-1767\(99\)00012-7](https://doi.org/10.1016/S0147-1767(99)00012-7)
- Thomas, D.C. (2006). Domain and development of cultural intelligence: The importance of mindfulness. *Group and Organization Management*, 31(1), 78–99. <https://doi.org/10.1177/1059601105275266>
- Ting-Toomey, S. (2010). Mindfulness. *Encyclopedia of Identity* (pp. 455–458). Fullerton: Sage.
- Ting-Toomey, S. (2015). Mindfulness. J.M. Bennett (Ed.), *The Sage Encyclopedia of Intercultural Competence* (pp. 620–626). Fullerton: Sage.
- Ting-Toomey, S., & Dorjee, T. (2015). Intercultural and intergroup communication competence: Toward an integrative perspective. In A. Hannawa & B. Spitzberg (Ed.), *Communication Competence* (pp. 503–538). Berlin, München, Boston: De Gruyter Mouton. <https://doi.org/10.1515/9783110317459-021>
- Tkachenko, N.V., & Khukhlaev, O.E. (2021). An integrative model of intercultural interaction: A qualitative analysis experience. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 18(3), 459–474. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-3-459-474>
- Zelikson, D.I. (2016). The interrelation between mindfulness and subjective wellbeing. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 5(3), 92–99. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/jmfp.201605011>

Article history:

Received 25 December 2021

Revised 8 February 2022

Accepted 15 February 2022

For citation:

Tkachenko, N.V., & Khukhlaev, O.E. (2022). Mindfulness in intercultural communication: A qualitative analysis experience. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 19(1), 110–127. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-110-127>

Bio notes:

Natalya V. Tkachenko, PhD in Psychology, is Associate Professor of the Department of Ethnopsychology and Psychological Problems of Multicultural Education, Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0002-0315-8511, eLIBRARY SPIN-code: 9214-5834. E-mail: tkachenkonv@mgppu.ru

Oleg E. Khukhlaev, PhD in Psychology, is Head of the Department of Ethnopsychology and Psychological Problems of Multicultural Education, Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0002-4620-9534, eLIBRARY SPIN-code: 7510-5633. E-mail: huhlaevoc@mgppu.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-1-128-145
UDC 159.9.07

Research article

Is Silence Golden? Chronic Stress and Psychophysiological Indicators' Changes over Time in International Students: A Pilot Study

Iuliia Muzychenko¹, Irina Apollonova¹, David Evans²

¹Bauman Moscow State Technical University,
5 2nd Baumanskaya St, bldg 1, Moscow, 105005, Russian Federation
²Purdue University,
610 Purdue Mall, West Lafayette, IN 47906, United States of America
 iuliia.muzychenko@mail.ru

Abstract. Most people assume studying or working abroad would be stressful – but would one ever think that it could be detrimental to the health? Stress literature relates cross-cultural transactions to the chances of gaining higher levels of chronic stress. This paper reports the results of two studies on international students in Moscow in 2018. Specifically, Study 1 assessed how cross-cultural transactions perceived to affect health state during the first 6 months of their relocation. Study 2 aimed to investigate if the psychological stress linked to relocation to a different country can possibly lead to psychobiological effects of chronic stress. In Study 1, qualitative methods were applied to conduct 21 interviews with international students. In Study 2, a longitudinal pilot study was conducted for 10 foreign students during the first 2–5 ($M = 3.6$) months of their relocation. Stress related to cross-cultural transactions was expected to affect subjective well-being and health variables. The health state was a relatively silent topic in the interview participants of Study 1. The results of Study 2 showed that the participants had changes in the resting heart rate (RHR) baseline. Perceived chronic stress related to cross-cultural transactions may affect psychophysiological state; however, the affect varies depending on a person. Further research is required for the data consistency and for identifying non-invasive objective risk markers and individual stress pathways, with the goal of identifying “at-risk” students and providing treatment options before any serious harm is done to their health.

Key words: international students, chronic stress, maladjustment, resting heart rate, wearables

Introduction

A lot of people, they couldn't face these challenges or couldn't get over the language barrier or the new culture barrier, they started to hate being here. I know this type of people, like, really, they want to go home or they are not happy about being here, I think it's because they couldn't face any of these challenges (E05P3). (International student describing his experience in Russia)

Enhancing country-to-country interactions has contributed to the emergence of a large number of initiatives, such as the “Development of the export potential of the Russian education system”, an important part of which is cooperation in

© Muzychenko Iu., Apollonova I., Evans D., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

the field of education. In 2017, within the framework of this program, The Ministry of Education and Science announced one of the main components of this program – to strengthen support services for foreign students. Internationalization is a critical key factor for improvements of national educational systems issues in modern higher education (Altbach, Knight, 2007), and, of course, it is necessary to pay special attention to international students' adaptation (Bykova et al., 2018).

Previous research demonstrated that adaptation of foreign students in Russia is conducted at different mental, emotional, intellectual, and physical load levels that leads to low performance, assignment satisfaction (Latipov et al., 2017), psychological maladjustment (Tarasova, 2017), and even to somatic negative outcomes (Pyrkova, 2016). In accordance with the theories of stress, students, when they travel to another country, immediately gain about ten categories (at least 213 points) from the Holmes and Rahe scale (Holmes, Rahe, 1967), and thereupon join the group with the moderate risk of illness. A laboratory-based study reported that frequency of stressors appearance didn't affect heart rate variability, but the greater perception of stress did (Sin et al., 2016). Brosschot states that the use of stressors is usually highly helpful in stress research in living creatures, but the stress response can appear without stressors or threats at all, e.g., stress response can be detected in lonely animals or humans without facing actual threats (2017). Brosschot and colleagues argue that due to the ability to represent past and future stressful events (perseverative cognition), chronic stress response can occur even without any stressor or threat in the present. According to the Generalized Unsafety Theory of Stress (GUTS), stressors are not important for the occurrence of a prolonged stress effect, lack of environmental perception as safe is enough for the appearance of chronic stress (Brosschot et al., 2016a; 2017), which in turn may cause psychophysiological negative outcomes (Everly, Lating, 2013; Slavich, 2016; McEwen, 2008).

When a person moves to another country there are a number of changes that follow along the way, these changes can be compromised in terms of unsafety continuously and unconsciously (Brosschot et al., 2017), which can potentially explain cross-cultural adaptation during first 3–6 months of the relocation that were demonstrated to be most stressful for expatriates and called as “cultural shock” (Draine, Hall, 2000). Van Aswegen (2008) conducted a longitudinal study with 82 expatriates over a period of ten years which indicated a 38% decrease in the levels of self-assessed emotional and physical health after six months on assignment in a foreign country compared with pre-departure. The review of the literature hasn't identified longitudinal studies that would reveal objective information about changes in expatriate's health after the relocation, but research on social isolation, loneliness, renewal of social ties and some other related studies on phenomena similar to conditions that might accompany the first months of relocation report impairment of mental and physical well-being (Cacioppo, Cacioppo, 2014), the present study aims to address this gap in cross-cultural literature.

In this article, authors first seek to identify whether students felt that cross-cultural adjustment process was actually enough to affect their well-being and health in Russia; second, the researchers seek to obtain objective information via

the help of wearable devices. Past research mostly identified main negative effects that come from the relocation to Russia in international students (e.g. see Tarasova, 2017). However, in the same time, studies conducted on foreign students in Russia report that they face different difficulties in different regions (Chebotareva, 2011) therefore in the present article students who relocated to Moscow, Russia to study at Bauman Moscow State Technical University (BMSTU) in 2018 were examined. This study applies definition of “a foreign student” or “an international student” as an individual who leaves their home country and travels to another for the purpose of study as a temporary citizen (Farcas, Gonçalves, 2016).

The relevance of this study is dictated by the fact that increasing one’s self-regulatory capacity would be highly beneficial to one and the connectivity of one with the community by introducing satisfaction and integrity (McCraty, Zayas, 2014). Psychological stress itself is usually measured via three possible methods: self-report, invasive and noninvasive psychobiological health markers. Self-report is the most common way of assessing psychological stress in relation to cross-cultural adjustment and its outcomes. Research trends support that overall psychological stress can have huge implications for expatriates’ health and well-being (Van Aswegen, 2008; Truman et al., 2011). However, information gathered with the self-report method is subjective, hard to monitor consistently and it studies mostly the psychological side of the psychophysiological stress response. Brosschot and colleagues (2017) point out that even though humans can sometimes notice and report some of the stressful experiences, since the default stress response and generalized unsafety are largely unconscious, people may not be aware of many cases that are stressful to us, and therefore self-report cannot be used solely. That is why a wearable objective tool can be an asset to the stress assessment.

In the first study, an exploratory approach was employed in the context of health and wellbeing in order to understand better the subjective challenges that get in the foreign students’ way of obtaining a great learning experience at BMSTU, Moscow, Russia. Therefore, it focuses on the qualitative aspects of stressful experiences.

In the second study, the major focus was on objective parameters, and continuously measured participants’ pulse rate during their first 2–5 months of relocation. Thus, the resting heart rate (RHR) was measured with wearable devices along with analyzing daily routines of students. On top of that questionnaires were distributed, they included questions about cross-cultural adaptation, personal qualities and stressful life events monthly and collected bibliographical information about health.

The aim was identified as the following: firstly, to check if the stress of relocation was perceived as affecting health and wellbeing when abroad, secondly, to see whether the first months of cross-cultural relocation cause the amount of chronic stress that is enough to cause the changes in the resting heart rate baseline, thirdly, to see if the changes have some certain tendencies according to the time spent abroad.

The theoretical contributions of this study were identified as the following: firstly, the cross-cultural adaptation process is investigated through the prism of the GUTS theory and try to combine objective and subjective information to see it

as a complete picture, secondly, there are not that many studies that use RHR as a psychobiological health marker of chronic stress, especially in the expatriate literature, in spite of the fact that it is the simplest and the most accurate to measure, and, thirdly, this article examines how recent stressful life events related to relocation can influence RHR baseline changes in expatriate students during the first months of their relocation to Russia.

The following main research questions were identified: Does cross-cultural transaction lead to changes in RHR? What do the empirical findings mean in a broad context of stress and cross-cultural adaptation?

Study 1

As was mentioned by international specialists, the early terminations rate for the last couple of years was 1–2% of the international students' total number, and some of the common reasons for leaving before the graduation are different climate settings, bad infrastructure and the expectations about education that were not met. In this section, the findings in the context of well-being and health problems that they experienced during the first half of the year in Russia as a part of their assignments were presented. It was anticipated that the findings would assist in reporting the full picture of outcomes. Following this idea, the Cerny-Smith Adjustment Index (Cerny et al., 2007) was employed because of its detailed classification of stressful experiences, and, in this article, the focus is on those that fell in its psychological and physical domains. Psychological stands for negative thoughts and negative feelings, and physical stands for health issues.

In this article, we propose the data analysis interviews, questionnaires and check the baseline heart rate data. By that, we look at heterogeneity of this phenomena (different emotional stability and different heart rate baselines) to develop some ideas of how personality may change the heart rate's.

Method

Design. We employed inductive thematic analysis, which primarily has a descriptive and exploratory orientation (Guest, 2014) and followed Lincoln and Guba's trustworthiness criteria as recommended by Nowell and colleagues for thematic analysis (Nowell et al., 2017). The study protocol was reviewed and approved by BMSTU authorities. Participants were recruited using census-based sampling over five months between May and November 2018. After the series of follow-ups (3 emails), 19 foreign students were recruited for the interviews, also, 2 students sent back detailed opinions about the topic and declined to attend the semi-structured interview (the response rate is 2.4%). Some relevant comments of international educational specialists on the topic of health and well-being are introduced in the results section of this article as well. Follow-ups and a long time of data collection were an attempt to reduce recruitment bias.

The interview guidelines were developed with the advisory of group members in order to reduce potential data collection bias and were translated into English using the back-translation method. The semi-structured interview questions were originated from the literature review and included topics such as knowledge and understanding of cross-cultural adjustment process, common stressors during

the cross-cultural adaptation period, and reactions to the adjustment process in students' lives.

Sample. Participants of the interview were from such countries as Germany, France, Iran, Kazakhstan, Netherlands, Bulgaria, China, Italia, Syria, Afghanistan, Armenia, Mongolia. The biggest part of the participants were male (84%) with the small part of participants being female (16%). The time each of them spent in Russia at the moment when the interview took place varied from 1 month to more than a year, with the majority (70%) no longer than 6 months (these are the most difficult ones when relocated to Russia and abroad in general) (Draine, Hall, 2000; Baklashova, Kazakov, 2016; Kamara, 2012). This is what gave us a chance to capture the fresh impressions. To protect the identity of the individuals, the further personal identifiers were not mentioned since they don't enrich the collected and analyzed information presented in the results section (Kaiser, 2009). All procedures in the studies involving human participants were in accordance with the ethical standards of the institutional research committee and with the 1964 Helsinki declaration and its later amendments or comparable ethical standards.

Data collection and data analysis. Due to the cross-language nature of the study, the interviews were conducted in two languages: English (7) and Russian (12) according to the stated preference of each of the subjects. Their level of language was Upper-Intermediate and higher. The interview length varied from 13 to 73 min with a mean of 20 min, and the field notes and tape records were used as additional methods of data collection to reduce investigator bias. All interviews were conducted privately and rapport was established by a period of informal talk. The first author conducted all the interviews in order to ensure consistency in the questions asked of all participants and undertook verbatim transcriptions. The interviews with educational cooperation specialists were conducted last, both in Russian. Inductive thematic analysis of the interview content was used to identify categories and key themes. Following the development of codes from the data analysis, major themes were identified, later on, they were grouped according to the CSAI stress categories. In the present article only the psychological and physical domains are discussed and described as an integrated whole.

Results

When they feel they are not adapted, it also affects the university and their studying. Because they don't feel good about it, so they cannot get used to the university. So, it's like the earlier he is adopted, the better he can study. <...> I saw it with my own eyes, because I had some classmates that couldn't attend the class because they were not adapted for the situation. So, they can skip it, and when you skip a class, it happens again, you skip for a week, and then for the second week (E09P9).

Stress has been recognized as a reason of morbidity and mortality of many diseases and as a risk factor for different risk behaviors in our lives, foreign students are at a higher risk since they face many additional challenges related to changes that come along with the relocation, assignments, and also because they are generally going through the life changes. The present article provides a current snapshot, therefore advancing our understanding of foreign students' stress outcomes in the context of the health and wellbeing.

International educational specialists pointed out that there were some notable advantages that students from different regions could use. Students who come from the CIS countries usually face the least problems due to the fact that they share with Russia a common cultural ground after the Russian Empire and the USSR times. Many of them still study Russian language as the second language and that helps them to get integrated. Students who come from Asian regions (e.g. China, Myanmar, Vietnam) use an advantage of huge countrymates' communities at BMSTU and in Moscow in particular. There are only Syrian students who have a comparably large community among the middle east countries, moreover, they are sent by the same organization that creates an additional support resource when they arrive in Russia. European students have a similar mentality, that and good knowledge of English help them to adapt in Moscow.

However, the adjustment process in Moscow was different for everyone, it's difficult to say that there is one similar way of how it progresses over time or what particular adapting strategies one may choose to employ, which corresponds with the results of the previous studies – a multi-regional study that involved more than 300 students (Chebotareva, 2011) didn't reveal any general patterns reflecting the dynamics of intercultural adaptation of foreign students in Russia as a whole.

In the same time, those who stayed in Russia longer than 6 months seemed to be adjusted better than those who were just relocated, especially for the first time, which also correlated with the results of the previous studies. Baklashova and Kazakov state that students experience increased levels of problems, or so-called "transitional difficulties", once they move to Russia (Baklashova, Kazakov, 2016), Kamara (2012) also found out that 59.9 % of foreign students in Russia are experiencing elevated levels of stress during the first year of study, while another study on foreign students in Russia (Fomina, 2004) reported that foreign students by the fourth year of studies begin to feel almost at home in some aspects of their lives. All of that corresponds with the U-Curve Adjustment to a new culture (Black, Mendenhall, 1991).

Yes, my moods were sometimes down <...> when in the evenings I was thinking "Why did I do that [came to Russia]? Where am I? What am I doing here?" (P02P5).

In the group of 21 students, events related to psychological and physical stress were mentioned 17 times. The students were telling general situations or outcomes that they or their friends faced in Russia: weather changes and its relation to frequency of sicknesses or mood changes, changes in food habits or weight gain, fatigue or overall health state. Therefore, researchers investigated respondents' relative silence on this specific topic. According to the previous longitudinal studies on expatriates relocation that used quantitative and qualitative methods, there is much evidence that long periods of relocation, or a general change of environment may affect health state, physical and psychological well-being of a person, some great examples are studies on emotional burn-out, levels of depression, stress, chronic fatigues in expatriates and foreign students in particular (e.g. see Van Aswegen, 2008; Truman et al., 2011).

Some worth mentioning examples are following for illustrating how basic situations in the cross-cultural context could be perceived as critical and therefore

could have dramatic negative outcomes for adults who decided to enroll in an educational program abroad. For instance, social aspects such as social rejection in the new environment, may become that one thing that can affect all spheres of life:

He can not get along with the new social group and maybe become abandoned because of some of his own reasons. That usually happens when the community is not well educated, if a person becomes an outcast only because he is different from others. And that affects everything when he can't adapt in the community of students like he is, he can't overall adjust properly, and all bad outcomes start happening. A person starts studying badly, he begins feeling like a fish out of water, and the problems begin. The person starts self-destructing, destroying himself <...> And something can not go smoothly for this person, and then he puts it on a waiting list until later, problems accumulate and that can lead to negative outcomes (E11P4).

Fresh adults who have just graduated from school, many of them leave their homes for the first time, they enter a university, they start living independently from their parents, and that is a huge amount of stress, one student said:

Well, I think that the majority of students are just kids who has just finished school and they feel very unaccustomed. It's not like that they didn't live in a foreign country alone, they also didn't live apart from their parents <...> Well, me, for example, I know Russian and I lived in Russia for several years before, but anyway, studying at university, especially at BMSTU, is very challenging. You don't understand everything and not always have a person to ask a question. And if this stress is about studies, you usually can relax at home next to the close people, but here you don't have that (E12P3).

Discussion

According to statistical report of the medical insurance company that provides its services to about 73% of international students at BMSTU, on average, they receive 1–2 incoming phone calls from 1–2 foreign students on a daily basis. Meanwhile, the “health” topic was found to be relatively silent, students felt uncomfortable talking about the subject and it’s understandable – one’s health is a private matter. Moreover, given the fact that many adults don’t know yet how to manage stressful situations successfully or in the right way, they may meet the “dark side” of chronic stress – psychophysiological negative outcomes. And due to the fact that many people prefer not to share any information related to health with strangers or acquaintances, it makes at least the first several months become a vicious circle because when they move abroad, they need to create their social groups from scratch.

It is known that when a source of acute stress is removed, the body returns to a state of homeostasis, but chronic tonic status may, over time, serve as a basis for a host of psychiatric and psychophysiological disorders (Latipov et al., 2017). Health specialists can detect such outcomes as burn-out, depression or fatigue and others when they have already taken place. What’s more, it is well-known that they are forming as a reaction to stressful events that are emotionally demanding for an individual, but is there a way to detect that transitioning state from “healthy” to “sick” and, consequently, to prevent negative outcomes from appearing? The results of the study suggest that cross-cultural stressors affect lives of students in Russia in the similar way that they affect lives of expatriates in the previous studies, and they may also experience chronic stress outcomes related

to health and well-being. To answer the previously mentioned question, wearable technologies were applied in an attempt to monitor the health state changes under chronic stress in a group of foreign students at BMSTU during their first months of relocation, the details can be found in the following sections.

Study 2

There has been much research utilizing biofeedback as a way to determine the stress associated with different mental tasks or even work/study load in healthy subjects, and even those with chronic diseases, such as PTSD, cardiovascular diseases and others (Mora et al., 2017; Seo, Lee, 2010). Many of these studies showed that chronic stress state is associated with many factors, the primary ones are lower HRV, increased blood pressure, higher cortisol levels and pulse rate (Juster et al., 2011). Although it has long been assumed that stress has an impact on health, scientists have only recently developed the tools that are necessary to assess biological processes that link experiences of stress with disease progression (Slavich, 2016; Muzychenko et al., 2018).

Today, wearable sensors allow continuous long term beat-to-beat monitoring along with many other variables, they are used widely for Quantified Self movement, when people use available “secondary” diagnostic technologies for self-monitoring or so called “self-hacking” - improving healthy habits such as food intake, more sleep, managing stress and increasing productivity (Piwek et al., 2016). Currently, only about 5% of wearables have been formally validated and around 10% of them have been used in research (Peake et al., 2018). One of the first indicators that has been indicated with stress are the ones indicated with cardiovascular activity. Pulse rate is the easiest indicator to detect even without use of wearable technologies, plus, wearables can effortlessly provide detailed longitudinal data for further analysis. Resting pulse rate was associated with stressful life events and allostatic load. Heart rate (HR) is the most frequently used and noninvasively measured vital health indicator in diverse settings (Schubert et al., 2009; Sacha, 2014; Lee et al., 2014). The typical RHR value in healthy people is normally between 50 and 90 beats per minute (bpm), 71 beats/min for males and 74 beats/min for females in adults (Ostchega et al., 2011; Nanchen, 2018). These are approximate values, every person’s measurements vary, but, undoubtedly, higher RHR could indicate stress and a disadvantage in the population at high risk of chronic diseases (Zhang et al., 2016).

The following goals were identified: first, to determine if the first few months of cross-cultural relocation cause the amount of chronic stress that is enough to cause the changes in the heart rate baseline, second, to detect if the changes have some certain trends according to the amount of time spent abroad. Thus, RHR was measured via wearable devices along with the analysis of students’ daily routines, and the research team distributed surveys that included questions about personal qualities, cross-cultural adaptation and stressful life events every month and collected bibliographical information about health state.

Three main research questions were identified: Could changes in RHR be caused by cross-cultural relocation? If yes, are there any trends? What do the measured findings mean in the wide context of stress and cross-cultural adjustment?

Method

Design. For monitoring RHR Sony Smartband 2 was used, that was “emerging” or “promising” by Peake’s classification (Peake, et al., 2018), since it was used in the previous research (González-Landero et al., 2018; Georgiou et al., 2018; El-Amrawy, Nounou, 2015). Pulse rate is the easiest indicator to detect even without use of wearable technologies, plus, wearables can effortlessly provide detailed longitudinal data for further analysis. To analyze the data such tools like Talend, DBeaver, SQL Server and SPSS were used. An ELT system was developed to capture data from hundreds of activity journals and health tracker files. A cloud database was created to support the analysis, RHR was identified according to the measurements and activity journals, RHR trends were found for each participant. The results were analyzed using the visualizations that we created.

Sample. Expatriates that had relocated for attending classes at BMSTU to Moscow, Russia were used as the population for this study, we contacted students with the help of International Students Center. 1 female and 12 males were monitored. Due to inconsistency reasons, some data was not included in the final set, 10 students were included in the final set of data (see Table 1) with a mean age of 21.3, Russian language proficiency varied from Beginner to Intermediate, during the program there were several early program terminations due to different reasons, therefore 8 cases with approximately similar length were used to illustrate the results of the study. BMSTU authorities approved the study protocol; consent was obtained from all study participants, and was in accordance with the Russian Federal Law No 152-FZ “On Personal Data” from 27.07.2006 year.

Table 1

Sample characteristics. Study 2

		Mean = 21.2, SD = 2.3476
Age		
Gender	Male	90%
	Female	10%
Education	Bachelor	70%
	Master	30%
Previous exchange program experience		10%
Has a chronic disease		0%
Had cross-cultural training before the arrival		30%
Smokes		10%
Drinks alcohol		60%
Does sports		90%

Data collection. The students were provided with the wearables and assigned individual on-line activity journals (health journal forms). Activity journals updates accompanied health data collection on a weekly basis. Students could contact the researcher any time and discuss any questions via an online support chat. The data collection reminders were sent to the group a day prior to the data collection. Three tests were the milestones for the entire experiment, students were asked to answer questions about their personality, about their cross-cultural adjustment, wellbeing and some other variables. The main focus of the present article are the heart rate data results.

Data analysis. The zero measurements were excluded. Average value was calculated for each day accounting for the “waking up” time from the participants’ ac-

tivity journals, plus 15 min before/15 min after it was further determined if, according to the accelerometer data, there was no extensive walking detected. The outliers were detected by 1.5 IQR rule, the data was trimmed within 0–8% per participant, influential cases were detected and further investigated with Cook's distance and standardized DFBeta, cases were excluded when the raw data and the activity journals suggested they could be. The final number of excluded cases (outliers and/or influential cases) didn't exceed 13% per an individual sample (see Table 2).

Table 2

Outliers and influential cases			
Participants of the final sample	Cases that meet the criteria	Outliers detected	Influential cases
1	60	5	3
2	29	1	1
3	25	0	1
4	64	4	3
5	75	5	2
6	64	3	4
7	20	0	0
8	32	1	1
9	67	2	0
10	78	0	0
11	54	2	0

Results

During the first several months of relocation, average RHR could either gradually increase or decrease. The mean RHR was 60.55 (SD = 8.65). The partial plots for 7 out of 10 participants showed linear relationship, and r varied from 0.27 to 0.45, therefore, time variable could account for 8–17% of variance in RHR baseline during the first months of relocation. The 2nd participant whose data was found to be significant was interpreted separately because of a shorter time of enrollment (see Table 3). In other words, if one is trying to explain why by the end of the first couple of months RHR baseline has some changes, it might be said that these changes may be explained by many different reasons, and the relocation time could be one of them.

Do our results mean that if there is some correlation then they are accounted for only by the relocation? Not necessarily, but as it was mentioned before, many of factors that could be influential accompany cross-cultural transitions and may possible be the triggers the prolonged stress response.

The linear models for participants, overall, result in significantly good degrees of prediction of the outcome variable RHR ($p < 0.05$). The b coefficients for 7 participants represented a significant contribution to predicting RHR by the time of the stay in an unfamiliar environment of a foreign country according to the results of t -test that was conducted for each of them separately.

In a month, RHR baseline changed levels on average by 2 beats per month during the experiment. That can indicate that some people are more sensitive than others to the changes, or perceive higher allostatic load. 5% of variance in the results can be due to the poorer heart rate recovery after sleep was earlier found to be associated with shorter time spent asleep (Mezick et al., 2014), that is a quite regular phenomenon in college students.

Table 3

Results of linear regression analysis per individual participants								
Participants	F	Sig.	B0 and SE	95% CI	B1 and SE	95% CI	r	r square
1	6.672	0.013	64.846; 0.835	(63.168; 66.524)	-0.029; 0.011	(-0.052; -0.007)	0.343	0.118
2	4.491	0.044	56.9840; 0.118	(52.138; 61.830)	0.249; 0.118	(0.008; 0.491)	0.384	0.147
3	4.525	0.045	67.961; 2.033	(63.745; 72.177)	-0.239; 0.113	(-0.473; -0.006)	0.413	0.171
4	3.676	0.06	54.698; 1.163	(52.367; 57.030)	0.048; 0.025	(-0.002; 0.099)	0.250	0.063
5	0.423	0.517	55.977; 1.217	(53.549; 58.404)	-0.018; 0.027	(-0.073; 0.037)	0.079	0.006
6	0.002	0.965	53.770; 1.272	(51.227; 56.314)	-0.001; 0.026	(-0.053; 0.051)	0.006	0.000
7	4.665	0.045	76.541; 3.781	(68.597; 84.484)	-0.323; 0.149	(-0.637; -0.009)	0.454	0.206
8	5.352	0.028	64.449; 2.032	(60.337; 68.662)	0.066; 0.028	(0.008; 0.124)	0.401	0.160
9	7.192	0.009	49.345; 0.674	(47.998; 50.692)	0.038; 0.014	(0.010; 0.066)	0.320	0.102
10	0.015	0.902	89.946; 1.980	(86.003; 93.889)	-0.003; 0.028	(-0.059; 0.052)	0.014	0.000
11	6.973	0.011	76.105; 2.142	(71.803; 80.406)	-0.084; 0.032	(-0.148; -0.020)	0.350	0.122

Discussion

Potential stress factors that lead to cardiovascular diseases are lack of support, crisis or conflict in family life, bullying at school and difficulties adjusting there, depression, anxiety, type D personality, genetic predisposition, financial strain and many others, e.g. see (Hellhammer et al., 2010). Thus, chronic stress influences individual health differently. Previous research indicated self-reported health decreases in expatriates when relocated for a long time to another country (Van Aswegen, 2008; Truman et al., 2011). The trendline of RHR was changing over time, therefore it can be concluded that the ANS was slowly transitioning to the dysregulated state under the stressful conditions.

As it can be seen (Figure), the overall data can be represented with a linear line with quite good level of the unique RHR variance's explanation. There are changes of about 2 beats in the baseline per month. The data collected doesn't allow to reject the idea that the changes in RHR are caused by the cross-cultural transactions and all changes that accompany them. In spite of the fact that RHR measurement can be an indirect sign that a person enters a chronic stress state, its level can be elevated due to many reasons. Therefore, the proposed daily activity journal should be used along with the wearable technologies and questionnaires. Nowadays, growing technologies in combination with machine learning methods (Mora et al., 2017) can be used to design a deeper analyzation on a personal level to uncover events or clues that can point at particular stressors that trigger stress reactions for particular individuals (Peake et al., 2018; Sawka, Friedl, 2018). More data is still needed to give more accurate results. However, it's quite difficult to recruit the students for such longitudinal study, that can be mentioned as a limitation of the study.

The pilot study's results show that participants have changes in the RHR baseline and thus are consistent with those of previous chronic stress research.

However, the results were heterogeneous and require future research to clarify individual pathways. The findings provide insights to researchers as well as to expatriates and educational specialists about how stress might be related to expatriate psychophysiological adjustment when relocated. It also highlights the need for support mechanisms, health promotion practices with focus on personality qualities to ease transitions and reduce stress. If individuals at risk and their pathways to illness can be identified, preventive interventions can be designed and put into practice. Moreover, this kind of wearable usage could popularize effective, affordable and safe healthcare and support for health and wellbeing among international students.

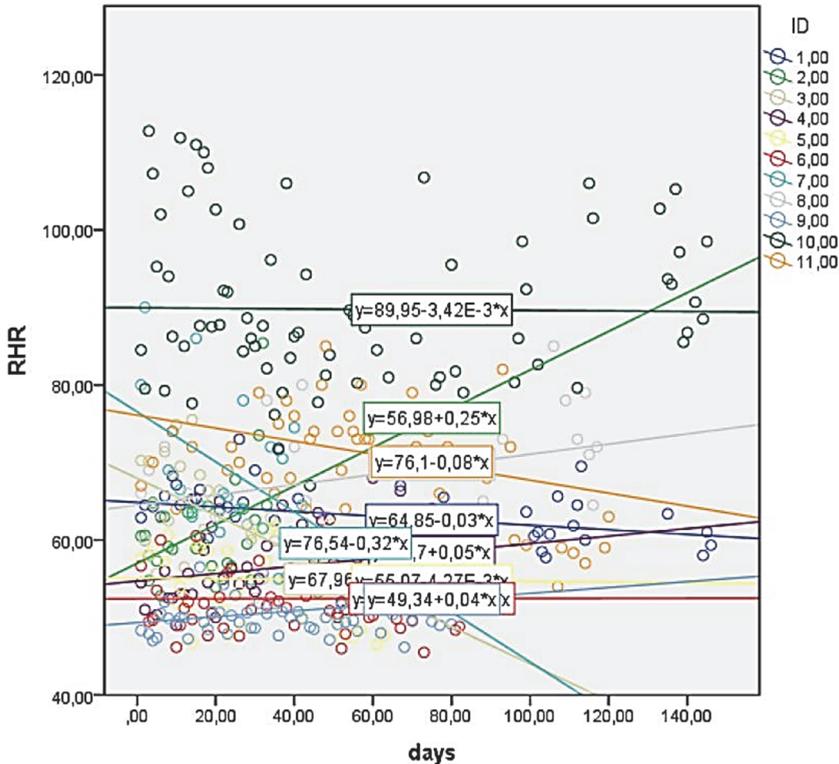

Figure. Outcome: RHR, beats per minute, vs. Time, days

Limitations

Even though we captured real-life stress responses (what regular lab-based studies can't do) the generalizability of our findings is limited to some extent, due to a relatively small sample and positive selection of the longitudinal participants. The participants who withdrew from the study could potentially be our target group as they might have been affected by stressful conditions the most. The fact that the measurements didn't start before the arrival could be the second limitation. The pre-arrival period could give us a better chance to gather more information about RHR baseline. The third limitation is that nowadays, wearable devices' validity and reliability are still a growth zone, and recent comparisons showed up to 25% error for tracking health variables during physical activity (Piwiek et al., 2018), and some of the sources point out that the right methods should be chosen to reliably quantify the prediction accuracy, as well as the quality of the results (e.g. see Demasi et al., 2017; Saeb et al., 2016).

Fortunately, the resting phase is the most accurate to measure. The studies show that wearable devices measure heart data from very good to excellent when in rest (ranging from 0.85 to 0.99) (Georgiou et al., 2018), therefore errors are believed to influence the results within range. After all, the inclusion of an objective psychobiological health marker for chronic stress monitoring is also important due to the fact that even if safety cues are available, they are often left unnoticed, which appears to be firmly linked with ANS dysregulation (Sin et al., 2016). There has been considerable interest in identifying differences in vulnerability to potential pathogenic effects of stress with the emphasis in genetic as well as psychological factors (Cohen et al., 2007), and there have been already identified a considerable number of cognitive and personality factors that may make individuals more resilient to stress (Leger, 2016). Moreover, there has been evidence that several interventions on stress may help to improve academic performance, stress-related biological reactivity, and psychophysiological health (e.g. see Black, Slavich, 2016). It is also important to mention that many stress assessment techniques have been tested and validated to meet cultural context, yet, there still remains a lack of “gold standard” (Cunningham, 2015). More work will be needed to identify risk markers and individual pathways to being “chronically stressed out” while paying more attention to methodological limitations.

Conclusion

The results of the Study 2 haven't revealed one singular pattern of the changes in heart rate baseline as the reflection of changes in the state of ANS balance under chronic stress pressure. However, the changes are present, they emphasize the existence of adapting to demands of daily life in the new environmental conditions, and in order a) to test whether they related to the fact of cross-cultural transaction and b) to test if these changes have some patterns in relation to personality traits, more further research is needed.

The results of the Study 1 support the idea that students sense emotional pressure on individual level, by and large, this pressure comes in different forms from all levels of social structure of the new environment. The respondents of the Study 1 reported that they had experienced some negative outcomes in health and well-being context, but the topic of health remains relatively silent. Given the facts, that many young adults still learn how to handle challenging situations, and that expatriates, in general, ask for early termination mainly due to the maladjustment reason, it indirectly highlights the importance of further research of chronic stress in international students. Their example may serve as a case of mild, yet suddenly higher, levels of chronic stress due to many changes that intrinsically accompany the relocation to a new country.

Looking at the broader context of chronic stressful situations, this example may serve for better understanding of chronic stress and help to form the right method to assess its impact on the human body using cheap and widely available wearables that support non-invasive techniques of health state assessment. Moreover, machine learning in Big Data analysis would help to form the best tool that complies with 4P principles of personalized medicine – predictive, preventive, personalized, and participatory.

References

- Altbach, P.G., & Knight, J. (2007). The internationalization of higher education: Motivations and realities. *Journal of Studies in International Education*, 11(3–4), 290–305. <https://doi.org/10.1177/1028315307303542>
- Baklashova, T.A., & Kazakov, A.V. (2016). Challenges of international students' adjustment to a higher education institution. *International Journal of Environmental and Science Education*, 11(8), 1821–1832.
- Black, D.S., & Slavich, G.M. (2016). Mindfulness meditation and the immune system: A systematic review of randomized controlled trials. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 1373(1), 13–24. <https://doi.org/10.1111/nyas.12998>
- Black, J.S., & Mendenhall, M. (1991). The U-curve adjustment hypothesis revisited: A review and theoretical framework. *Journal of International Business Studies*, 22(2), 225–247. <https://doi.org/10.1057/palgrave.jibs.8490301>
- Brosschot, J.F., Verkuil, B., & Thayer, J.F. (2016). The default response to uncertainty and the importance of perceived safety in anxiety and stress: An evolution-theoretical perspective. *Journal of Anxiety Disorders*, 41, 22–34. <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2016.04.012>
- Brosschot, J.F., Verkuil, B., & Thayer, J.F. (2017). Exposed to events that never happen: Generalized unsafety, the default stress response, and prolonged autonomic activity. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 74(Pt B), 287–296. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2016.07.019>
- Bykova, O.N., Ermolaeva, T.K., & Scraybin, O.O. (2018). Strategies of Russian education internationalization development. *Revista ESPACIOS*, 39(49), 24.
- Cacioppo, J.T., & Cacioppo, S. (2014). Social relationships and health: The toxic effects of perceived social isolation. *Social and Personality Psychology Compass*, 8(2), 58–72. <https://doi.org/10.1111/spc3.12087>
- Cerny, L., Smith, D., Ritschard, H., & Dodd, C. (2007, March 29). The CSAI: An expatriate on-field adjustment index to measure intercultural. *Family in Global Transition Conference*. Houston, TX.
- Chebotareva, E.Ju. (2011). Intercultural adaptation to Russia of students from Asia, Africa, Latin America and the Middle East. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, (3), 6–11.
- Cohen, S., Janicki-Deverts, D., & Miller, G.E. (2007). Psychological stress and disease. *JAMA*, 298(14), 1685–1687. <https://doi.org/10.1001/jama.298.14.1685>
- Cunningham, T. (2015). Measuring suffering: Assessing chronic stress through hair cortisol measurement in humanitarian settings. *Intervention*, 13(1), 19–27.
- Demasi, O., Kording, K., & Recht, B. (2017). Meaningless comparisons lead to false optimism in medical machine learning. *PLOS ONE*, 12(9), e0184604. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1371/journal.pone.0184604>
- Draine, C., & Hall, B. (2000). *Culture shock! Indonesia: A guide to customs and etiquette*. Portland, OR: Graphic Arts Center Publishing Company.
- El-Amrawy, F., & Nounou, M.I. (2015). Are Currently available wearable devices for activity tracking and heart rate monitoring accurate, precise, and medically beneficial? *Healthcare Informatics Research*, 21(4), 315–320. <https://doi.org/10.4258/hir.2015.21.4.315>
- Everly Jr, G.S., & Lating, J.M. (2013). *A clinical guide to the treatment of the human stress response*. New York, NY: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-1-4614-5538-7>
- Farcas, D., & Gonçalves, M. (2016). Do three years make a difference? An updated review and analysis of self-initiated expatriation. *SpringerPlus*, 5(1), 1326. <https://doi.org/10.1186/s40064-016-2991-x>
- Fomina, T.K. (2004). *Inostrannyye studenty v meditsinskom vuze Rossii: Interiorizatsiya professional'nykh tsennostei*. Doctor of Sociology Thesis. Volgograd: Volgograd State Medical University. (In Russ.)
- Georgiou, K., Larentzakis, A.V., Khamis, N.N., Alsuhaibani, G.I., Alaska, Y.A., & Giallafos, E.J. (2018). Can wearable devices accurately measure heart rate variability? A Systematic Review. *Folia Medica*, 60(1), 7–20. <https://doi.org/10.2478/folmed-2018-0012>

- González-Landero, F., García-Magariño, I., Lacuesta, R., & Lloret, J. (2018). Green communication for tracking heart rate with smartbands. *Sensors*, 18(8), 2652. <https://doi.org/10.3390/s18082652>
- Guest, G., MacQueen, K.M., & Namey, E.E. (2012). *Applied thematic analysis*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, Inc. <https://dx.doi.org/10.4135/9781483384436>
- Hellhammer, D.H., Stone, A.A., Hellhammer, J., & Broderick, J. (2010). Measuring stress. In G.F. Koob, M. Le Moal & R.F. Thompson (Eds.), *Encyclopedia of Behavioral Neuroscience* (pp. 186–191). London: Academic Press. <http://dx.doi.org/10.1016/B978-0-08-045396-5.00188-3>
- Holmes, T.H., & Rahe, R.H. (1967). The social readjustment rating scale. *Journal of Psychosomatic Research*, 11(2), 213–218. [https://doi.org/10.1016/0022-3999\(67\)90010-4](https://doi.org/10.1016/0022-3999(67)90010-4)
- Juster, R.P., Bizik, G., Picard, M., Arsenault-Lapierre, G., Sindi, S., Trepanier, L., Marin, M.F., Wan, N., Sekerovic, Z., Lord, C., Fiocco, A.J., Plusquellec, P., McEwen, B.S., & Lupien, S.J. (2011). A transdisciplinary perspective of chronic stress in relation to psychopathology throughout life span development. *Development and Psychopathology*, 23(3), 725–776. <https://doi.org/10.1017/S0954579411000289>
- Kaiser, K. (2009). Protecting respondent confidentiality in qualitative research. *Qualitative Health Research*, 19(11), 1632–1641. <https://doi.org/10.1177/1049732309350879>
- Kamara, I. (2012). Stress and its influence on the adaptation of African students in Russia. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, (2), 66–70. (In Russ.)
- Latipov, Z.A., Ziyatdinov, A.M., Demidova, L.A., Gerasimov, V., & Zaostrovitseva, M.N. (2017). The problem of adaptation of foreign students studying in Russian universities. *Revista ESPACIOS*, 38(56), 27.
- Lee, J.M., Kim, H.C., Kang, J.I., & Suh, I.I. (2014). Association between stressful life events and resting heart rate. *BMC Psychology*, 2(1), 29. <https://doi.org/10.1186/s40359-014-0029-0>
- Leger, K.A., Charles, S.T., Turiano, N.A., & Almeida, D.M. (2016). Personality and stressor-related affect. *Journal of Personality and Social Psychology*, 111(6), 917–928. <https://doi.org/10.1037/pspp0000083>
- McCraty, R., & Zayas, M.A. (2014). Cardiac coherence, self-regulation, autonomic stability, and psychosocial well-being. *Frontiers in Psychology*, 5, 1090. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2014.01090>
- McEwen, B.S. (2008). Central effects of stress hormones in health and disease: Understanding the protective and damaging effects of stress and stress mediators. *European Journal of Pharmacology*, 583(2–3), 174–185. <https://doi.org/10.1016/j.ejphar.2007.11.071>
- Mezick, E.J., Matthews, K.A., Hall, M.H., Jennings, J.R., & Kamarck, T.W. (2014). Sleep duration and cardiovascular responses to stress in undergraduate men. *Psychophysiology*, 51(1), 88–96. <https://doi.org/10.1111/psyp.12144>
- Mora, H., Gil, D., Terol, R.M., Azorin, J., & Szymański, J. (2017). An IoT-based computational framework for healthcare monitoring in mobile environments. *Sensors*, 17(10), 2302. <https://doi.org/10.3390/s17102302>
- Muzychenko, I.N., Zhang, L., Apollonova, I.A., Nikolaev, A.P., Pisareva, A.V., & Malikova, S.G. (2018). Development of a method for assessing the effects of chronic stress on the human body. *Journal of Physics: Conference Series*, 1118, 012027. <https://doi.org/10.1088/1742-6596/1118/1/012027>
- Nanchen, D. (2018). Resting heart rate: What is normal? *Heart*, 104(13), 1048–1049. <http://dx.doi.org/10.1136/heartjnl-2017-312731>
- Nowell, L.S., Norris, J.M., White, D.E., & Moules, N.J. (2017). Thematic analysis: Striving to meet the trustworthiness criteria. *International Journal of Qualitative Methods*, 16(1), 160940691773384. <https://doi.org/10.1177/1609406917733847>
- Ostchega, Y., Porter, K.S., Hughes, J., Dillon, C.F., & Nwankwo, T. (2011). Resting pulse rate reference data for children, adolescents, and adults: United States, 1999–2008. *National Health Statistics Reports*, (41), 1–16.
- Peake, J.M., Kerr, G., & Sullivan, J.P. (2018). A critical review of consumer wearables, mobile applications, and equipment for providing biofeedback, monitoring stress,

- and sleep in physically active populations. *Frontiers in Physiology*, 9, 743. <https://doi.org/10.3389/fphys.2018.00743>
- Piwek, L., Ellis, D.A., Andrews, S., & Joinson, A. (2016). The rise of consumer health wearables: Promises and barriers. *PLOS Medicine*, 13(2), e1001953. <https://doi.org/10.1371/journal.pmed.1001953>
- Pyrkova, K.V. (2016). Features of international students' adaptation (on the basis of a Russian higher education institution). *International Electronic Journal of Mathematics Education*, 11(4), 611–621.
- Sacha, J. (2014). Interaction between Heart Rate and Heart Rate Variability. *Annals of Noninvasive Electrocardiology*, 19(3), 207–216. <https://doi.org/10.1111/anec.12148>
- Saeb, S., Lonini, L., Jayaraman, A., Mohr, D.C., & Kording, K.P. (2016). Voodoo machine learning for clinical predictions. *BioRxiv*, 059774. <https://doi.org/10.1101/059774>
- Sawka, M.N., & Friedl, K.E. (2018). Emerging wearable physiological monitoring technologies and decision aids for health and performance. *Journal of Applied Physiology*, 124(2), 430–431. <https://doi.org/10.1152/jappphysiol.00964.2017>
- Schubert, C., Lambertz, M., Nelesen, R.A., Bardwell, W., Choi, J.-B., & Dimsdale, J.E. (2009). Effects of stress on heart rate complexity – A comparison between short-term and chronic stress. *Biological Psychology*, 80(3), 325–332. <https://doi.org/10.1016/j.biopsycho.2008.11.005>
- Seo, S.-H., & Lee, J.-T. (2010). Stress and EEG. In M. Crisan (Ed.), *Convergence and hybrid information technologies* (pp. 413–426). London: IntechOpen. <https://doi.org/10.5772/9651>
- Sin, N.L., Sloan, R.P., McKinley, P.S., & Almeida, D.M. (2016). Linking daily stress processes and laboratory-based heart rate variability in a national sample of midlife and older adults. *Psychosomatic Medicine*, 78(5), 573–582. <https://doi.org/10.1097/PSY.0000000000000306>
- Slavich, G.M. (2016). Life stress and health: A review of conceptual issues and recent findings. *Teaching of Psychology*, 43(4), 346–355. <https://doi.org/10.1177/0098628316662768>
- Tarasova, A.N. (2017). Acculturation and psychological adjustment of foreign students (the experience of Elabuga Institute of Kazan Federal University). *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 237, 1173–1178. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2017.02.175>
- Truman, S.D., Sharar, D.A., & Pompe, J.C. (2011). The mental health status of expatriate versus U.S. domestic workers: A comparative study. *International Journal of Mental Health*, 40(4), 3–18. <https://doi.org/10.2753/imh0020-7411400401>
- Van Aswegen, M. (2008). *The establishment of an adjustment model for expatriates*. Doctor of Commerce Thesis. Pretoria: University of Pretoria.
- Zhang, A., Hughes, J.T., Brown, A., Lawton, P.D., Cass, A., Hoy, W., O'Dea, K., & Maple-Brown, L.J. (2016). Resting heart rate, physiological stress and disadvantage in Aboriginal and Torres Strait Islander Australians: Analysis from a cross-sectional study. *BMC Cardiovascular Disorders*, 16(1), 36. <https://doi.org/10.1186/s12872-016-0211-9>

Article history:

Received 21 January 2022

Revised 10 March 2022

Accepted 15 March 2022

For citation:

Muzychenko, Iu., Apollonova, I., & Evans, D. (2022). Is silence golden? Chronic stress and psychophysiological indicators' changes over time in international students: A pilot study. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 19(1), 128–145. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-128-145>

Bio notes:

Iuliia Muzychenko, is independent researcher, Bauman Moscow State Technical University (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0002-8896-3615. E-mail: iuliia.muzychenko@mail.ru

Irina Apollonova, Ph.D., Doctor of Technical Sciences, is Head of Department, Associate Professor of Biomedical Telemetry, Biomedical Statistics, PhD Supervisor at Biomedical Engineering Department, Bauman Moscow State Technical University (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0003-2908-6541, ResearcherID Web of Science: AAE-5433-2021. E-mail: apollonova-i@yandex.ru

David Evans, is independent researcher, Purdue University (West Lafayette, USA). E-mail: dave83707@gmail.com

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-1-128-145

Исследовательская статья

**Молчание золото?
Хронический стресс и динамика психофизиологических
показателей у иностранных студентов:
пилотное исследование**

Ю.Н. Музыченко¹ , И.А. Аполлонова¹ , Д. Эванс²

¹Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана,
Российская Федерация, 105005, Москва, ул. 2-я Бауманская, д. 5, стр. 1

²Университет Пердью,

Соединенные Штаты Америки, IN 47906, Уэст-Лафайетт, Purdue Mall, 610

 iuliia.muzychenko@mail.ru

Аннотация. Большинство людей считают, что учеба или работа за границей – это стресс, но насколько это может нанести вред здоровью? Литература о стрессе связывает межкультурные взаимодействия с шансами получить более высокий уровень хронического стресса. В статье представлены результаты двух исследований иностранных студентов, обучавшихся в Москве в 2018 г. В частности, в исследовании 1 оценивалось, насколько межкультурные взаимодействия воспринимаются как влияющие на состояние здоровья в течение первого полугодия пребывания в новой стране. Исследование 2 было направлено на изучение того, может ли психологический стресс, связанный с переездом в другую страну, привести к психофизиологическим последствиям хронического стресса. В исследовании 1 применялись качественные методы: проведено 21 интервью с иностранными студентами. В исследовании 2 проведено лонгитюдное пилотное исследование для 10 иностранных студентов в течение первых 2–5 месяцев (M = 3,6) с их переезда. Ожидалось, что стресс, связанный с межкультурными взаимодействиями, повлияет на субъективное самочувствие и показатели здоровья. Результаты первого исследования показали, что состояние здоровья было относительно «молчаливой», то есть редко упоминаемой темой в интервью. Результаты второго исследования свидетельствуют, что у участников были изменения исходного уровня частоты сердечных сокращений в состоянии покоя. Таким образом, воспринимаемый хронический стресс, связанный с межкультурными взаимодействиями, может влиять на психофизиологическое состояние; однако эффект варьируется в зависимости от индивидуальных различий. Необходимы дальнейшие исследования для согласования данных и

выявления неинвазивных объективных маркеров риска и индивидуальных путей развития стресса с целью выявления «групп риска» студентов и предоставления вариантов профилактики до того, как их здоровью будет нанесен какой-либо серьезный вред.

Ключевые слова: иностранные студенты, хронический стресс, дезадаптация, частота сердечных сокращений в покое, носимые устройства

История статьи:

Поступила в редакцию 21 января 2022 г.

Принята к печати 15 марта 2022 г.

Для цитирования:

Muzychenko Ju., Apollonova I., Evans D. Is silence golden? Chronic stress and psychophysiological indicators' changes over time in international students: a pilot study // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19. № 1. С. 128–145. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-128-145>

Сведения об авторах:

Музыченко Юлия Николаевна, независимый исследователь, Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-8896-3615. E-mail: iuliia.muzychenko@mail.ru

Аполлонова Ирина Александровна, доктор технических наук, заведующая кафедрой биомедицинской инженерии, Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (Москва, Россия). ORCID: 0000-0003-2908-6541, ResearcherID Web of Science: AAE-5433-2021. E-mail: apollonova-i@yandex.ru

Эванс Дэвид, независимый исследователь, Университет Пердью (Уэст-Лафейетт, США). E-mail: dave83707@gmail.com

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-1-146-157

УДК 001.89

Обзорная статья

Грантовая поддержка как фактор развития научных исследований в российских университетах

Ю.Н. Эбзеева

Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ ebzeeva-yun@rudn.ru

Аннотация. Научные исследования на современном этапе развития высшей школы – это основа академической репутации университета, аспект учебной деятельности преподавателя и студента; количественные показатели научной результативности являются важнейшим критерием оценки эффективности на разных уровнях. Предлагается обзор исследований, посвященных различным аспектам деятельности фондов. Проведен анализ реализации научных исследований на основе грантовой поддержки четырех наиболее авторитетных фондов России в 2006–2020 гг.: Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), Совета по грантам Президента Российской Федерации и Российского научного фонда (РНФ). Оценка произведена на примере проектов в гуманитарных и социальных науках, в том числе по языкознанию. Констатируется значимость фондов для сохранения классических направлений научной деятельности, роста числа научных исследований в российских университетах, финансируемых данными фондами как в общем исчислении, так и относительно числа грантовых проектов, проводимых в академических институтах. Дана оценка деятельности фондов как структуры, определяющей приоритетные направления исследований. Наиболее востребованными для университетов стали конкурсы по фундаментальным исследованиям и поддержка исследований молодых ученых.

Ключевые слова: научные исследования, грант, Российский фонд фундаментальных исследований, РФФИ, Российский гуманитарный научный фонд, РГНФ, Российский научный фонд, РНФ, университет

Введение

Научные исследования в университетах России являются основной наряду с обучением деятельностью. Это подтверждено учебными программами бакалавриата, магистратуры и аспирантуры, контрактами профессорско-преподавательского состава, программами научного развития вузов, включением показателей данной сферы в оценку университетов в целом, в том числе при составлении международных рейтингов вузов. За каждой научной работой стоят вложенные ресурсы, среди которых с конца 1990 г.

© Эбзеева Ю.Н., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

появились понятие гранта различных фондов как дополнительное вложение к финансированию из бюджета.

Грантовая поддержка наиболее эффективна как финансирование так называемых малых форм научных исследований, то есть проектов, которые выполняются индивидуально или небольшими научными коллективами. Традиционно в публикациях, освещающих ход работы над темой гранта и ее результаты, принято указывать источник финансирования исследования в разделе «Благодарности/Acknowledgments» (Ван, Ремчукова, 2021; Иванов и др., 2021; Новикова и др., 2021; Ebzeeva et al., 2019, 2021). Как правило, научная деятельность университетов и академических институтов базируется на сочетании грантового и бюджетного финансирования. Достоинствами грантовой поддержки, по мнению исследователей (Беленицкая, 2017; Семёнов, 2007; Костомаров, 1996), являются: *эффективная адресная поддержка* – средства выделяются на реализацию конкретного объема исследования или публикацию конкретного научного труда и не могут быть потрачены на иные цели; *экспертный отбор* объектов финансирования – каждый грантовый фонд работает с признанными специалистами узкой научной специальности, среди которых и зарубежные ученые, состав экспертов меняется, в том числе через апелляционные заявления; гранты как *механизмы* межотраслевого и объединяющего различные учреждения *сотрудничества*; *высокоэкономичная деятельность* фондов. К недостаткам данного вида поддержки научной деятельности относят регулярно возникающие вопросы *о критериях отбора* (данная проблема частично решена дробным разделением конкурсов и унификацией требований к квалификации участников через рейтинговые публикации), *гласности отбора* и *анонимности* или *известности* авторов проекта и экспертов друг другу.

На сайте Министерства науки и высшего образования Российской Федерации предлагается актуальный список фондов, которые оказывают грантовую поддержку научных проектов, наиболее значимыми из которых по объему поддержанных проектов и объемам финансирования являются Совет по грантам Президента Российской Федерации и Российский научный фонд. Рассмотрение отчетных материалов еще двух фондов – Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) – позволит проследить изменения доли участия университетов в структуре данного типа финансирования научных исследований.

Изучению грантов как системы финансовой поддержки научных исследований разных типов посвящено относительно небольшое количество работ в России и за рубежом, которые могут быть разделены на описывающие деятельность конкретного фонда (Лукашева, 2007; Воротников, 2009; Ильина, 2015), анализирующие потенциал конкретного исполнителя проекта (научного коллектива, университета, предприятия), роль грантовой поддержки в его деятельности (Зубов и др., 2014), содержащие рекомендации по написанию заявки на грант¹ (Sohn, 2020), а также анализирующие грантовую со-

¹ Davis B. Writing a successful grant proposal // Minnesota Council on Foundations' Guide to Minnesota Grantmakers. 2005. URL: <https://mcf.org/writing-successful-grant-proposal> (accessed: 30.11.2021).

ставляющую в системе поддержки научных исследований (Heyard, Hottenrott, 2021). Работы первого типа обычно содержат аналитические обобщения, потенциала научных тем, поддерживаемых грантом, что позволяет определить актуальные проблемы различных областей науки и уточнить фокус научных исследований своей области знания.

Отдельно стоит заметить традицию публикации отчетов грантополучателей, которые содержат как контентные, так и количественные показатели итогов поддержанных грантом научных работ (Круковская, Човникова, 2017; Reale, 2017), а также отчеты экспертов по оценке заявок поддержанных и неподдержанных проектов (Neufeld et al., 2013; Severin et al., 2020).

Далее представлены описание и анализ характерных особенностей деятельности фондов, сыгравших наиболее значимую роль в поддержке научных исследований университетов Российской Федерации, а также тех организаций, которые являются основными грантодателями в настоящее время.

РФФИ и РГНФ

Российский фонд фундаментальных исследований создан в 1992 г. по инициативе ведущих ученых России с целью конкурсного отбора и финансирования научных проектов. Основная направленность проектов – научно-исследовательские работы по всем направлениям фундаментальной науки, развитие научных контактов, международное сотрудничество. По мнению профессора «Сколтеха» А.Р. Аганова и старшего научного сотрудника Института тектоники и геофизики имени Ю.А. Косыгина ДВО РАН Д.С. Штарева «Гранты РФФИ, как правило, маленькие, <...> покрывают очень большой сегмент российских ученых, часто играют роль „посевных“ (проверка идеи, которая затем будет развита в большой проект с большим финансированием)»².

Российский гуманитарный научный фонд был образован в 1994 г. правительством России для поддержки гуманитарных исследований и распространения их результатов в обществе и функционировал до 2016 г. Решение об организации нового фонда было результатом аналитической деятельности инициативной группы ученых-гуманитариев, которые доказали недостаточность усилий экспертов Российского фонда фундаментальных исследований по оценке в рамках конкурса для финансирования проектов таких направлений, как лингвистика, социология, археология, психология. Считается, что во многом благодаря усилиям РГНФ в 1990-х и 2000-х гг. «практически полностью сохранен социогуманитарный сегмент научного производства» (Семенов, 2007). Также РГНФ «в значительной мере определяет научный уровень филологических исследований, авторитетно „задает“ развитие науки» (Костомаров, 1996).

Отличительной особенностью проектов является их связанность с организациями Российской академии наук (РАН), Российской академии образования (РАО) и Российской академии архитектуры и строительных наук (РААСН).

² *Оганов А., Штарев Д.* Объединенные РФФИ и РНФ будут работать по закону Паркинсона // Ведомости. 2020, 4 декабря. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/12/03/849461-obedinennie-rffi> (дата обращения: 05.11.2021).

Так, до 55 % всех проектов выполнялось на базе институтов РАН, до 30 % – в российских университетах (Индикаторы науки, 2021).

Основные направления деятельности РГНФ и РФФИ могут быть проиллюстрированы примерами поддержанных заявок сотрудников РУДН:

– *исследовательские проекты фундаментального и прикладного характера* – «Проблемы нейминга: новые русские урбанонимы в лингвокреативном аспекте» (профессор Е.Н. Ремчукова); «Ономастические доминанты Тихоокеанского альянса» (профессор О.С. Чеснокова) и др.;

– *издательская деятельность* – в рамках программы издан «Словарь персоналий Тихоокеанского альянса», авторы О.С. Чеснокова, П.Л. Ибарра Талавера;

– *поддержка в организации и проведении научных конференций* – международная научная конференция «IV Новиковские чтения: функциональная семантика и семиотика знаковых систем» (Москва, РУДН, 2014) и др. (Ebzeeva, 2021); а также финансирование *экспедиционной деятельности, полевых исследований и региональных проектов.*

Анализ поддержанных научных тем предметной области «Лингвистика» показал рост доли университетских проектов в целом. Так, в 2013 г. в структуре финансируемых заявок более 55 % составляли проекты российских академических институтов, 44 % – заявки университетов, преимущественно из Москвы. В 2016 г. 20 % составляли проекты российских академических институтов, 80 % – заявки университетов. В 2020 г. 31 % составляли проекты российских академических институтов, 69 % – заявки университетов.

Анализ опубликованной научной литературы также фиксирует увеличение количества выполняемых печатных проектов университетами: за 2018 г. более 73 % – издания авторов – сотрудников учреждений высшего образования.

Отдельно необходимо отметить программы РФФИ и РГНФ по поддержке молодой науки: исследователи в возрасте до 29 лет в большинстве случаев являются аспирантами и сотрудниками университетов³, следовательно, выигранные гранты этой категории являются методом продвижения научных исследований в вузах (Воронцовская, 2021; Poroshina, 2020). Вслед за Республиканским исследовательским научно-консультационным центром экспертизы (РИНКЦЭ), который запустил в 2006 г. первый конкурс для проектов молодых ученых, с 2012 г. РФФИ открыл программу «Мой первый грант». Второй, но не менее востребованной программой, стала «Стабильность».

Программа «Мой первый грант» функционировала в 2012–2020 гг. и была направлена на привлечение молодых сотрудников академических институтов и образовательных организаций к активному участию в фундамен-

³ Данные выводы сделаны на основе анализа статистических данных, согласно которым: 1) численность иностранных аспирантов в период 2014–2020 гг. выросла более чем на 30 %, более 95 % от этого числа приходится на аспирантов образовательных учреждений, менее 4 % – на академические институты. Поскольку статистика грантовой поддержки не распространяется на аспирантов-иностранцев, в доказательство нашего мнения можно привести такие цифры: в 2014 г. аспиранты – выпускники академических институтов составляли 2,7 % (23 человека), а образовательных учреждений 97,2 % (824). В 2019 г. 3,3 (45) и 96,6 (1311) % соответственно (Индикаторы науки, 2021).

тальных исследованиях. У данного конкурса существовали ограничения по тематике заявки (естественные науки), автором которой мог быть один человек или группа сотрудников до 5 человек. Особенность процедуры принятия заявки была также в том, что решение по двухгодичному проекту принималось сроком на 1 год: продление было возможно по результатам первого года проведения исследования. Программа «Мой первый грант» высоко оценена научным сообществом образовательных учреждений. Например, в 2018 г. из 150 поданных молодыми учеными (преподавателями и аспирантами) заявок Уральского федерального университета 50 проектов (33 %) были одобрены. Уральским гуманитарным институтом (подразделение УрФУ) были выполнены 9 из 50 проектов, все они (это условие конкурса) принадлежат авторам, которые впервые участвовали в грантовых проектах. Нужно отметить, что Уральский федеральный университет – один из первых университетов России после МГУ и СПбГУ, который начал участвовать в конкурсах научных грантовых фондов.

Программа «Стабильность» функционировала в 2018–2020 гг. и была направлена на поддержку научных проектов и стабилизацию преимущественно молодых ученых небольших коллективов (5–10 человек), возрастной ценз – 35 лет у 70 % участников, включая руководителя, который также должен быть кандидатом или доктором наук. Важным ограничивающим условием было обязательное требование к руководителю иметь опыт руководства проектами (данное условие было снято в более поздних конкурсах и РФФИ, и РФН).

Если две рассмотренные выше программы направлены на выполнение молодыми учеными фундаментальных исследований, то программа «Эврика» (с 2016 г.) рассчитана на поиск новых молодежных коллективов с прикладными проектами, которые к моменту вступления в программу находятся на начальных стадиях развития продукта или технологии, а сам проект включает разработку стратегии продвижения данного инновационного продукта или технологии.

Рост внимания грантовых организаций к науке в университетах можно проиллюстрировать примерами проектов, проводимых при поддержке РФФИ в Российском университете дружбы народов (гуманитарный сектор): 2015 г. – 5 проектов; 2016 – 9; 2017 – 12; 2018 – 12; 2019 – 24; 2020 – 14. Из общего числа тем (не по годам, а в совокупности, так как тема может быть рассчитана на 2–3 года) лингвистические темы составляют 30 % (11 тем из 36), что, с одной стороны, подтверждает статистику РФФИ, согласно которой доля проектов по лингвистической тематике составляет более 25 % из всех проектов направления «Гуманитарные и социальные науки», с другой – коррелирует со значительным ростом показателей РУДН.

Совет по грантам Президента Российской Федерации

Совет по грантам Президента Российской Федерации функционирует с 2006 г. и совместно с Министерством науки и высшего образования Российской Федерации оказывает государственную поддержку ведущим научным школам России, а также молодым ученым, конкурсы проводятся раз в 2 года.

Федеральное агентство по науке и инновациям совместно с Советом по грантам Президента РФ впервые в данном формате объявило конкурс в 2006 г. Данный конкурс выдвигает формальные требования к руководителю проекта по количеству и качеству опубликованных работ, которые проиндексированы в базах данных Web of Science и Scopus, наличию защитившихся под руководством руководителя кандидатов или докторов наук и возрасту. Анализируя решения Совета по грантам Президента Российской Федерации по поддержке ведущих научных школ на материале предметной области «Лингвистика» и «Современные языки» необходимо отметить несколько тенденций и проиллюстрировать их темами выигранных заявок.

1. Научные темы, которые были поддержаны в период с 2006 г. по настоящее время, являются фундаментальными исследованиями по актуальным направлениям предметных областей «Лингвистика» и «Современные языки»:

– работа над составлением словарей (фольклора Сибири и Дальнего Востока; «Активный словарь русского языка» и др.);

– продолжение исследований в рамках существующих научных школ (школа общего языкознания Ю.С. Маслова: лингвистика, психолингвистика и социоллингвистика; сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков и проблемы праязыковой реконструкции; межязыковая и межкультурная коммуникация – школа С.Г. Тер-Минасовой);

– описание активных процессов современного русского языка, например, такие темы, как «Актуальные проблемы идеографии, семантики лексических и грамматических классов»; «Окказионализмы в семантике и в тексте как показатели внутрисистемных движений в языке»; «Образы языка в лингвистике начала XXI века»;

– исторические и современные исследования славянских языков и культур (анализ древнерусских памятников; славянская этнолингвистика); а также новое направление психолингвистики – изучение русской языковой личности (Ю.Н. Караулов).

2. Отмечены неоднократные продления финансирования одной темы в рамках нескольких (четыре и шесть лет) проектов.

3. Учреждениями, получившими грантовую поддержку в 2006–2012 гг., являются преимущественно академические институты (Институт языкознания Российской академии наук, Институт русского языка имени В.В. Виноградова Российской академии наук и др.), что отражает существующие в то время отношение к грантам как к привилегии научных, а не образовательных институтов. Только два университета России в данный период побеждали в конкурсах на предоставление грантов президента Российской Федерации – это Санкт-Петербургский государственный университет и Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

4. Наблюдается спад числа выигранных научных тем по лингвистике от общего количества заявок по направлению «Общественные и гуманитарные науки». В период с 2006 по 2020 г.: 2006 – 9 из 36 заявок; 2008 – 10 из 36; 2010 – 6 из 22; 2012 – 6 из 22; 2014 – 6 из 22; 2016 – 0 из 22; 2018 – 0 из 8; 2020 – 0 из 8. Число заявок остается примерно на одном уровне, за исключе-

нием 2018 г.: 2006 – 384 заявки; 2008 – 249; 2010 – 398; 2012 – 241; 2014 – 254; 2016 – 270; 2018 – 34, что связано, возможно, с активизацией научной мысли в других направлениях социогуманитарных исследований⁴.

5. Ограниченное количество участников не из центрального региона: география участников-победителей представлена учреждениями Москвы, Санкт-Петербурга, Казани и Новосибирска.

6. Тенденция отхода от объемных и неконкретизированных формулировок тем проектов: «Теория и практика межъязыковой и межкультурной коммуникации» (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова) или «Фонд памятников древнерусской письменности» (Институт русского языка имени В.В. Виноградова Российской академии наук). В более поздние годы в названии проектов обозначен не объект и/или материал исследования, а предмет и новизна проводимого научного анализа.

Основным аспектом работы деятельности Российского научного фонда по грантам Президента Российской Федерации является поддержка молодой науки. Конкурсы среди коллективов и индивидуальных проектов молодых кандидатов наук и молодых докторов наук проводятся с 2006 г. (ежегодно). Анализ выигранных проектов позволяет проследить возрастание доли университетской науки в конкурсе молодых кандидатов наук, что можно получить при сравнении показателей 2006 и 2021 гг. В 2006 г. 12 из 83 (14 %) заявок направления «Общественные и гуманитарные науки» выполнены в академических институтах. В 2021 г. из 51 одобренных заявок направления «Социальные и гуманитарные науки» только 3 (меньше 6 %) заявлены академическими институтами, 48 выполнены ведущими вузами России, в том числе 2 – Российским университетом дружбы народов.

В конкурсе молодых докторов наук в 2006 г. 15 из 25 (20 %) заявок направления «Общественные и гуманитарные науки» выполнены в академических институтах. В 2021 г. все 7 одобренных заявок направления «Социальные и гуманитарные науки» выполнены университетами России.

РНФ

Одним из основных условий победы в конкурсе на получение гранта Российского научного фонда, который был создан в 2013 г., является новизна исследования, его актуальность, учитывается научный задел, опыт каждого члена научного коллектива, наличие значимого количества рейтинговых публикаций. Так как к оценке заявки привлекаются международные эксперты, конкурсная документация переводится на английский язык. Если сравнить формы заявки рассматриваемых фондов, то вариант РНФ оказывается наиболее объемным. Для отчета по выигранной заявке в фонд необходимо представить сведения о результативности проведенных исследований и публикации их итогов в научных журналах, индексируемых в базах дан-

⁴ Данные о количестве поддержанных заявок по предметным областям «Лингвистика» и «Современные языки» получены в ходе подсчета автора. Материал взят с сайта Совета по грантам Президента Российской Федерации.

ных Web of Science и Scopus. В итоговом отчете Российского научного фонда заявлено, что в 2020 г. публикации по грантам этого фонда подтвердили лидерство в России среди научных статей в мировых журналах с высоким импакт-фактором. Так как основным индикатором выполнения проекта являются высокорейтинговые публикации, то объяснимо достижение числа 30 % от всех опубликованных статей в изданиях 1-го квартиля⁵. Следует также отметить общее возрастание удельного веса российских авторов в мировой научной публикационной активности⁶: по данным Web of Science, в 2000 г. соотношение количества научных статей разных типов российского авторства к мировому показателю было 1 348 928/32 780 (2,43 %), в 2019 г. соотношение количества научных статей разных типов российского авторства к мировому показателю составило 3 240 935/86 706 (2,68 %), что, в том числе, свидетельствует о росте количества статей российских ученых в 2,7 раз. По данным Scopus в 2000 г. соотношение количества научных статей разных типов российского авторства к мировому показателю было 130 907/34 736 (2,65 %), в 2019 г. соотношение количества научных статей разных типов российского авторства к мировому показателю составило 3 328 560/115 939 (3,48 %), что, в том числе, свидетельствует о росте количества статей российских ученых в 3,3 раза.

Если сравнить соотношение выигранных заявок от университетов и академических научных институтов, то очевидно увеличение обращений учебных заведений за поддержкой научной деятельности. Так, в 2014 г. показательным было соотношение числа основных организаций, через которые финансируются 10 и более грантов – 5/12 с количеством грантов 162/88, из них МГУ имени М.В. Ломоносова реализовывал 104 поддержанные научные темы, Санкт-Петербургский государственный университет – 27 научных тем; Национальный исследовательский университет ИТМО – 10; Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина – 10; Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского – 11 поддержанных проектов.

В 2020 г. в подобный список из 10 учреждений с максимальным количеством выигранных грантов вошел только один академический институт, остальные 9 участников – это университеты. От Российского научного фонда МГУ имени М.В. Ломоносова получил около 7 % всех выигранных заявок, Санкт-Петербургский государственный университет – чуть меньше 5 %; Национальный исследовательский университет ИТМО – 2 %; Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина – 1,8 %; Казанский приволжский федеральный университет, Москов-

⁵ Расчеты сделаны на основании статистики по: Индикаторы науки: 2021: статистический сборник / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, Е.И. Евневич и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУВШЭ, 2021. 352 с.

⁶ Расчеты сделаны на основании статистики по: Индикаторы науки: 2021: статистический сборник / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, Е.И. Евневич и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУВШЭ, 2021. 352 с.

ский физико-технический институт, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – по 1,6 %.

Заключение

Научные исследования, проводимые в университетах, являются важной составляющей их образовательной деятельности, имиджевой и стратегической политики. Типология современных университетов России – федеральные университеты, национальные исследовательские университеты, академии – уже согласно их статусу предполагает решение значительного объема фундаментальных и научно-практических задач.

Мир современной науки сложно представить без финансовой и организационной поддержки, осуществляемой через гранты. Анализ проектов, выполненных в рамках грантов в последние 15 лет, показал, что научные исследования в университетах России успешно интегрируются в данный вид дополнительного финансирования. Наиболее востребованными программами для научных исследований в учебных учреждениях высшего образования являются фундаментальные исследования небольших коллективов, научно-практические проекты и программы поддержки молодых ученых.

Список литературы

- Беленицкая О.* Без науки у нас нет будущего // В мире науки. 2017. № 9. С. 2–7.
- Ван Ю., Ремчукова Е.Н.* Развитие специальности «Реклама» в высшем образовании России и Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 18. № 3. С. 532–554. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-3-532-554>
- Воронцовская Л.Г.* Создание фондов по поддержке научных исследований как один из механизмов привлечения молодежи в вузовскую науку // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1 (88). С. 63–69.
- Воротников Ю.Л.* Российский гуманитарный научный фонд и гуманитарные науки в современной России // *Universum: Вестник Герценовского университета*. 2009. № 1. С. 3–8.
- Зубов О.Е., Ежова В.В., Пиняева Т.Н., Чаткина М.Г., Юнусова Л.А.* Участие ученых Мордовского государственного университета в конкурсах российского гуманитарного научного фонда // Регионология. 2014. № 1 (86). С. 60–65.
- Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Петрушевская Ю.А.* Национальная специфичность послоничного фонда: основные понятия и методика выявления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 996–1035. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>
- Ильина И.Е.* Анализ деятельности научных фондов, обеспечивающих поддержку фундаментальных исследований в России // Управление наукой и наукометрия. 2015. № 18. С. 179–203.
- Индикаторы науки: 2021: статистический сборник / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, Е.И. Евневич и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУВШЭ, 2021.
- Костомаров В.Г.* Филологи осваивают грантовое финансирование // Вестник РГНФ. 1996. № 3. С. 20–22.

- Круковская Н.В., Човникова Н.Г. Мониторинг публикаций результатов научной деятельности по грантам РФФИ. Культура: теория и практика // Информация и инновации. 2017. № 6 (21). С. 66–70.
- Лукашева Е.А. Грантовая поддержка гуманитарных исследований // Наука. Инновации. Образование. 2007. № 3. С. 149–153.
- Новикова И.А., Новиков А.Л., Шляхта Д.А. «Шкала аккультурации к России» для китайских студентов: адаптация и психометрическая проверка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 18. № 4. С. 801–824. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-4-801-824>
- Семенов Е.В. Гранты в Российской науке: опыт Российского гуманитарного научного фонда // Наука. Инновации. Образование. 2007. № 3. С. 227–252.
- Ebzeeva Y., Dugalich N., Nakisbaev D., Levshits A. Breaking through in subject rankings: IMLICaM experience // Proceedings of ICERI2019. Seville: IATED, 2019. Pp. 4239–4243. <https://doi.org/10.21125/iceri.2019.1057>
- Ebzeeva Y., Dugalich N., Nakisbaev D., Levshits A. Modern languages and linguistics: climbing up world university rankings. IMLICaM know-how // Proceedings of EDULEARN21. Palm: IATED, 2021. Pp. 8667–8672. <https://doi.org/10.21125/edulearn.2021.1749>
- Ebzeeva Y.N. QS Subject Focus Summit 2020 on Modern Languages and Linguistics: languages and migration in a globalized world // Russian Journal of Linguistics. 2021. Vol. 25. No 2. Pp. 299–316. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-299-316>
- Heyard R., Hottenrott H. The value of research funding for knowledge creation and dissemination: a study of SNSF Research Grants // Humanities & Social Sciences Communication. 2021. No 8. P. 217. <https://doi.org/10.1057/s41599-021-00891-x>
- Neufeld J., Huber N., Wegner A. Peer review-based selection decisions in individual research funding, applicants' publication strategies and performance: the case of the ERC starting grants // Research Evaluation. 2013. No 22. Pp. 237–247. <https://doi.org/10.1093/RESEVAL/RVT014>
- Poroshina T. To the matter of personal initiatives: the experience of post graduate student's participation in scientific contests // Вестник культуры и искусств. 2020. № 1 (61). Pp. 99–101.
- Reale E. Analysis of national public research funding (PREF) – final report // Technical Report JRC107599. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2017.
- Severin A., Martins J., Heyard R., Delavy F., Jorstad A., Egger M. Gender and other potential biases in peer review: cross-sectional analysis of 38250 external peer review reports // BMJ Open. 2020. Article 10:e035058. <http://doi.org/10.1136/bmjopen-2019-035058>
- Sohn E. Secrets to writing a winning grant // Nature. 2020. No 577. Pp. 133–135. <https://doi.org/10.1038/d41586-019-03914-5>

История статьи:

Поступила в редакцию 10 января 2022 г.

Принята к печати 15 февраля 2022 г.

Для цитирования:

Эбзеева Ю.Н. Грантовая поддержка как фактор развития научных исследований в российских университетах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19. № 1. С. 146–157. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-146-157>

Сведения об авторе:

Эбзеева Юлия Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, первый проректор – проректор по образовательной деятельности, заведующая кафедрой иностранных языков, филологический факультет, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-0043-7590. E-mail: ebzeeva-yun@rudn.ru

Grant Support as a Research Development Factor in Russian Universities

Yulia N. Ebzeeva

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

✉ ebzeeva-yun@rudn.ru

Abstract. Scientific research at the present stage of development of higher education is the basis of the academic reputation of the university, an aspect of the educational activities of the teacher and student. Quantitative indicators of scientific performance are the most important criterion for evaluating effectiveness at different levels. The article analyzes the implementation of scientific research based on grant support for four of the most authoritative foundations in Russia in 2006–2020: the Russian Foundation for Basic Research, the Russian Humanitarian Science Foundation, the Council for Grants of the President of the Russian Federation and the Russian Science Foundation. The assessment was made on the example of projects in the humanities and social sciences, including linguistics. The conclusion of the study introduces a statement of the importance of funds for the preservation of classical areas of scientific activity. It also demonstrates the necessity of an increase in the number of scientific research at Russian universities funded by these funds both in general terms and in relation to the number of grant projects conducted at academic institutions and an assessment of the activities of funds as a structure that determines priority directions of research. The most popular contests for universities have become contests in the areas of fundamental research and research support for young scientists.

Key words: research, grant, Russian Foundation for Basic Research, RFBR, Russian Humanitarian Science Foundation, RSHF, Russian Science Foundation, RSF, university

References

- Belenitskaya, O. (2017). We have no future without science. *World of Science*, 9, 2–7. (In Russ.)
- Ebzeeva, Y., Dugalich, N., Nakisbaev, D., & Levshits, A. (2019). Breaking through in subject rankings: IMLICaM Experience. *Proceedings of ICERI2019* (pp. 4239–4243). Seville: IATED. <https://doi.org/10.21125/iceri.2019.1057>
- Ebzeeva, Y., Dugalich, N., Nakisbaev, D., & Levshits, A. (2021). Modern languages and linguistics: Climbing up world university rankings. IMLICaM know-how. *Proceedings of EDULEARN21* (pp. 8667–8672). Palm: IATED. <https://doi.org/10.21125/edulearn.2021.1749>
- Ebzeeva, Y.N. (2021). QS Subject Focus Summit 2020 on Modern Languages and Linguistics: Languages and migration in a globalized world. *Russian Journal of Linguistics*, 25(2), 299–316. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-299-316>
- Gokhberg, L.M., Ditkovsky K.A., Evnevich, E.I., et al. (2021). (Eds.). *Science indicators: 2021: Statistical collection*. Moscow: Higher School of Economics. (In Russ.)
- Heyard, R., & Hottenrott, H. (2021). The value of research funding for knowledge creation and dissemination: A study of SNSF Research Grants. *Humanities & Social Sciences Communication*, 8, 217. <https://doi.org/10.1057/s41599-021-00891-x>
- Ilyina, I.E. (2015). Analysis of the activities of scientific foundations that provide support for fundamental research in Russia. *Science Management and Scientometrics*, (18), 179–203. (In Russ.)
- Ivanov, E.E., Lomakina, O.V., & Petrushevskaya, J.A. (2021). The national specificity of the proverbial fund: Basic concepts and procedure for determining. *RUDN Jour-*

- nal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(4), 996–1035. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>
- Kostomarov, V.G. (1996). Philologists master grant funding. *Bulletin of the Russian Foundation for the Humanities*, (3), 20–22. (In Russ.)
- Krukovskaya, N.V., & Chovnikova, N.G. (2017). Monitoring of publications of the results of scientific activities under RFBR grants. Culture: Theory and practice. *Information and Innovations*, (6), 66–70. (In Russ.)
- Lukasheva, E.A. (2007). Grantovaya podderzhka gumanitarnykh issledovaniy. *Science Governance and Scientometrics*, (3), 149–153. (In Russ.)
- Neufeld, J., Huber, N., & Wegner, A. (2013). Peer review-based selection decisions in individual research funding, applicants' publication strategies and performance: the case of the ERC starting grants. *Research Evaluation*, 22, 237–247. <https://doi.org/10.1093/RESEVAL/RVT014>
- Novikova, I.A., Novikov, A.A., & Shlyakhta, D.A. (2021). Acculturation scale to Russia for Chinese students: Development and psychometric verification. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 18(4), 801–824. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-4-801-824>
- Poroshina, T. (2020). To the matter of personal initiatives: The experience of postgraduate student's participation in scientific contests. *Culture and Arts Herald*, (1), 99–101.
- Reale, E. (2017). Analysis of national public research funding (PREF) – final report. *Technical Report JRC107599*. Luxembourg: Publications Office of the European Union.
- Semyonov, E.V. (2007). Grants in Russian science: Experience of the Russian foundation for the humanities. *Science Governance and Scientometrics*, (3), 227–252. (In Russ.)
- Severin, A., Martins, J., Heyard, R., Delavy, F., Jorstad, A., & Egger, M. (2020). Gender and other potential biases in peer review: Cross-sectional analysis of 38250 external peer review reports. *BMJ Open*. <http://doi.org/10.1136/bmjopen-2019-035058>
- Sohn, E. (2020). Secrets to writing a winning grant. *Nature*, (577), 133–135. <https://doi.org/10.1038/d41586-019-03914-5>
- Voronetskaya, L.G. (2021). Creation of funds to support scientific research as one of the mechanisms of attracting youth in university science. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*, (1), 63–69. (In Russ.)
- Vorotnikov, Yu.L. (2009). Russian Humanitarian Science Foundation and humanities in modern Russia. *Universum: Bulletin of the Herzen University*, (1), 3–8. (In Russ.)
- Wang, Y., & Remchukova, E.N. (2021). Development of the advertising specialty in higher education in Russia and China. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 18(3), 532–554. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-3-532-554>
- Zubov, O.E., Ezhova, V.V., Pinyaeva, T.N., Chatkina, M.G., & Yunusova, L.A. (2014). Participation of scientists of the Mordovia State University in competitions held by the Russian Foundation for the Humanities. *Regionology*, (1), 60–65. (In Russ.)

Article history:

Received 10 January 2022

Revised 25 January 2022

Accepted 15 February 2022

For citation:

Ebzeeva, Yu.N. (2022). Grant support as a research development factor in Russian universities. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 19(1), 146–157. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-146-157>

Bio note:

Yulia N. Ebzeeva, PhD in Philology, is Associate Professor, First Vice-Rector – Vice-Rector for Education, Head of Foreign Languages Department, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). ORCID: 0000-0002-0043-7590. E-mail: ebzeeva-yun@rudn.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-1-158-178

УДК 159.9.072.5

Исследовательская статья

Адаптация шкалы Р. Шварцера «Проактивные аттитюды»: валидизация и психометрическая проверка на выборке российской молодежи

А.А. Бехтер^{ID}✉, О.А. Филатова^{ID}

Тихоокеанский государственный университет,
Российская Федерация, 680000, Хабаровск, ул. Карла Маркса, д. 68

✉ behter2004@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования проактивного совладания и проактивных аттитюдов в период ранней взрослости определяется необходимостью планирования будущего, прогнозирования трудных ситуаций, что является важным навыком взрослого человека. В качестве теоретического использовался подход Р. Шварцера к проактивному совладанию и проактивных аттитюдов, работы отечественных авторов по адаптации и созданию методик исследования проактивного совладания (Е.П. Белинская, А.И. Ерзин, Е.С. Старченкова, Т.Л. Крюкова, Е.В. Куфтяк и др.). Цель исследования – описание психометрических показателей русскоязычной адаптации шкалы «Проактивные аттитюды» Р. Шварцера на выборке российской студенческой молодежи. Задачи исследования: 1) осуществить перевод оригинальной версии шкалы; 2) определить факторную структуру шкалы и оценить ее внутреннюю согласованность, дискриминативность; 3) определить тест-ретестовую надежность и валидность шкалы, средние показатели для периода ранней взрослости. Для изучения конструктивной валидности применена методика «Проактивное поведение» А.И. Ерзина и шкала самооффективности Р. Шварцера; для оценки внешней валидности использовались методики «Проактивное совладающее поведение» (в адаптации Е.П. Белинской и др.); опросник временной перспективы В. Зимбардо (в адаптации А. Сырцовой и др.) и опросник копинг-стратегий Р. Лазаруса (в адаптации Т.Л. Крюковой и др.). Выборка – 467 человек, возраст от 20–25 лет (312 женщин и 155 мужчин). Основное исследование (для стандартизации и валидизации шкалы) – 400 респондентов (272 женщины и 128 мужчин); 67 человек участвовали в повторном опросе (спустя 2 и 4 недели). Исследование проводилось онлайн в Google-форме. Эксплораторный факторный анализ позволил выделить одномерность шкалы (фактор «Возможность независимого выбора») и ее приемлемую внутреннюю согласованность (коэффициент α Кронбаха = 0,78). Показатели тест-ретестовой надежности и дискриминативности удовлетворительные. Шкала показала приемлемую внешнюю и конструктивную валидность, получены средние значения по шкале, представлены гендерные различия. Шкала «Проактивные аттитюды» обладает нужными психометрическими характеристиками, может использоваться для экспресс-диагностики проактивных аттитюдов молодых людей.

Ключевые слова: проактивный аттитюд, проактивное совладающее поведение, внутренняя согласованность, внешняя валидность, конструктивная валидность, тест-ретестовая надежность, ранняя взрослость

© Бехтер А.А., Филатова О.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО, проект № 21-513-07004 «Совладание с вызовами сложности изменяющегося мира в период ранней взрослости (молодости)».

Введение

Самым значительным по времени отрезком жизни является период взрослости – человек включается во все многообразие общественных отношений, становясь их субъектом, сознательно формируя свои отношения и окружающий мир (Ананьев, 2001). Период ранней взрослости связан с трудностями взросления и вхождения в самостоятельную жизнь: строится собственный образ жизни, происходит усвоение профессиональных ролей. Ранняя взрослость охватывает два важных периода в профессиональном развитии человека: послевузовской профессиональной адаптации и «вхождения» в профессиональное сообщество в качестве полноценного его члена (Петраш, 2011). Отсутствие жизненного опыта у молодежи и необходимость выполнять социальные задачи отражаются на общем психологическом благополучии молодых людей (Белинская, 2021).

Зарубежные и отечественные исследования совладающего поведения в период ранней взрослости показали, что в качестве позитивных факторов развития субъекта в этот период могут выступать: высокий уровень психофизиологического функционирования, самоконтроль поведения, целеустремленность, позитивное межличностное взаимодействие, продуманность плана профессионального выбора, осмысленная временная перспектива личности, самопринятие, активно преобразующие стратегии совладающего поведения (Петраш, 2011), оптимизм и чувство собственного достоинства (Griva, Anagnostopoulos, 2010). Вьетнамские исследователи выделяют «самосострадание» и внимательность к себе как факторы, влияющие на проактивное совладание и оценку воспринимаемого стресса в период ранней молодости (Vui et al., 2021). Развитие гибкости в стратегиях совладающего поведения помогает повысить самоэффективность студентов университетов (Freire et al., 2020).

Последние отечественные исследования показывают, что российская молодежь в большей степени опирается на поиск социальной поддержки как стратегию преодоления трудностей, на проактивное и реактивное совладание у молодых людей влияет степень осознанности, самоэффективность и толерантность к неопределенности (Агадуллина и др., 2020). Интересны факты о том, что в целом проактивность молодых людей положительно связана с уровнем удовлетворенности дистанционным обучением (Сиврикова и др., 2021).

Разработка концепции проактивного совладания как вида совладающего поведения, ориентированного на управления целями, получила широкой распространение в организационной психологии, кризисной психологии и психологии личности (Starchenkova, 2020). Существующие подходы к проактивному совладанию по-разному объясняют механизмы его развития и становления. Так, с точки зрения когнитивного (когнитивно-транзактного)

подхода, проактивное совладающее поведение – это поведение, ориентированное на будущее и концентрирующееся в основном на управления целями в трудной ситуации (Schwarzer, 2001 и др.). Системный подход предполагает выделение уровней проактивного совладания (реактивного, антиципаторно-превентивного и проактивного), которые по своей природы динамичны и могут меняться под влиянием внешних условий (Starchenkova, 2020). Уровневая модель В.Ю. Слабинского и Н.М. Воищевой, системообразующими факторами которой являются проактивность, ведущий мотив поведения, императивы по Франклу и уровень адаптации, широко используется, как в эмпирических исследованиях, так и в практической деятельности психологов (Starchenkova, 2020; Слабинский и др., 2021).

В нашем исследовании в большей степени мы опираемся на подход Р. Шварцера, так как именно он, основываясь первоначально на теории самоэффективности А. Бандуры, в 1999 г. разработал шкалу проактивных аттитюдов (или проактивного отношения) (Schwarzer, Jerusalem, 1999; Greenglass et al., 1999). Но стоит отметить, что проведение исследования на русскоязычной выборке требует от нас понимания проактивного совладающего поведения как системного и уровневого феномена при анализе данных.

Первый вариант шкалы проактивных аттитюдов разработан Р. Шварцером в 1997 г. и содержит 15 пунктов (Sachs, 2003). Это одномерная шкала для измерения таких конструкторов, как «Ответственность за свою жизнь» и «Способность изменить жизнь к лучшему». Впоследствии Р. Шварцер отказался от использования 15-пунктовой шкалы в виду ее недостаточно приемлемых психометрических показателей. Новый вариант шкалы из 8 пунктов из-за многих спорных моментов при адаптации (недостаточно высокая внутренняя согласованность, отсутствие репрезентативности, отсутствие тестовых норм при адаптации) стал активно использоваться и адаптироваться исследователями с целью улучшения психометрических показателей на разных выборках, в том числе и клинических (Nabeel, Zafar, 2012; Dumitrescu et al., 2011; Bhat et al., 2013; Stephanou et al., 2013; Atitsogbe et al., 2020). Показано, что психологическая конструкция проактивных аттитюдов положительно связана с локусом контроля, самоопределением, оптимизмом, надеждой и самоэффективностью, с показателями темной триады (макиавеллизмом, нейротизмом, нарциссизмом и поиском новых ощущений).

Согласно Р. Шварцеру, проактивный аттитюд (проактивное отношение) – это характеристика личности, отражающая оптимистическое ожидание относительно ресурсов окружающей среды и собственных ресурсов, базирующаяся на ответственности и желании изменить ситуацию (Schwarzer, Jerusalem, 1999; Greenglass et al., 1999). Следует отметить положительную направленность проактивного аттитюда, так как он отражает не только готовность субъекта менять себя и окружающую среду, но и в целом свидетельствует о позитивном отношении к неясному будущему (Schwarzer, 2001). Исследователи, специализирующиеся на практике образования по снижению риска бедствий (обучению поведения при землетрясении, цунами, наводнениях и др.), под проактивным аттитюдом понимают «активную жизненную позицию», которой можно обучать, развивая смелость, уверенность в своих

силах и готовность действовать в ситуации опасности (Nakano et al., 2020; Nakano, Yamoria, 2021).

Понимая проактивный аттитюд как установку, мы обращаемся к школе Д.Н. Узнадзе и его последователей, которые определяют ее как «целостное психическое состояние, обладающее иррадиацией и генерализацией» (проникновение или «захват» установкой всех сфер сознания и поведения человека), способствующее «объективации возникшей ситуации» (Ковязина, Фомина, 2016. С. 92). Стоит упомянуть о том, что установка может формировать «образ потребностного будущего» (по Н.А. Бернштейну), что свидетельствует о ее регулирующей роли в поведении и деятельности человека (Ковязина, Фомина, 2016).

Мы полагаем, что проактивное совладание имеет когнитивные механизмы поэтапного развертывания задач, опирающиеся на аффективно-волевые феномены субъекта (настроение, отношения к будущему, желания, намерения). Учитывая это, мы предполагаем, что наиболее близкое понятие к проактивному аттитуду – это понятие смысловой установки, сформулированное А.Г. Асмоловым, А.Н. Леонтьевым и другими авторами в рамках разработки концепции деятельностного подхода (Леонтьев, 2007). Смысловая установка представляет собой выражение личностного смысла в виде готовности действовать определенным образом в будущем. Таким образом, проактивный аттитюд содержит в себе смысловой и целевой аспекты (Леонтьев, 2007; Цильмак, 2012). Безусловно, определение проактивного аттитюда только как установки значительно сужает его понимание как индикатора проактивного совладания, своеобразного «оптимистического настроения на будущее». В некоторых исследованиях организационной психологии термин «проактивный» в отношении аттитюда используется как «проявляющий инициативу» (Sławińska, Kubasiński, 2021). В этом смысле проактивный аттитюд как целостное ценностно-смысловое образование отношения к будущему выступает движущей силой проактивного совладающего поведения человека, наряду с его целью и мотивами. Следует отметить положительную направленность проактивного аттитюда, так как он отражает не только готовность субъекта менять себя и окружающую среду.

Цель настоящего исследования – провести адаптацию и описать психометрические показатели (внутреннюю согласованность, стандартизацию, валидизацию и тест-ретестовую надежность) шкалы Р. Шварцера на выборке российской студенческой молодежи (20–25 лет). Для достижения цели поставлены следующие задачи: 1) осуществить перевод оригинальной версии шкалы; 2) определить факторную структуру шкалы и оценить ее внутреннюю согласованность, дискриминативность; оценить тест-ретестовую надежность и валидность шкалы; установить нормативные показатели для периода ранней взрослости.

Теоретической базой настоящего исследования явились подходы Р. Шварцера и его коллег к проактивному совладающему поведению и проактивных аттитюдов, работы зарубежных и отечественных авторов по адаптации и созданию методик для исследования феноменов проактивности и проактивного совладания (Schwarzer, Jerusalem, 1999; Greenglass et al., 1999; Schwarzer,

2001; Sachs, 2003; Nabeel, Zafar, 2012; Dumitrescu et al., 2011; Слабинский и др., 2019; Слабинский и др., 2021; Бехтер, 2019, 2020; Бехтер, Головачева, 2020; Куфтяк, Бехтер, 2020; Старченкова, 2009, 2020; Белинская и др., 2018; Ерзин, Антохин, 2015; Ерзин, 2014 и др.).

Процедура и методы исследования

Методики. Оригинальный вариант шкалы «Проактивные аттитюды» (Proactive Attitudes Scale) трансформирован из 15-пунктовой шкалы Р. Шварцером в 1999 г. (Schmitz, Schwarzer, 1999), стандартизирован и валидизирован автором в течение нескольких лет на разных выборках. Англоязычный и немецкоязычный варианты шкалы в открытом доступе размещены на сайте Р. Шварцера вместе с другими его методиками¹, а также опубликованы в его монографии (Schwarzer, Jerusalem, 1999). Предварительно работа по переводу на русский язык и адаптации шкалы была согласована нами с Р. Шварцером.

Шкала состоит из 8 вопросов, которые показали высокую внутреннюю согласованность и тест-ретестовую надежность на выборках в возрасте от 13 до 60 лет (Nabeel, Zafar, 2012). Для ответов используется 4-пунктовая шкала от «совершенно верно» (4 балла) до «абсолютно неверно» (1 балл), суммарный балл может варьироваться от 8 до 32 баллов. На наш взгляд, утверждения (вопросы) шкалы отражают структурные характеристики проактивных аттитюдов, которые включают смысловые компоненты («Я действую согласно своим ценностным установкам»), прогностические аспекты («Я тщательно обдумываю долгосрочные цели»), степень ответственности («Я чувствую личную ответственность за происходящее вокруг меня»). Прямых утверждений, связанных с установкой на будущее не так много («Впереди у меня масса возможностей», «Мною движет чувство личностного предназначения»). Но именно в концепции Р. Шварцера проактивные аттитюды трактуются как интегральная характеристика, включающая вышеперечисленные аспекты (Schwarzer, Jerusalem, 1999). В первоначальных исследованиях автора показано, что проактивные аттитюды связаны с такими переменными, как локус контроля, самоопределение, оптимизм, надежда и самоэффективность (Schwarzer, Jerusalem, 1999). Данная шкала также достаточно широко использовалась Р. Шварцером и его коллегами в батарее методик (проактивное совладающее поведение, шкала прокрастинации, шкала самоэффективности) (Dumitrescu et al., 2011). Некоторые зарубежные авторы стали ее использовать на выборках подросткового возраста (Nabeel, Zafar, 2012).

Для проверки внешней валидности использовалась русскоязычная адаптация методики «Проактивное совладающее поведение» Р. Шварцера в русскоязычной адаптации Е.П. Белинской и др. (Белинская и др., 2018), так как в зарубежных источниках внешняя валидность оценивалась именно с помощью данной методики (Schwarzer, Jerusalem, 1999), и близкий по содержанию опросник копинг-стратегий Р. Лазаруса в русскоязычной адаптации Т.Л. Крюковой и др. (Крюкова и др., 2005). Также нами была использован

¹ Proactive Attitudes. URL: http://userpage.fu-berlin.de/~gesund/skalen/Language_Selection/Turkish/Proactive_Attitude/proactive_attitude.htm (дата обращения: 12.01.2021).

опросник временной перспективы Ф. Зимбардо в русскоязычной адаптации А. Сырцовой и др. (Сырцова и др., 2008), так как проактивные аттитюды отражают отношения к будущему, важно проверить наличие их связей с параметрами временной перспективы.

Для изучения конструктивной валидности использована методика «Проактивное поведение» А.И. Ерзина (Ерзин, Антохин, 2015; Ерзин, 2014), которая имеет прямое отношение к проактивным аттитюдам, поскольку измеряет параметры проактивности и проактивного поведения (процессы саморефлексии, прогнозирования, антиципации и др.), а также шкала самооэффективности Шварцера в адаптации М. Ерусалема, В.Г. Ромека (Ромек и др., 1996). Как указывает Шварцер, самооэффективность тесно связана с проактивными аттитюдами и может выступать фактором их развития.

Участники. Всего в эмпирическом исследовании приняло участие 467 студентов разных вузов (312 женского пола и 155 мужского) в возрасте от 20 до 25 лет. В основном этапе исследования (для стандартизации и валидизации шкалы) участвовало 400 респондентов (272 женского и 128 мужского пола); еще 67 студентов (40 женского и 27 мужского пола) были участниками повторного опроса (спустя 2 и 4 недели). Исследование проводилось онлайн в мае–июне 2021 г. с помощью Google-формы. Участники были из разных городов России (Москва, Новосибирск, Владивосток, Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Мурманск).

Статистические методы. Для обработки результатов исследования были использованы программы SPSS Statistics 24.0 и MS Excel. Для факторизации применялся эксплораторный факторный анализ с применением критерия Кайзера, для проверки надежности использовались коэффициенты α Кронбаха, Спирмена – Брауна, Гутмана; для установления валидности – коэффициент ранговой корреляции Спирмена; для тест-ретестовой надежности – коэффициент Пирсона (Анастаси, Урбина, 2005; Балашова, 2017; Наследов, 2013). Полученные данные по результатам опроса: 400 человек имеют распределение, близкое к нормальному, значения асимметрии ($-0,57$) и эксцесса ($-0,71$) не превышают их удвоенные стандартные ошибки. Исходя из этого, для проверки валидности выбран коэффициент ранговой корреляции Спирмена, для проверки тест-ретестовой надежности – коэффициент Пирсона.

Результаты и их обсуждение

Перевод и русскоязычная адаптация текста шкалы «Проактивные аттитюды». Для русскоязычной адаптации текста шкалы «Проактивные аттитюды» Р. Шварцера осуществлен прямой и обратный перевод преподавателями кафедры психологии и английской филологии Тихоокеанского государственного университета (табл. 1). По мере уточнения русскоязычной формулировки proactive attitude как проактивного аттитюда (а не проактивного отношения) шкала была предъявлена группе студентов из 15 человек с целью проверки понимания переведенных утверждений.

Наше предварительное исследование выявило ряд трудностей в отношении понимания значения самих вопросов (утверждений) шкалы, например: «Я живу согласно моим жизненным ценностям», «Мое поведение под-

чинено цели», «Я сам могу выбирать мой способ достижения цели». В концепции Р. Шварцера много внимания уделено целеполаганию, ответственности и ценностно-смысловым установкам в проактивном совладающем поведении. После обсуждения и поправок формулировок, были подготовлены бланки для проведения эмпирического исследования. Итоговый русскоязычный вариант инструкции, текста и ключа к методике представлен в приложении.

Таблица 1 / Table 1

**Варианты перевода утверждений шкалы «Проактивные аттитюды» /
Options for translating the items of *The Proactive Attitude Scale***

№ / No	Формулировка на английском / Wording in English	Первая формулировка на русском языке / First wording in Russian	Итоговый вариант формулировки на русском языке / The final version of the wording in Russian
1.	I spend time identifying long-range goals for myself	Я долго и тщательно планирую цели на будущее	Я тщательно обдумываю долгосрочные цели
2.	I feel in charge of making things happen	Я чувствую ответственность за все события, которые со мной происходят	Я чувствую личную ответственность за происходящее вокруг меня
3.	I feel responsible for my own life	Я чувствую ответственность за свою собственную жизнь	Ответственность за мою жизнь лежит только на мне
4.	I feel driven by my personal values	Я чувствую себя движимым своими личными ценностями	Я действую согласно своим ценностным установкам
5.	I am driven by a sense of purpose	Мною управляет чувство достижения цели	Мною движет чувство личного предназначения
6.	I am able to choose my own actions	Я сам могу выбирать мой способ достижения цели	Я способен самостоятельно выбирать способ действия
7.	I focus my efforts on things that I can control	Я сосредотачиваю свои усилия на вещах, которые я могу контролировать	Я прикладываю усилия к выполнению того, что способен контролировать
8.	There are abundant opportunities that await me	Я чувствую, что у меня много возможностей для достижения целей	Впереди у меня масса возможностей

Факторная структура шкалы. Эксплораторный факторный анализ (метод главных компонент, вращение Варимакс) позволил установить однофакторную структуру русскоязычной версии шкалы «Проактивные аттитюды» Р. Шварцера. Предварительно мы выполнили проверку на нормальность данных нашей выборки (критерий сферичности Бартлетта равен 183,571 при $r = 0,001$ и мера адекватности выборки Кайзера – Мейера – Олкина равна 0,623), которая является условием для выполнения факторного анализа. Критерий значения Бартлетта при $p < 0,05$ говорит о приемлемости данных для факторного анализа, а полученный критерий КМО $> 0,6$, что говорит об удовлетворительной адекватности данных.

Мы проанализировали собственные значения фактора, превышающие нагрузки 0,70 (табл. 2). В выделенный один фактор, объясняющий 25,2 % дисперсии, попали вопросы 6 («Я способен самостоятельно выбирать способ действия») и 8 («Впереди у меня масса возможностей»).

Мы обозначили данный фактор как «Возможность независимого выбора», поскольку содержание вопросов отражает стремление к самостоятельному и независимому выбору, уверенность в различных вариантах решений. Полученные данные согласуются с основными положениями концепции

Р. Шварцера, где упоминается о роли самостоятельного выбора и уверенности в себе при формировании проактивных аттитюдов (Schwarzer, 2001). Примечательно, что первые два вопроса имеют отрицательное значение и малый вес (вопросы, связанные с ответственностью и долгосрочной перспективой).

Таблица 2 / Table 2

**Факторные нагрузки пунктов русскоязычного варианта шкалы «Проактивные аттитюды» /
Factor loadings of Russian version of Proactive Attitude Scale items**

№ / No	Утверждения / Items	Фактор 1 / Factor 1
1.	Я тщательно обдумываю долгосрочные цели / I spend time identifying long-range goals for myself	-0,0151
2.	Я чувствую личную ответственность за происходящее вокруг меня / I feel in charge of making things happen	-0,0673
3.	Ответственность за мою жизнь лежит только на мне / I feel responsible for my own life	0,2242
4.	Я действую согласно своим ценностным установкам / I feel driven by my personal values	0,4631
5.	Мною движет чувство личностного предназначения / I am driven by a sense of purpose	0,5595
6.	Я способен самостоятельно выбирать способ действия / I am able to choose my own actions	0,7226
7.	Я прилагаю усилия к выполнению того, что способен контролировать / I focus my efforts on things that I can control	0,4837
8.	Впереди у меня масса возможностей / There are abundant opportunities that await me	0,7426

Примечание. Метод главных компонент, вращение Варимакс, отмечены нагрузки >0,70.
Note. Principal component analysis, Varimax rotation, loads >0.70 marked in grey background.

Оценка внутренней согласованности шкалы. Для проверки внутренней согласованности русскоязычной версии шкалы «Проактивные аттитюды» Р. Шварцера использовался коэффициент α Кронбаха. Шкала проактивных аттитюдов показала приемлемую внутреннюю согласованность (общая $\alpha = 0,78$, стандартизированная $\alpha = 0,77$). Для первой части опросника коэффициент Гуттмана составил 0,642, для второй – 0,671. Коэффициент Спирмена – Брауна, используемый также при определении надежности методом расщепления, составил 0,675. Значения этих коэффициентов выше 0,60 означают, что шкала прошла проверку на надежность.

Оценка дискриминативности. Нами были выделены статистические взаимосвязи между каждым вопросом русскоязычной версии шкалы «Проактивные аттитюды» Р. Шварцера и итоговым показателем по шкале. Полученные коэффициенты ранговой корреляции Спирмена от 0,547 до 0,800 (на уровне $p \leq 0,01$) позволяют утверждать, что каждый вопрос и в целом шкала измеряют одно и то же свойство.

Внешняя и конструктивная валидность шкалы. Результаты проверки внешней валидности русскоязычной версии шкалы «Проактивных аттитюдов» Р. Шварцера представлены в табл. 4. Корреляционный анализ показателей проактивного совладающего поведения и проактивных аттитюдов показал, что последние положительно коррелируют со всеми показателями проактивного совладающего поведения, кроме поиска эмоциональной и инструментальной поддержки (табл. 3).

Процесс проактивного преодоления связан со способностью личности планировать, достигать целей за счет превентивных действий. Этим объяс-

няется и связь проактивного аттитюда с «самоконтролем» как одной из стратегий совладания, со стратегией «планирование решение проблемы» и «положительная переоценка проблемы».

Таблица 3 / Table 3

Коэффициенты ранговой корреляции Спирмена пунктов и итогового балла по шкале, N = 400 / Spearman rank correlation coefficients between each item and the total score on the scale, N = 400

№ / No	R	Уровень значимости / p-level
1.	0,547	$p \leq 0,01$
2.	0,748	$p \leq 0,01$
3.	0,712	$p \leq 0,01$
4.	0,605	$p \leq 0,01$
5.	0,673	$p \leq 0,01$
6.	0,718	$p \leq 0,01$
7.	0,800	$p \leq 0,01$
8.	0,521	$p \leq 0,01$

Таблица 4 / Table 4

Коэффициенты ранговой корреляции Спирмена шкалы проактивных аттитюдов со шкалами опросников «Проактивное совладающее поведение» Р. Шварцера, копинг-стратегий Р. Лазаруса, временной перспективы Ф. Зимбардо, N = 400 / Spearman's correlations between the Scale of Proactive Attitudes and the scales of the Proactive Coping Behavior Technique by R. Schwarzer, Way of Coping Questionnaire by R. Lazarus, and Time Perspective Inventory by Ph. Zimbardo, N = 400

Методики / Techniques	Шкалы / Scales	R	Уровень значимости / p-level
	Проактивное совладание / Proactive coping	0,42	$p \leq 0,01$
«Проактивное совладающее поведение» Р. Шварцера / Proactive Coping Behavior Technique by R. Schwarzer	Рефлексивное совладание / Reflexive coping	0,43	$p \leq 0,01$
	Стратегическое планирование / Strategic planning	0,42	$p \leq 0,01$
	Превентивное преодоление / Preventive overcoming	0,529	$p \leq 0,01$
Опросник временной перспективы Ф. Зимбардо / Time Perspective Inventory by Ph. Zimbardo	Будущее / Future	0,26	$p \leq 0,01$
	Негативное прошлое / Negative past	0,128	$p \leq 0,01$
	Фаталистическое настоящее / Fatalistic present	0,145	$p \leq 0,01$
Опросник копинг-стратегий Р. Лазаруса / Way of Coping Questionnaire by R. Lazarus	Самоконтроль / Self control	0,391	$p \leq 0,01$
	Планирование решения проблемы / Problem solving planning	0,623	$p \leq 0,01$
	Положительная переоценка проблемы / Positive reassessment of the problem	0,535	$p \leq 0,01$

Ожидаемые положительные связи были обнаружены между проактивными аттитюдами и показателями временной перспективы, такими как «Будущее», «Фаталистическое настоящее» и «Негативное прошлое». Но значение этих показателей невысокое, что дает повод думать о переменчивости тенденции к взаимосвязи. В разных исследованиях последних лет показано, что показатели временной перспективы достаточно хорошо коррелируют с проактивным и рефлексивным преодолением, стратегическим планированием (Секацкая, 2020; Куфтяк, Секацкая, 2021; Bekhter et al., 2021, Бехтер, Фи-

латова, 2021). В других исследованиях показано, что ориентация на фаталистическое настоящее и негативное прошлое отрицательно связаны со стратегиями проактивного преодоления (Слабинский и др., 2018). Тем не менее установлено, что ориентация на будущее и настоящее имеет значение в становлении проактивных и реактивных стратегий поведения (Пилишвили, Старостина, 2017; Слабинский и др., 2019; Starchenkova et al., 2019; Бухарина, Толстых, 2019; Бехтер, 2020;). Такой разброс результатов мы объясняем тем, что, во-первых, наше исследование выполнено на молодой студенческой выборке (а переживание времени в молодом возрасте значительно отличается от других возрастных периодов), а во-вторых, результаты «ковидной эпохи» связаны с ограничениями контактов и трансформацией переживания времени (Сиврикова и др., 2021), что сказывается на возрастании неопределенности и проактивном совладании в целом.

Но проактивные аттитюды, на наш взгляд, это не только отношения со временем, а смысловое его (времени) наполнение и определение цели, хотя участие прошлого опыта человека и текущего настоящего момента, безусловно, важно для образования аттитюда, что подтверждается результатами исследований проактивных аттитюдов у молодежи в ситуации стихийных бедствий и аккультурации (Grigaitytė et al., 2019; Nakano et al., 2020).

Результаты проверки конструктивной валидности русскоязычной версии шкалы «Проактивные аттитюды» Р. Шварцера представлены в табл. 5. С помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена (при $p \leq 0,01$) установлено, что некоторые шкалы методики «Проактивное поведение» положительно коррелируют с показателями шкалы проактивных аттитюдов. Но с такими шкалами, как «Прогнозирование последствий поведения», «Спонтанность», «Внутренняя детерминация поведения», «Деструктивная проактивность» корреляции обнаружено не было. Мы это связываем с тем, что проактивные аттитюды отражают смысловую установку, своеобразную направленность личности, но могут у некоторых индивидов не способствовать проактивным действиям. Таким образом, вероятно, у части индивидов проактивные аттитюды могут существовать как некоторая готовность в ситуации, благоприятной для реализации проактивных устремлений.

Таблица 5 / Table 5

Коэффициенты ранговой корреляции Спирмена шкалы проактивных аттитюдов со шкалами методик «Проактивное поведение» и «Самозффективность», N = 400 / Spearman's rank correlations between the Scale of Proactive Attitudes and the Proactive Behavior Technique and Self-Efficacy Scale, N = 400

Методики / Techniques	Шкалы / Scales	R	Уровень значимости / p-level
	Осознанность действий / Consciousness of actions	0,427	$p \leq 0,01$
«Проактивное поведение» / Proactive Behavior Technique	Внутренний локус контроля / Internal locus of control	0,346	$p \leq 0,01$
	Автономность в принятии решения / Autonomy in decision making	0,401	$p \leq 0,01$
	Метамотивация / Metamotivation	0,332	$p \leq 0,01$
	Конструктивная проактивность / Constructive proactivity	0,344	$p \leq 0,01$
Самозффективность / Self-efficacy scale		0,527	$p \leq 0,01$

Положительная корреляция проактивных аттитюдов была установлена со шкалой самооффективности (табл. 5). Это говорит в пользу того, что проактивные аттитюды у здорового субъекта выступают индикатором личностных характеристик, отражающих общую проактивность – самооффективность и уверенность в себе. Полученные положительные корреляции со значимыми шкалами методики А.И. Ерзина и шкалой самооффективности позволяют заключить, что шкала проактивных аттитюдов имеет конструктивную валидность.

Тест-ретестовая надежность. Результаты повторного тестирования спустя 2 недели на выборке из 67 студентов свидетельствуют о средней ретестовой надежности ($r = 0,617$) русскоязычной версии шкалы «Проактивных аттитюдов» Р. Шварцера (табл. 6). Спустя 4 недели мы провели еще одно тестирование, тест-ретестовая надежность составила ($r = 0,678$). Полученные результаты говорят об удовлетворительной надежности, так как изменения коэффициентов невелики.

Таблица 6 / Table 6

Коэффициенты корреляции Пирсона показателей шкалы проактивных аттитюдов на разных этапах исследования, N = 67 / Pearson's correlations between the Scale of Proactive Attitudes indicators at different stages of the study, N = 67

Интервал времени после первого тестирования / Time interval after first testing	r	Уровень значимости / p -level
2 недели / 2 weeks	0,617	$p < 0,001$
4 недели / 4 weeks	0,678	$p < 0,001$

Таблица 7 / Table 7

Описательная статистика показателей шкалы проактивных аттитюдов с учетом возраста и пола, N = 400 / Descriptive statistics of indicators of the Scale of Proactive Attitudes indicators, N = 400

Выборка / Sample	N	M	Me	Min	Max	Variance	σ
Мужчины / Male	155	26,2	26,0	18,00	32,00	15,14	3,89
Женщины / Female	312	25,2	26,0	8,00	32,00	21,13	4,59
20–22 years old	210	26,0	27,0	10,00	34,00	11,13	3,40
23–25 years old	190	25,0	26,0	8,00	32,00	12,14	3,12
Общая выборка / Total sample	400	25,6	26,0	8,00	34,00	19,90	4,01

Описательная статистика показателей шкалы с учетом возраста и пола. Средние значения русскоязычной версии шкалы «Проактивные аттитюды» Р. Шварцера по общей выборке составляют 25,6 балла, варианты разброса ответов – от 8 до 34 баллов (табл. 7). Также нами определены гендерные различия по шкале, хотя разница в общем показателе по шкале не превышает 2 баллов. Величина статистического эффекта Коэна (d) между мужчинами и женщинами (разница между математическими ожиданиями двух групп) составила 0,376 при $r = 0,184$. Такое значение Коэна считается небольшим, но тем не менее указывает на различие результатов мужской и женской выборки по данной шкале.

Заключение

Представлены основные психометрические показатели русскоязычной версии шкалы проактивных аттитюдов Р. Шварцера, адаптированной на выборке студенческой молодежи в возрасте 20–25 лет. Несомненным достоинством шкалы является ее краткость (проведение занимает несколько минут) и простота обработки результатов. На данный момент эта шкала – единственная методика для измерения проактивных аттитюдов как позитивных установок на будущее, что отражает ее значимость для психодиагностики проактивного совладающего поведения человека.

С помощью эксплораторного факторного анализа установлена однофакторная структура шкалы (фактор «Возможность независимого выбора»), что говорит о субъектной направленности самих проактивных аттитюдов в ранней молодости. Оценка дискриминативности продемонстрировала приемлемые измерительные свойства шкалы. Проверка внешней и конвергентной валидности показала значимые связи проактивных аттитюдов с проактивностью, самооффективностью, стратегиями проактивного поведения и реактивными копинг-стратегиями.

В качестве *ограничения исследования* нужно отметить тот факт, что его результаты были получены с помощью онлайн-опроса в период пандемии COVID-19, что могло сказаться на результатах всех использованных методик.

В качестве перспектив работы над дальнейшей адаптацией шкалы «Проактивные аттитюды» Р. Шварцера предполагается стандартизация шкалы в других возрастных, профессиональных, социальных группах, а также проведение дополнительных исследований внешней и конструктивной валидности шкалы.

Список литературы

- Агадуллина Е.Р., Белинская Е.П., Джураева М.Р.* Личностные и ситуационные предикторы проактивного совладания с трудными жизненными ситуациями: кросс-культурные различия // Национальный психологический журнал. 2020. № 3 (39). С. 30–38. <https://doi.org/10.11621/npj.2020.0304>
- Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
- Анастаси А., Урбина С.* Психологическое тестирование. СПб.: Питер, 2005. 688 с.
- Балашова Е.Ю.* Восприятие времени и некоторые методические возможности его изучения в клиничко-психологических исследованиях // Клиническая и специальная психология. 2017. Т. 6. № 2. С. 97–108. <https://doi.org/10.17759/cpse.2017060208>
- Белинская Е.П.* Молодежные представления о трудных жизненных ситуациях: кросс-культурные различия // Новые психологические исследования. 2021. Т. 1. № 4. С. 109–121. https://doi.org/10.51217/npsyresearch_2021_01_04_06
- Белинская Е.П., Вечерин А.В., Агадуллина Е.Р.* Опросник проактивного копинга: адаптация на неклинической выборке и прогностические возможности // Клиническая и специальная психология. 2018. Т. 7. № 3. С. 192–211. <https://doi.org/10.17759/cpse.2018070312>
- Бехтер А.А.* Исследование проактивного совладающего поведения и проактивных аттитюдов младших школьников: постановка проблемы // Психология стресса и совладающего поведения: вызовы, ресурсы, благополучие: материалы V Междуна-

родной научной конференции, Кострома, 26–28 сентября 2019 г.: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. М.В. Сапоровская, Т.Л. Крюкова, С.А. Хазова. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2019. С. 314–318.

Бехтер А.А. Психологический анализ реактивно-проактивного совладания у наркозависимых мужчин // Клиническая и специальная психология. 2020. Т. 9. № 4. С. 21–35. <https://doi.org/10.17759/cpse.2020090402>

Бехтер А.А., Головачева М.В. Взаимосвязи стилей проактивного совладающего поведения студентов и общего уровня стресса // Личность в образовательном пространстве: вариативность подходов к содержанию и технологиям психолого-педагогического сопровождения: сборник научных трудов / под ред. Е.Н. Ткач. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2020. С. 34–39.

Бехтер А.А., Филатова О.А. Временная перспектива и реактивные стратегии как факторы проактивного совладания в молодом возрасте // Ананьевские чтения – 2021: материалы международной научной конференции, 19–22 октября 2021 г. / под общ. ред. А.В. Шаболтас; отв. ред. В.И. Прусаков. СПб.: Скифия-принт, 2021. С. 173–174.

Бухарина А.Ю., Толстых Н.Н. Временная перспектива и временная компетентность как факторы учебной мотивации // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8. № 2. С. 36–48. <http://doi.org/10.17759/jmfp.2019080204>

Ерзин А.И. Методика «Проактивное поведение»: описание шкал и первичная оценка психометрических показателей // Актуальные проблемы психологического знания. 2014. № 4 (33). С. 59–69.

Ерзин А.И., Антохин Е.Ю. Апробация методики диагностики проактивности в клинических выборках // Психология и психотехника. 2015. № 5 (80). С. 493–500. <https://doi.org/10.7256/2070-8955.2015.5.13777>

Ковязина М.С., Фомина К.А. Нейропсихологический потенциал метода «фиксированной установки» Д.Н. Узнадзе // Экспериментальная психология. 2016. Т. 9. № 3. С. 91–102. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2016090308>

Крюкова Т.Л., Куфтяк Е.В., Замышляева М.С. Адаптация методик, изучение совладающего поведения Way of Coping Questionnaire (опросник способов совладания Р. Лазаруса и С. Фолкмана) // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 57–76.

Куфтяк Е.В., Бехтер А.А. Стресс и проактивное совладающее поведение в период пандемии COVID-19: данные онлайн-опроса // Медицинская психология в России. 2020. Т. 12. № 6 (65). С. 2.

Куфтяк Е.В., Секацкая Е.О. Связь проактивного совладания и индивидуально-личностных показателей в период взрослости // Ананьевские чтения – 2021: материалы международной научной конференции, 19–22 октября 2021 г. / под общ. ред. А.В. Шаболтас; отв. ред. В.И. Прусаков. СПб.: Скифия-принт, 2021. С. 682–683.

Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2007. 510 с.

Нартова-Бочавер С.К. Психологическая суверенность как предиктор эмоциональной устойчивости в ранней и средней взрослости // Клиническая и специальная психология. 2015. Т. 4. № 1. С. 15–28.

Наследов А.Д. IBM SPSS Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных. СПб.: Питер, 2013. 416 с.

Петраш М.Д. Психологическое содержание и факторы возникновения кризисов профессионального развития на этапе начала профессиональной деятельности // Экспериментальная психология. 2011. Т. 4. № 4. С. 88–100.

Пилишвили Т.С., Старостина А.А. Особенности стрессоустойчивости студентов с разной временной перспективой // Акмеология. 2017. № 1 (61). С. 94–97.

Ромек В.Г., Шварцлер Р., Ерусалем М. Русская версия шкалы общей самооффективности Р. Шварцлера и М. Ерусалема // Иностранная психология. 1996. № 7. С. 71–77.

- Секацкая Е.О.* Временная перспектива личности как детерминанта проактивного копинг-поведения // Наука: комплексные проблемы. 2020. № 2 (16). С. 19–24.
- Сиврикова Н.В., Иванов Ф.А., Харланова Е.М.* Взаимосвязь проактивности и удовлетворенности дистанционным обучением во время пандемии COVID-19 // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. Т. 9. № 5. 03PSMN521.
- Слабинский В.Ю., Воищева Н.М., Кабиева А.А., Левадная М.О.* Оценка эффективности «Тренинга проактивного поведения» при формировании приверженности врача профилактической работе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 18. № 4. С. 893–914. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-4-893-914>
- Слабинский В.Ю., Воищева Н.М., Незнанов Н.Г., Никифоров, Г.С., Ульянов, И.Г.* Психологические особенности реактивного, активного и проактивного типов совладающего поведения: уровневый подход // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. 2019. Т. 10. № 3. С. 539–545.
- Слабинский В.Ю., Воищева Н.М., Чехлатый Е.И., Подсадный С.А.* Профессиональное выгорание и восприятие времени при посттравматическом стрессовом расстройстве // Экология человека. 2018. № 2. С. 45–50. <https://doi.org/10.33396/1728-0869-2018-2-45-50>
- Старченкова Е.С.* Концепция проактивного совладающего поведения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2009. № 1–2. С. 198–205.
- Старченкова Е.С.* Проактивное совладание с профессионально трудными ситуациями и стрессами на работе как ресурс профессионального здоровья // Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие: материалы IV Международной научной конференции, Кострома, 22–24 сентября 2016 г.: в 2 т. Т. 2 / отв. ред. Т.Л. Крюкова, М.В. Сапоровская, С.А. Хазова. Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2016. С. 191–193.
- Сырцова А., Соколова Е.Т., Митина О.В.* Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 3. С. 101–109.
- Цильмак А.Н.* Типология жизнедеятельных установок личности // Психологическая наука и образование. 2012. Т. 4. № 1. С. 380–390.
- Atitsogbe K.A., Hansenne M., Pari P., Rossier J.* Normal personality, the dark triad, proactive attitude and perceived employability: a cross-cultural study in Belgium, Switzerland and Togo // Psychologica Belgica. 2020. Vol. 60. No. 1. Pp. 217–235. <http://doi.org/10.5334/pb.520>
- Bekhter A.A., Gagarin A.V., Filatova O.A.* Reactive and proactive coping behaviors in Russian first-year students: diagnostics and development opportunities // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2021. Vol. 18. No. 1. Pp. 85–103. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-1-85-103>
- Bhat A.M., Najar S.A., Dar M., Saini N.* Self-efficacy and proactive attitude among patients with diabetes // Indian Journal of Health and Wellbeing. 2013. Vol. 4. No. 2. Pp. 333–338.
- Bui T.H.T., Nguyen T.N.T., Pham H.D., Tran C.T., Ha T.H.* The mediating role of self-compassion between proactive coping and perceived stress among students // Science Progress. 2021. Vol. 104. No. 2. 368504211011872. <http://doi.org/10.1177/00368504211011872>
- Dumitrescu A.L., Dogaru B.C., Dogaru C.D., Manolescu B.* The relationship between self-reported oral health, self-regulation, proactive coping, procrastination and proactive attitude // Community Dental Health. 2011. Vol. 28. No. 2. Pp. 170–173.
- Freire C., Ferradás M.D.M., Regueiro B., Rodríguez S., Valle A., Núñez J.C.* Coping strategies and self-efficacy in university students: a person-centered approach // Frontiers in Psychology. 2020. Vol. 11. 841. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00841>
- Greenglass E., Schwarzer R., Jakubiec D., Fiksenbaum L., Taubert S.* The Proactive Coping Inventory (PCI): a multidimensional research instrument // Stress and Anxiety Re-

search Society (STAR): Proceeding of the 20th International Conference, Cracow, Poland, July 12–14, 1999. URL: <https://estherg.info.yorku.ca/files/2014/09/pci.pdf> (accessed: 09.02.2021).

- Grigaitytė I., Österman K., Björkqvist K.* Proactive attitudes towards integration and intense group identification, in a sample of the Swedish-speaking minority of Western Finland // *European Journal of Social Science Education and Research*. 2019. Vol. 6. No. 3. Pp. 23–36. <https://doi.org/10.26417/ejsr.v6i3.p23-36>
- Griva F., Anagnostopoulos F.* Positive psychological states and anxiety: the mediating effect of proactive coping // *Psychological Reports*. 2010. Vol. 107. No. 3. Pp. 795–804. <https://doi.org/10.2466/02.20.PR0.107.6.795-804>
- Nabeel T., Zafar H.* Parental attachment and proactive attitude among adolescents // *JPAIR Multidisciplinary Research*. 2012. Vol. 7. No. 1. Pp. 281–301.
- Nakano G., Suwa S., Gautam A., Yamori K.* Long-term evaluation of proactive attitudes toward disaster education in Nepal // *International Journal of Disaster Risk Reduction*. 2020. Vol. 50. 101866. <https://doi.org/10.1016/j.ijdr.2020.101866>
- Nakano G., Yamoria K.* Disaster risk reduction education that enhances the proactive attitudes of learners: a bridge between knowledge and behavior // *International Journal of Disaster Risk Reduction*. 2021. Vol. 66. 102620. <https://doi.org/10.1016/j.ijdr.2021.102620>
- Sachs J.* Psychometric properties of the proactive attitude scale in students at the University of Hong Kong // *Psychological Reports*. 2003. Vol. 93. No. 3 Pt. 1. Pp. 805–815. <https://doi.org/10.2466/pr0.2003.93.3.805>
- Schmitz G.S., Schwarzer R.* Proaktive Einstellung von Lehrern: Konstruktbeschreibung und psychometrische Analysen // *Zeitschrift für Empirische Pädagogik*. 1999. Vol. 13. No 1. Pp. 3–27.
- Schwarzer R.* Stress, resources, and proactive coping // *Applied Psychology: An International Review*. 2001. Vol. 50. No. 3. Pp. 400–407.
- Schwarzer R., Jerusalem M.* Skalen zur Erfassung von Lehrer- und Schülermerkmalen. Dokumentation der psychometrischen Verfahren im Rahmen der wissenschaftlichen Begleitung des Modellversuchs Selbstwirksame Schulen. Berlin: Freie Universität Berlin, 1999, 101 p.
- Ślawińska M., Kubasiński S.* Designing the conditions for the proactive attitude of employees to increase organizational resilience // *European Research Studies Journal*. 2021. Vol. XXIV. No. 5. Pp. 697–708. <http://dx.doi.org/10.35808/ersj/2760>
- Slecza P., Braun B., Grüne B., Bühringer G., Kraus L.* Proactive coping and gambling disorder among young men // *Journal of Behavioral Addictions*. 2016. Vol. 5. No. 4. Pp. 639–648. <https://doi.org/10.1556/2006.5.2016.080>
- Starchenkova E., Nikiforov G., Vodopyanova N., Dudchenko Z., Rodionova E.* Interrelation of the attitude to time, proactive coping behavior, and burnout syndrome among teachers of the higher school // *Proceedings of the International Conference on Sustainable Development of Cross-Border Regions: Economic, Social and Security Challenges (ICSDCBR 2019): Proceeding of the International Conference*. Atlantis Press, 2019. Pp. 922–926. <https://doi.org/10.2991/icsdcbr-19.2019.190>
- Starchenkova E.S.* Phenomenon of proactive coping behavior in occupational health psychology // *Организационная психология*. 2020. Т. 10. № 4. С. 156–183.
- Stephanou G., Gkavras G., Doulkeridou M.* The role of teachers' self- and collective-efficacy beliefs on their job satisfaction and experienced emotions in school // *Psychology*. 2013. Vol. 4. No. 3A. Pp. 268–278. <http://doi.org/10.4236/psych.2013.43A040>

История статьи:

Поступила в редакцию 15 января 2022 г.

Принята к печати 25 февраля 2022 г.

Для цитирования:

Бехтер А.А., Филатова О.А. Адаптация шкалы Р. Шварцера «Проактивные аттитюды»: валидизация и психометрическая проверка на выборке российской молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19. № 1. С. 158–178. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-158-178>

Сведения об авторах:

Бехтер Анна Александровна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии, директор Психологического центра, Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск; Россия). ORCID: 0000-0002-1017-558X, eLIBRARY SPIN-код: 8977-2383. E-mail: behter2004@mail.ru

Филатова Олеся Анатольевна, преподаватель кафедры психологии, аспирант кафедры психологии, Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск, Россия). ORCID: 0000-0002-4948-3678, eLIBRARY SPIN-код: 3321-4751. E-mail: 0409800911@mail.ru

ПРИЛОЖЕНИЕ

Шкала Р. Шварцера «Проактивные аттитюды»

Инструкция. Прочитайте каждое утверждение, подумайте, насколько оно описывает вас. Справа отметьте в колонке любым значком в графе степень согласия с утверждением (от «абсолютно неверно» до «совершенно верно»).

№	Вопросы	Абсолютно неверно	Едва ли это верно	Скорее всего, верно	Совершенно верно
1.	Я тщательно обдумываю долгосрочные цели				
2.	Я чувствую личную ответственность за происходящее вокруг меня				
3.	Ответственность за мою жизнь лежит только на мне				
4.	Я действую согласно своим ценностным установкам				
5.	Мною движет чувство личного предназначения				
6.	Я способен самостоятельно выбирать способ действия				
7.	Я прикладываю усилия к выполнению того, что способен контролировать				
8.	Впереди у меня масса возможностей				

Ключ к шкале

Обработка результатов: «абсолютно неверно» – 1 балл; «едва ли это верно» – 2 балла; «скорее всего, верно» – 3 балла; «совершенно верно» – 4 балла. Количество баллов складывается.

Adaptation of R. Schwarzer's Proactive Attitudes Scale: Validation and Psychometric Testing on a Sample of Russian Youth

Anna A. Bekhter , Olesya A. Filatova

Pacific National University,
68 Karla Marksa St, Khabarovsk, 68000, Russian Federation

 behter2004@mail.ru

Abstract. The relevance of studying proactive coping and proactive attitudes in early adulthood is determined by the fact that planning the future and predicting difficult situations are important skills for an adult. In theoretical terms, our study is based on R. Schwarzer's approach to proactive coping and proactive attitudes as well as the research work of Russian authors on creating and adapting methods for studying proactive coping (E.P. Belinskaya, A.I. Erzin, E.S. Starchenkova, T.L. Kryukova, E.V. Kuftyak, and others). The purpose of the study was to describe the psychometric indicators of The Proactive Attitudes Scale by R. Schwarzer on a sample of Russian university students. The research objectives were as follows: (1) to make an adequate translation of the original version of the scale; (2) to determine the factor structure of the scale and evaluate its internal consistency and discriminativity; and (3) to estimate the test-retest reliability and validity of the scale as well as the average indicators for the period of early adulthood. The following research methods were involved: the construct validity was examined using A. Erzin's Proactive Behavior Technique and R. Schwarzer's Self-Efficacy Scale; the external validity was assessed using the Proactive Coping Behavior Technique (adapted by E.P. Belinskaya et al.), Zimbardo Time Perspective Inventory (adapted by A. Syrtsova et al.) and Folkman and Lazarus' Ways of Coping Questionnaire (adapted by T.L. Kryukova et al.). The sample consisted of 467 people aged 20–25 (312 women and 155 men). The main study (for scale standardization and validation) involved 400 respondents (272 women and 128 men); 67 respondents participated in the second survey (after 2 and 4 weeks). The study was conducted online in Google Forms. An exploratory factor analysis made it possible to single out the one-dimensionality of the scale (the Possibility of Independent Choice factor) and its acceptable internal consistency (Cronbach's alpha coefficient, $\alpha = 0.78$). The indicators of test-retest reliability and discrimination were satisfactory. The scale showed acceptable external and construct validity, the average values on the scale were highlighted, and gender differences were presented. The Proactive Attitudes Scale has the necessary psychometric characteristics and can be used for express diagnostics of young people.

Key words: proactive attitude, proactive coping behavior, internal consistency, external validity, construct validity, test-retest reliability, early adulthood

Acknowledgements and Funding. The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Ministry of Education and Science of the Republic of South Ossetia (MESRSO), Project No. 21-513-07004 "Coping with the Challenges of the Complexity of a Changing World in Early Adulthood (Youth)."

References

- Agadullina, E.R., Belinskaya, E.P., & Dzhuraeva, M.R. (2020). Personal and situational predictors of proactive coping with difficult life situations: cross-cultural differences. *National Psychological Journal*, (3), 30–38. (In Russ.) <https://doi.org/10.11621/npj.2020.0304>
- Ananiev, B.G. (2001). *Chelovek kak predmet poznaniya*. Saint Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
- Anastasi, A., & Urbina, S. (2005). *Psychological testing*. Saint Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
- Atitsogbe, K.A., Hansenne, M., Pari, P., & Rossier, J. (2020). Normal personality, the dark triad, proactive attitude and perceived employability: A cross-cultural study in Belgium, Switzerland and Togo. *Psychologica Belgica*, 60(1), 217–235. <http://doi.org/10.5334/pb.520>
- Balashova, E.Yu. (2017). Perception of time and some methodical possibilities of its study in clinical psychological research. *Clinical Psychology and Special Education*, 6(2), 97–108. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/cpse.2017060208>
- Bechter, A.A. (2019). Research of proactive coping behavior and proactive attitudes at younger pupils: Statement of the problem. *Psikhologiya Stressa i Sovladayushchego Povedeniya: Vyzovy, Resursy, Blagopoluchie: Conference Proceedings* (vol. 1, pp. 314–318). Kostroma: Kostroma State University Publ. (In Russ.)
- Bekhter, A.A. (2020). Psychological analysis of reactive-proactive coping of drug-dependent men. *Clinical Psychology and Special Education*, 9(4), 21–35. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/cpse.2020090402>
- Bekhter, A.A., & Filatova, O.A. (2021). Vremennaya perspektiva i reaktivnye strategii kak faktory proaktivnogo sovladaniya v molodom vozraste *Anan'evskie Chteniya – 2021: Conference Proceedings* (pp. 173–174). Saint Petersburg: Skifia-print. (In Russ.)
- Bekhter, A.A., & Golovacheva, M.V. (2020). Relationship of styles of proactive coping behavior of students and general stress level. *Lichnost' v Obrazovatel'nom Prostranstve: Variativnost' Podkhodov k Soderzhaniyu i Tekhnologiyam Psikhologo-Pedagogicheskogo Soprovozhdeniya: Conference Proceedings* (pp. 34–39). Khabarovsk: Pacific National University. (In Russ.)
- Bekhter, A.A., Gagarin, A.V., & Filatova, O.A. (2021). Reactive and proactive coping behaviors in Russian first-year students: Diagnostics and development opportunities. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 18(1), 85–103. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-1-85-103>
- Belinskaya, E.P. (2021). Youth perceptions of difficult life situations: Cross-cultural differences. *New Psychological Research*, (4), 109–121. (In Russ.) https://doi.org/10.51217/npsyresearch_2021_01_04_06
- Belinskaya, E.P., Vecherin, A.V., & Agadullina, E.R. (2018). Proactive coping inventory: Adaptation to a non-clinical sample and the predictive capability. *Clinical Psychology and Special Education*, 7(3), 192–211. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/cpse.2018070312>
- Bhat, A.M., Najar, S.A., Dar, M., & Saini, N. (2013). Self-efficacy and proactive attitude among patients with diabetes. *Indian Journal of Health And Wellbeing*, 4(2), 333–338.
- Bui, T.H.T., Nguyen, T.N.T., Pham, H.D., Tran, C.T., & Ha, T.H. (2021). The mediating role of self-compassion between proactive coping and perceived stress among students. *Science Progress*, 104(2), 368504211011872. <http://doi.org/10.1177/00368504211011872>
- Bukharina, A.Yu., & Tolstykh, N.N. (2019). Time perspective and temporal competence as factors of learning motivation. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 8(2), 36–48. (In Russ.) <http://doi.org/10.17759/jmfp.2019080204>
- Dumitrescu, A.L., Dogaru, B.C., Dogaru, C.D., & Manolescu, B. (2011). The relationship between self-reported oral health, self-regulation, proactive coping, procrastination and proactive attitude. *Community Dental Health*, 28(2), 170–173.
- Erzin, A.I. (2014). Pro-active behavior technique: scales description and primary assessment of psychometric indicators. *Aktual'nye Problemy Psikhologicheskogo Znaniya*, (4), 59–69. (In Russ.)

- Erzin, A.I., & Antokhin, E.Yu. (2015). Aprobatsiya metodiki diagnostiki proaktivnosti v klinicheskikh vyborkakh. *Psikhologiya i Psikhotekhnika*, (5), 493–500. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2070-8955.2015.5.13777>
- Freire, C., Ferradás, M.D.M., Regueiro, B., Rodríguez, S., Valle, A., & Núñez, J.C. (2020). Coping strategies and self-efficacy in university students: A person-centered approach. *Frontiers in Psychology*, 11, 841. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00841>
- Greenglass, E., Schwarzer, R., Jakubiec, D., Fiksenbaum, L., & Taubert, S. (1999). The Proactive Coping Inventory (PCI): A multidimensional research instrument. *Stress and Anxiety Research Society (STAR): Proceeding of the 20th International Conference. Cracow, Poland, July 12–14, 1999*. Retrieved February 9, 2021, from <https://estherg.info.yorku.ca/files/2014/09/pci.pdf>
- Grigaitytė, I., Österman, K., & Björkqvist, K. (2019). Proactive attitudes towards integration and intense group identification, in a sample of the Swedish-speaking minority of Western Finland. *European Journal of Social Science Education and Research*, 6(3), 23–36. <https://doi.org/10.26417/ejser.v6i3.p23-36>
- Griva, F., & Anagnostopoulos, F. (2010). Positive psychological states and anxiety: The mediating effect of proactive coping. *Psychological Reports*, 107(3), 795–804. <https://doi.org/10.2466/02.20.PR0.107.6.795-804>
- Kovyazina, M.S., & Fomina, K.A. (2016). Neuropsychological potential of the method of “fixed set” of D.N. Uznadze. *Experimental Psychology (Russia)*, 9(3), 91–102. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/exppsy.2016090308>
- Kryukova, T.L., Kuftyak, E.V., & Zamyshlyeva, M.S. (2005). Adaptatsiya metodik, izuchenie sovladayushchego povedeniya Way of Coping Questionnaire (oprosnik sposobov sovladaniya R. Lazarusa i S. Folkmana). *Psikhologicheskaya Diagnostika*, (3), 57–76. (In Russ.)
- Kuftyak, E.V., & Bekhter, A.A. (2020). Stress i proaktivnoe sovladayushchee povedenie v period pandemii COVID-19: Dannye onlain oprosa. *Medicinskâ Psihologiâ v Rossii*, 12(6), 2. (In Russ.)
- Kuftyak, E.V., & Sekatskaya, E.O. (2021). Svyaz' proaktivnogo sovladaniya i individual'no-lichnostnykh pokazatelei v period vzroslosti. *Anan'evskie Chteniya – 2021: Conference Proceedings* (pp. 682–683). Saint Petersburg: Skifia-print. (In Russ.)
- Leontiev, D.A. (2007). *Psikhologiya smysla: Priroda, stroenie i dinamika smyslovoi real'nosti*. Moscow: Smysl Publ. (In Russ.)
- Nabeel, T., & Zafar, H. (2012). Parental attachment and proactive attitude among adolescents. *JPAIR Multidisciplinary Research*, 7(1), 281–301.
- Nakano, G., & Yamoria, K. (2021). Disaster risk reduction education that enhances the proactive attitudes of learners: A bridge between knowledge and behavior. *International Journal of Disaster Risk Reduction*, 66, 102620. <https://doi.org/10.1016/j.ijdr.2021.102620>
- Nakano, G., Suwa, S., Gautam, A., & Yamori, K. (2020). Long-term evaluation of proactive attitudes toward disaster education in Nepal. *International Journal of Disaster Risk Reduction*, 50, 101866. <https://doi.org/10.1016/j.ijdr.2020.101866>
- Nartova-Bochaver, S.K. (2015). The psychological sovereignty as a predictor of emotional resilience in youth and early adulthood. *Clinical Psychology and Special Education*, 4(1), 15–28. (In Russ.)
- Nasledov, A.D. (2013). *IBM SPSS Statistics 20 i AMOS: Professional'nyi statisticheskii analiz dannykh*. Saint Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
- Petrash, M.D. (2011). Psychological content and factors of incipient professional-development crises at the early stages of professional activity. *Experimental Psychology (Russia)*, 4(4), 88–100. (In Russ.)
- Pilishvili, T.S., & Starostina, A.A. (2017). Features of stress resistance of students with different time perspective. *Acmeology*, (1), 94–97. (In Russ.)

- Romek, V.G., Schwarzer, R., & Jemsalem, M. (1996). Russian version of the General Self-Efficacy Scale. *Foreign Psychology*, (7), 71–77. (In Russ.)
- Sachs, J. (2003). Psychometric properties of the proactive attitude scale in students at the University of Hong Kong. *Psychological Reports*, 93(3Pt1), 805–815. <https://doi.org/10.2466/pr0.2003.93.3.805>
- Schmitz, G.S., & Schwarzer, R. (1999). Proaktive Einstellung von Lehrern: Konstruktbeschreibung und psychometrische Analysen. *Zeitschrift für Empirische Pädagogik*, 13(1), 3–27.
- Schwarzer, R. (2001). Stress, resources, and proactive coping. *Applied Psychology: An International Review*, 50(3), 400–407.
- Schwarzer, R., & Jerusalem, M. (1999). *Skalen zur Erfassung von Lehrer- und Schülermerkmalen. Dokumentation der psychometrischen Verfahren im Rahmen der wissenschaftlichen Begleitung des Modellversuchs Selbstwirksame Schulen*. Berlin: Freie Universität Berlin.
- Sekatskaya, E.O. (2020). The temporal perspective of the individual as a determinant of proactive coping behavior. *Nauka: Kompleksnye Problemy*, (2), 19–24. (In Russ.)
- Sircova, A., Sokolova, O.V., & Mitina, O.V. (2008). Adaptation of F. Zimbardo time perspective inventory. *Psichologicheskij Zhurnal*, 29(3), 101–109. (In Russ.)
- Sivrikova, N.V., Ivanov, F.A., & Kharlanova, E.M. (2021). Correlation of proactivity and satisfaction with distance learning during a pandemic COVID-19. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 9(5), 03PSMN521. (In Russ.)
- Slabinsky, V., Voischeva, N., Neznanov, N., Nikiforov, G., & Ulyanov, I. (2019). Psychological features of reactive, active and proactive types of coping behavior: Level approach. *Psychiatry, Psychotherapy and Clinical Psychology*, 10(3), 539–545. (In Russ.)
- Slabinsky, V.Y., Voishcheva, N.M., Kabieva, A.A., & Levadnaya, M.O. (2021). Estimating the efficiency of the “Proactive Behavior Training” in the formation of the doctor’s adherence to preventive work. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 18(4), 893–914. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-4-893-914>
- Slabinsky, V.Yu., Voishcheva, N.M., Chekhladyi, E.I., & Podsadnyi, S.A. (2018). Professional burnout and time perception in posttraumatic stress disorder. *Human Ecology*, (2), 45–50. (In Russ.) <https://doi.org/10.33396/1728-0869-2018-2-45-50>
- Sławińska, M., & Kubasiński, S. (2021). Designing the conditions for the proactive attitude of employees to increase organizational resilience. *European Research Studies Journal*, XXIV(5), 697–708. <http://dx.doi.org/10.35808/ersj/2760>
- Slecza, P., Braun, B., Grüne, B., Bühringer, G., & Kraus, L. (2016). Proactive coping and gambling disorder among young men. *Journal of Behavioral Addictions*, 5(4), 639–648. <https://doi.org/10.1556/2006.5.2016.080>
- Starchenkova, E. (2020). Phenomenon of Proactive coping behavior in occupational health psychology. *Organizacionnaâ Psihologiâ*, 10(4), 156–183.
- Starchenkova, E., Nikiforov, G., Vodopyanova, N., Dudchenko, Z., & Rodionova, E. (2019). Interrelation of the attitude to time, proactive coping behavior, and burnout syndrome among teachers of the higher school. *Proceedings of the International Conference on Sustainable Development of Cross-Border Regions: Economic, Social and Security Challenges (ICSDCBR 2019): Proceeding of the International Conference* (pp. 922–926). Atlantis Press. <https://doi.org/10.2991/icsdcbr-19.2019.190>
- Starchenkova, E.S. (2009). The concept of proactive coping behavior. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Education*, (1–2), 198–205. (In Russ.)
- Starchenkova, E.S. (2016). Proactive coping with professionally difficult situations and stresses at work as a resource of occupational health. *Psikhologiya Stressa i Sovladayushchego Povedeniya: Resursy, Zdorov'e, Razvitie: Conference Proceedings* (vol. 2, pp. 191–193). Kostroma: Nekrasov Kostroma State University. (In Russ.)

- Stephanou, G., Gkavras, G., & Doulkeridou, M. (2013). The role of teachers' self- and collective-efficacy beliefs on their job satisfaction and experienced emotions in school. *Psychology*, 4(3A), 268–278. <http://doi.org/10.4236/psych.2013.43A040>
- Tsilmak, A.N. (2012). Typology of life-activity-related mindsets of personality. *Psychological-Educational Studies*, 4(1), 380–390. (In Russ.)

Article history:

Received 15 January 2022

Revised 21 February 2022

Accepted 25 February 2022

For citation:

Bekhter, A.A., & Filatova, O.A. (2022). Adaptation of R. Schwarzer's Proactive Attitudes Scale: Validation and Psychometric Testing on a Sample of Russian Youth. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 19(1), 158–178. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-158-178>

Bio notes:

Anna A. Bekhter, PhD in Psychology, Associate Professor, is Associate Professor of the Psychological Department, Director of the Psychological Center, Pacific National University (Khabarovsk, Russia). ORCID: 0000-0002-1017-558X, eLIBRARY SPIN-code: 8977-2383. E-mail: behter2004@mail.ru

Olesya A. Philatova is Lecturer, Postgraduate Student of the Psychological Department, Pacific National University (Khabarovsk, Russia). ORCID: 0000-0002-4948-3678, eLIBRARY SPIN-code: 3321-4751. E-mail: 0409800911@mail.ru